

“Моби Паблишинг” Москва 2011

ОСИЯННОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1
2011

Продолжается VIII Межвузовский литературный форум им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово»

Продолжается приём заявок от участников VIII Межвузовского литературного форума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово» Форум проходит с февраля по декабрь 2011 года.

В Форуме могут принять участие начинающие писатели в возрасте до 35 лет, не имеющие профессионального образования в области литературного творчества.

В программе Форума — Летняя открытая литературная школа, мастер-классы членов Жюри, заключительный семинар для финалистов в Доме творчества писателей в Переделкине, а также другие мероприятия.

Заявку на Форум можно подать по обычной и электронной почте, а также на сайте Форума <http://osiyannoeye-slovo.ru>. Заявки принимаются до 12 сентября 2011 года.

Дмитрий Крылов, Председатель Оргкомитета Форума:

«Не секрет, что объявления о подобных событиях в первую очередь звучат в вузах гуманитарного направления. У нас с самого начала была идея — предоставить возможность студентам негуманитарных вузов участвовать в таком мероприятии. Неожиданно откликнулись на наше приглашение не только студенты, но и аспиранты, молодые преподаватели, и даже молодые люди, которые еще не успели поступить в вуз — школьники, студенты колледжей. Приходили заявки и от людей, уже закончивших технические вузы, и от военнослужащих. Представители гуманитарного направления подтянулись. А мы рады всем участникам».

Алексей Витаков, Художественный руководитель Форума, член Союза писателей России:

«Творческая молодежь испытывает необходимость в общении. Показать написанное, обсудить, посмотреть, куда движутся собратья по перу... Мы не стремимся формализовать творчество, мы помогаем создать максимально комфортные условия для обмена творческими взглядами».

Межвузовский литературный форум им.Н.С.Гумилёва «Осиянное слово» — это ежегодное мероприятие, ориентированное на раскрытие и реализацию творческого потенциала начинающих непрофессиональных писателей. Важным отличием Форума от похожих мероприятий является то, что Форум не является в чистом виде конкурсом: хотя в рамках Форума и проводятся конкурсы по направлениям (проза, поэзия, драматургия и др.), большинство мероприятий Форума имеют неконкурсную основу, а участие в конкурсах добровольно.

Форум основан в 2004 году по инициативе ректора Московского института радиотехники, электроники и автоматики (технического университета) — МИРЭА (ТУ) — А.С.Сигова. Существенную поддержку Форуму оказывают различные организации писателей: Союзы писателей России и Москвы, Международная федерация русскоязычных писателей и др.

В I Форуме (2004 г.) приняли участие 72 студента из 25 вузов Москвы и Московской области. В VI Форуме (2009 г.) участвовали уже более 570 человек, представлявших 125 вузов Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Саратова, Калуги, Самары, Минска, Киева, Харькова, а также других регионов России и стран СНГ. В VI Форуме также принимали участие молодые люди из Франции, Польши, Венгрии, Болгарии и КНР.

Традиционным для Форума стал заключительный семинар в знаменитом Доме творчества писателей в подмосковном Переделкине.

Контактная информация

Сайт Форума: <http://osiyannoeye-slovo.ru>

E-mail: mlf@osiyannoeye-slovo.ru

Тел.: +7 (916) 809-76-10 (Ответственный секретарь Оргкомитета Дмитрий Меркушов)

“MOBY publishing” Москва 2011

ОСИЯННОЕ СЛОВО
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1
2011

Слово редактора	3
Календарь событий	4
Алексей Витаков	6
Татьяна Кондратова. Простая истина: о книге Алексея Витакова «Другая сторона света»	15
Александр Сталь	17
Виктор Бушмин-Кочетов. Свежий ветер литфестивалей	23
Алексей Шмелёв. ИЗ ШКОЛЬНЫХ ТЕТРАДЕЙ	25
Марина Котова	29
Татьяна Кондратова. Стихи, рожденные любовью: о лирике Марины Котовой	42
Марина Котова: «Относиться к литературе как Гумилев»	44
Анастасия Жулькова. Сказки Дубравы	47
Елена Борок	57
Максим Амелин	59
Анна Жмурова. И когда раздарено будет все...	67
Виктор Бушмин-Кочетов. Осиянное Слово 2010 года	71
Дмитрий Меркушов. Мужик, медведь, лиса и слепень	75
Наталья Красюкова. «Как дышать»	77
Нина Ягодинцева. Стояла ночь – зелёная вода...	79
Татьяна Кондратова	87
Сергей Аксёнов. Да, я был человеком. Да, смирился со словом «был»...	89
Павел Быков . Чёрно-белые	94
Иван Купреянов. Подводные течения влекут тепло из океанов в океаны...	98
Ника Акеми	100
Ангелина Трофимова. Времени нет. Не сбудется, что загадано было...	101
Андрей Савченко. От синюшных кафе Трех вокзалов, От сумбура столичной зимы...	106
Дарья Лебедева. Вторая сказка для К.	109
Елена Муссалитина. Не стучись напрасно в двери рая...	113
Лев Усачёв. На гребне волны	124
Юлия Линникова. Кусочки янтаря	132
Роман Япишин. Природа сна	137
Алексей Шмелёв. Интервью с Сергеем Делеверовичем Корычевым поэтом, музыкантом, сценаристом, летчиком	142
Нина Ягодинцева	147

Литературный журнал «Осиянное Слово», №1 2011 года. Выходит раз в квартал.
Объём 160 полос. Редакционная коллегия: Татьяна Кондратова, Елена Исаева, Елена Муссалитина, Нина Ягодинцева, Марина Котова.
Издатель и учредитель: ООО «МОБИ Паблишинг», 603135, Н.Новгород, просп. Ленина, 41

Редакция:
Главный редактор: Алексей Витаков
Выпускающий редактор: Дмитрий Меркушов
Менеджер печати: Вероника Алёшкина
Компьютерная вёрстка: Михаил Корнев
Дизайн: Владимир Лупандин
Директор по рекламе: Сергей Красниковский

Слово редактора

Здравствуйте, Друзья! Этим номером мы начинаем большое дело – выпуск нового толстого литературного журнала. Меня часто спрашивают на концертах и встречах с читателями: «Куда пропала качественная литературная периодика? Где можно прочесть молодых современных авторов?» Я не знал, что ответить. Большинство толстых журналов имеют сформированную авторскую прослойку, которую они освещают, причём, авторы эти были молодыми ещё при Советском Союзе. Тогда я решил при помощи моих друзей, членов жюри МЛФ им. Н.С. Гумилёва организовать свой молодёжный, авторский литературный журнал, открытый для всех. В редколлегии журнала «Осиянного Слова» даровитые, если не сказать, гениальные, поэты, прозаики, критики, филологи: Татьяна Кондратова, Нина Ягодинцева, Елена Исаева, Елена Муссалитина, Марина Котова.

Первый выпуск журнала полон ярких и самобытных авторов, большинство из них непрофессионалы, т.е. они не обучались литинститутах, что не мешает их лирике быть возвышенной и вдохновенной.

Приятного чтения!

Вечно ваш, Алексей Витаков
Главный редактор журнала «Осиянное Слово»

7 - 11 июля

Фестиваль авторской песни, поэзии и прозы "Господин Ветер" будет проводиться на территории Коломенского района Московской области в районе поселка Пески, рядом с музеем дворянского быта Шервинских. В этих местах в разные годы бывали Ахматова, Цветаева, Брюсов, Пастернак, Тарковский и другие поэты 20 века. Председатель жюри - член Союза писателей России Алексей Витаков. Фестиваль проводится по следующим направлениям: проза малых форм (миниатюра, рассказ, новелла, эссе и т.д), поэзия, авторская песня, литературный перевод, журналистика, публицистика. Подробности смотрите на сайте в интернете <http://gospodin-veter.ru>

15-10 июля

Усманский Молодёжный Открытый фестиваль поэзии и авторской песни "Серебряный родник" пройдёт в пригороде Усмани (Песковатский лес). Фестиваль рассчитан на молодых исполнителей. Основные номинации: поэзия, авторская песня, исполнение (поэзии и песни), а так же специальная номинация "детская", в которой принимают участие авторы и исполнители до 14 лет, во всех остальных – возраст участников от 14 до 30 лет. Лауреаты и дипломанты фестиваля автоматически попадают в финал регионального фестиваля Липецкой области «Радуга Струн»

25-30 июля

Межрегиональный фестиваль авторской песни имени Юрия Визбора "Распахнутые ветра" (Осташковском районе Тверской области, оз.Селигер). В фестивале участвуют сотни представителей клубов самодельной песни, индивидуальных авторов и исполнителей авторской песни в возрасте от 14 до 35 лет из Санкт-Петербурга, Москвы, Ивановской, Новгородской, Смоленской, Брянской, Костромской, Вологодской областей, а также из республик Саха и Татарстан, многих городов и районов Верхневолжья. Цель фестиваля, который традиционно проходит в форме палаточного лагеря в окрестностях озера Селигер, - поддержка отдельных талантливых исполнителей и юношеских коллективов, работающих в жанре авторской песни.

12-14 августа

Бунинский фестиваль авторской песни и литературы малых форм "Радуга струн" проходит на территории ФСК «Задонск», г.Задонск, Липецкой области. Фестиваль является кульминацией серии фестивалей Черноземья. В прошлом году членами жюри были Алексей Витаков, Татьяна Кондратова, Алла Линёва, Эмма Меньшикова, Владимир Крымский, Анжелика Дякина, Юрий Лорес, Михаил Калинин, Евгений Муравьев, Юрий Федотов, Андрей Колесников, Юрий Винокур. Конкурсы проходят по номинациям авторская песня, поэзия, малая проза. Подробнее читайте на сайте: <http://www.raduga-strun.ru>

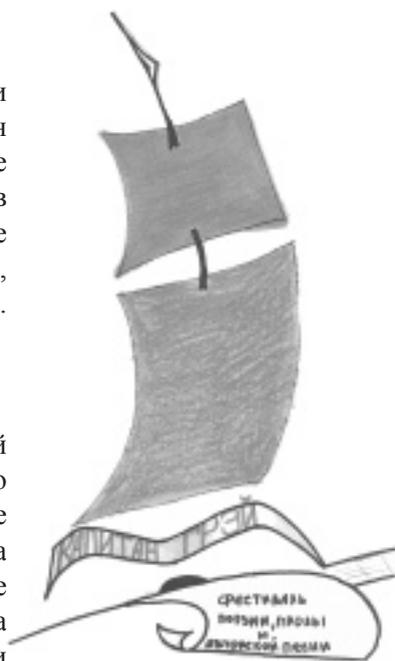
16-18 сентября на древней земле Тмутаракани (ст. Тамань) на юге Руси, у стен домика, где однажды осенью остановился М.Ю. Лермонтов, где Понт Эвксинский (Черное море) и Меотида (Азовское море) сливаются в одно — состоится Фестиваль Авторской песни и Литературы малых форм под названием «Осень в Тамани».

7-9 октября Фестиваль авторской песни, поэзии и прозы малых форм «РУБИКОН» имени Н. И. Рыленкова состоится в городе-герое Смоленске, на территории в п. Красный Бор.. Примут участие не только отечественные авторы, но также ожидаются гости из Беларуси, Польши, Прибалтики. Это пилотный фестиваль на смоленской земле, чьи лауреаты и дипломанты также проходят в финал «Осиянного Слова». Подробнее читайте на сайте <http://rubikonfest.ru>.

21-23 октября

Фестиваль авторской песни и литературы малых форм Капитан Грэй пройдёт в Оленегорске Мурманской области. К участию в фестивале приглашаются молодые авторы Северо-Запада - Мурманской, Архангельской, Вологодской областей, республик Карелии и Коми. Подробнее читайте на сайте <http://kapitan-grey.ru>

3-7 ноября за ключ и т е л ь н ы й семинар Межвузовского Литературного Форума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное Слово». Семинар проходит ежегодно в Доме творчества писателей Переделкино (г. Москва). В семинаре принимают участие финалисты форума из числа подавших заявки и рекомендованных оргкомитетами региональных фестивалей. Возраст участников до 35 лет. Обязательно отсутствие профильного литературного профессионального образования. Участники семинара могут опубликовать свои подборки произведений в ведущих литературных изданиях: журнал «Осиянное Слово», журнал «Москва», журнал «Юность», журнал «Форум» и др. Подробности на <http://osiyannoje-slovo.ru>

* Лауреаты региогальных фестивалей автоматически попадают в финал Межвузовского Литературного Форума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное Слово», заключительный семинар которого пройдёт в п. Переделкине (Москва) Доме творчества писателей.

Алексей Витаков
Песня Бояна

Куликово

Заря над травами вставала.
Держала небо на весу.
И небо тихо покидало
Остекленевшую росу.

И тишь стояла в горле колом.
Звенела в сдавленном виске.
Все. Кони встали. Куликово.
И Русь в цветочном лепестке.

Антонина

быль
(Вторая редакция)

Руки прятала Антонина
Неумело от взглядов чужих.
Можно было с высохшей глиной,
С глиной в трещинах сравнивать их.
Знала травы. Лечила грыжи.
Было всё вроде, как у людей.
Но под старость всё чаще и ближе
Голос детский мерещился ей.
То ругает голос, то судит,
То откуда-то сверху кричит,
То настойчивым всхлипом будит
Одинокое сердце в ночи.
И бежит тогда Антонина,
Спотыкаясь на встречу с тайгой.
Руки в трещинах, глина глиной,
Подбирают подол вековой.
На поляне, где плахи пнями,
Тень берёзы — комар в смоле,
Мёртво вцепится в горло память
И придавит щекою к земле.
Наплывет штабелями катищ,

Дымом вырубок, визгом пилы,
Сплавом и островами кладбищ,
Чёрным ветром, столбами золы.
Мёртвым зноем и гиблой стужей,
Мужем...мужем...да, чтоб ты, война!
Двух детей родила от мужа
И сирот поднимала одна.
Днём работа: топор да брёвна
Да у сучьего века в плену.
К ночи ноги не ходят, словно
К ним привязано по валуну.
То-то слово соседки плетью
Хлестко било по левой груди:
«Хочешь, Тоня, быть ближе к детям?
Ты роди. Ну, чего там, роди!»
А она, взгляд бросая длинный
На ладони, твердила в ответ:
«Руки, вон, пострашнее глины.
Да, и где мужики-то? Ведь нет!
На детей обернётся с болью:
Сыну десять, а младшенькой семь.
Без присмотра — осока в поле.
Впрямь от рук отобьются совсем.
Сводни старые для забавы:
«Вон Васята, хоть нем, да шустер!
Антонина прервет: «Шалавы.
Всякий горб свой отыщет багор!»
Но однажды, уйдя из дому
Ночью тёмной, что в подпол дыра,
Постучалась она к нему
И была у него до утра.
А на тридцать восьмой неделе
Взрезал воздух младенческий крик.
Как от ветра качнулись ели.
Проступил в небе дымкою лик.
Вот уж плакала Антонина
Целый день, а потом всю ночь.
Руки в трещинах, глина глиной,
Сына, сына хотели! Не дочь!
За окном — разговор да шутки!
Антонина в сердцах: «Надо ж прут!
Прямо фаршем из мясорубки.
То дозваться невозможно, а тут..!

Серым волком мелькнули годы.
Семь раз землю распахивал плуг.

Сердце заживо жгли восходы.
Над иконой болтался паук.

Антонина уже без грусти
На вопрос: «Как малую зовут?»
Отвечала с улыбкой: «Люсей.
Люди, вот ведь, чего не наврут!»
Но пришло, навалилось горе:
От рожденья четвёртой весной
Люся после сыпучей хвори
Безнадёжно осталась слепой.
Антонина лишь сжала губы
И с мужчинами — на лесосплав.
...Ничего обойдётся. Вон Люба
Пятерых в люди вывести смогла.
Эко жизнь, всё равно как вымажь.
Только лучик — и тут же пропал...
«Антонина Иванна, сын ваш...
Жив, но ранен. Под штабель попал!»
...Это сглаз иль напасть какая?
Кто вас, беды, направил в меня?
Чуть притрёшься к одной, - другая!
Дуй на воду. Беги от огня.
Как легко им: живой, но ранен.
Инвалид, - ну как! Где же ты, Бог?..
И впервые цветком в стакане
Вдруг сломалась. Упала на мох.
Дальше холод и тьма глухая.
Скрип. И вот он — паук из угла...
На коленях стоит слепая
И целует в заснежье чела.
...Люся, Люся, ну что нам делать!
Дух ли чей-то так нас невзлюбил?
Или кто-то на свете белом
На белила меня обделил?..

Вот они уже прочь от дома
Через дебри бредут наугад.
А как встала луна огромно,
Мать одна возвратилась назад.
Трое суток тайга гудела.
Рог охотничий всюду хрипел.
Трое суток остервенело
Сын бинты разрывал на себе.
Бился душно в своей постели
И, сестру прижимая к плечу,

Трое суток стонал, шалея:
«Мать, зачем ты? Вовек не прощу!»
Сосны древние не забыли,
Как, задув за оконцем свечу,
Закричал вдруг немой Василий:
«Антонина, вовек не прощу!»

Серым волком мелькнули годы.
Семь раз землю распахивал плуг.
Сердце заживо жгли восходы.
Над иконой болтался паук.

Антонина дугой согнулась.
Поседела, как мох-лишай.
Сын, мужая, впадал в угрюмость,
Водкой морок и злость глуша.
Спьяну-сдуру женился на спор.
Дочь уехала — и с концом,
Выйдя замуж за зека с властным,
Посеревшим от зон лицом.
Старики уходили в вечность.
Поросль в жизнь пробивалась, и
Антонина подчас у печки
Пела внукам, держа свои
Руки сморщенные, что глина,
На убитых пеньках колен.
И боялась хмельного сына.
И боялась своих же стен.
Как-то летом от дочки в гости
Прибыл внук: егоза и врун.
Бледный, хилый, сплошные кости,
В волосах — смоляной колтун.
Он в свои десять лет слыл вором,
Дикарёнком. Ну, сущий ад!
Дети били его за город,
За враньё и за всё подряд.
Это лето дождливым было.
Так лило, что не описать.
Взбунтовалась река, взбурлила,
Обернула течение вспять.
Разметала, как щепки, боны.
Лаву свайную - навзничь, вдрызг.
Лишь висячий мосток со стоном
Ставил бок под лавину брызг.
И селяне толпясь, робели:
Ну и ну, мол, да всё — грехи.

А река размывала берег.
Страшно ухали топляки.
Вот тогда на мосток висячий,
Одежонку стянув, залез
Дикаренок, скелет ходячий.
И раскинул ручонки в крест.
Берег ахнул, застыл оградой.
Частокол — мурава в слюде.
Все услышали: «Вот вам, гады!
Нате! На...» - и исчез в воде.
Дико вскрикнула Антонина.
Побежала, споткнулась, и
Потащила её по глине
Сила бешеная земли.
Вдруг откуда-то дед Василий.
Миг. Над пеной лицо. И нет.
Распластались льняные крылья.
Седины запредельный свет.
Прокричала воронка сипло.
Муть кромешная. Голова.
А потом дикаренок выплыл
По-собачьи гребя едва.
Это всё, что сумел Василий
Разглядеть, уходя на дно.
Не узнал он, как бабы выли,
Как ломал мужиков озноб.
Как по грудь в воде Антонина,
Стиснув дочерна кулаки,
Била, била, нещадно, длинно
Отупевшую плоть реки.

Серым волком мелькнули годы.
Семь раз землю распахивал плуг.
Сердце заживо жгли восходы.
Над иконой болтался паук.

Вот и наш дикаренок вырос.
И в тайге пропадал с ружьём.
И тайга для него открылась
Рыбой, птицею и зверьём.
Сколько минуло, поменялось,
Превратилось в золу и дым?
Только прозвище и осталось
«Дикаренок». Да, Бог бы с ним...
Как-то раз, проходя болото,
Он наткнулся на старый крест,

В кочку воткнутый, словно кто-то
Всё о силе знал этих мест.
И, домой возвратившись к ночи,
Всё не мог он забыть никак
Топь и крест на высокой кочке,
Сердца бешеный стук в висках.
Антонине вскользь, между делом,
Рассказал и увидел вдруг,
Как лицо её побелело,
Как в глазах промелькнул испуг.
И со дна её сердца память
Поднялась, наплыла в глаза.
По оврагам лица, по камню
Губ неспешно сползла слеза:
«Там за топью есть луговина,
Просто вся из целебных трав.
Я-то, в мыслях своих о сыне,
В первый раз не взяла багра.
Отпустила я руку дочки
Лишь на миг на какой-то, и
Загуляла лешачья кочка.
Обернулась — в воде круги!»

Поднималась луна огромно.
Плыл над лесом неясный звук.
И в забытом углу, над иконой
Тот же самый висел паук.

Песня Бояна

Колея, обочина – все одно.
Каждой печке-лавочке – свой сверчок.
У меня два облака за спиной.
А тебе что кажется? Дурачок.

Потяни, дороженька, за рукав.
Покажи-ка волюшку наяву.
Пальцами корявыми сто рубях
Я на песне гусельной разорву.

А рвану сто первую – брызнет кровь.
Вот тогда и радуйся, пой, душа.
Говори, родимая за любовь
И гляди на небушко не дыша.

Я пойду по улицам в калачах
Пустоту девичьих глаз воровать.
У меня два ворона на плечах.
А тебе все ангелов подавай.

Ивою над гусями наклонюсь.
Пусть запястья тощие вспомнят свет.
Вороны тяжелые – ну и пусть.
Но зато два облака – в синеве.

Призовет ли на небо скоро Бог
Иль отправит заживо в ад гореть:
В темных избах поодаль от дорог
Скоморохи страсть мою будут петь.

Будут петь-рассказывать день и ночь
Да беречь от зависти и молвы.
У ветров займы беря только мощь,
Тишину заветную – у травы.

Где у бездны край, скажи, а где дно?
Почему в душе свистит вдруг дыра?
У меня два облака за спиной.
А еще два ворона. Так-то, брат.

Меркурий Смоленский

Предание есть у смоленской земли.
Недаром сей град слыл твердыней.
В ту осень туманы бедой протекли
По скулам звериным Батья.
Последний рубеж - и Европа у ног.
Смоляне строптивы, как ветер.
Бормочет Батый: « Русь получит урок.
Ну, где вы, собакины дети?»

Вдруг отрока видит - верхом, при копье,
Над верхней губой пух – едва ли.
- Рехнулись там что ли во граде совсем.
На сечу детей отправляют.
- Эй, отрок, ступал бы ты лучше домой:
Греть нос в материнском подоле!
Боюсь! Ай, стелюсь пред тобою травой!
Аж Тенгри хохочет до колик!
Гляди, рассмешил: аж народ мой мечи

Повыронил. Ох, ну и время!
А может, Смоленск так несет мне ключи?
Ай, руссы , не лисье ли семя! -

Каталась орда по траве хохоча,
Коней отпустив на приволье.
А витязь на взгорье белел, как свеча
И взглядом окидывал поле.
Но вот он копье накренил – то сигнал
Застывшим в засаде дружинам.
И грохотом конницы грянул обвал.
На раз распрямилась пружина.
Удара не ждал хитроумный степняк.
На лаву надвинулась лава.
Топча ковыли, на клокочущий мрак
Шли кривичи в зареве славы.

Монголам бы стрелами бить да скакать,
Кружить по степи каруселью.
Но в ближнем бою, где оскал на оскал,
Кто может быть руссов сильнее?!
Возы, малахаи - всё катится прочь.
Всё в страхе и в хаосе тонет.
Эй, русич, к седлу булаву приторочь!
И выдохни ужас погони!
Бегут врассыпную. Гони их, гони!
Подальше от отчего крова.
Покуда на сердце обида саднит!
Покуда не стерлись подковы!

Хан вздыбил коня: «Всем, кто видит мой меч,
Кто мой еще слушает голос!
Мальчишке срубить буйну голову с плеч!
Пусть сам принесет ее в город.»
И взвизгнул нукер, как в руке тетива.
Блеснуло кровавое жало.
Свист сабли. Фонтаном закат. Голова
Наезднику в руки упала.
Конь вынес из сечи и бег устремил
К бревенчатым стенам Смоленска.
Туда, где хозяин средь отчих могил
Навеки найдет себе место.
Звенела в ноябрьском морозе трава.
Чертила по небу комета.
И долго отрубленная голова
Шептала: « Победа, победа...»

Сон коня

На курган занесло серым ветром меня.
Засверкала широкая Волга.
И сквозь толщи земли был мне голос коня.
И сказал он : «Я ждал тебя долго!

Помнишь, как пирувал ты с дружиной в траве,
Как тогда ты напился кромешно?
Лучше нечего было желать татарве».
Я ответил:»Не помню, конечно.»

«Вспомни, как побурела под берегом вода,
Но тебе было этого мало.
А еще вспомни жуткие блики, когда
Нас навеки с тобою не стало.

Как тогда я в закатную рябь уходил,
Отсекая земную погоню,
И тебя выносил с черной раной в груди!»
Я ответил:»Ты знаешь,не помню!»

А потом в тишине у степного огня
Пела женщина, глядя на Волгу.
Неужели, мой друг, ты не вспомнишь коня?
Я ведь ждал, ты поверь, очень долго.

А когда хоронили нас,помнишь,она
Бледный лоб твой накрыла ладонью.
Как была моя ревность, ты помнишь, черна!»
Я ответил:»Ну хватит, не помню!»

Конь умолк, было слышно дыханье его.
Мне мерещился шум древней сечи.
Я не помню, мой друг, ты прости, ничего!
И поникли кургановы плечи.
Где-то близко совсем у степного огня
Пела женщина самозабвенно.
И был сон боевому коню про меня
И про женщину тоже. Наверно.

Татьяна Кондратова
**Простая истина: о книге Алексея Витакова
«Другая сторона света»**

Каждый поэт, создавая свой мир, творя свои запредельные поэтические миры, вместе с тем всегда отвечает на вечные вопросы человеческого бытия: что есть истина, что есть счастье и есть ли оно, следовательно, по каким законам движется жизнь человека: по благодным или же – жестоким, несправедливым. Ответ всегда есть, даже если художник сознательно и не обращается к философским, экзистенциальным темам. Созданный художником мир, движущийся по созданным им законам, уже и есть этот ответ.

Книга Алексея Витакова заставляет вспомнить детство. Впрочем, такая память всегда индивидуальна: для кого-то это розовое расплывшееся пятно, для кого-то пятно это покрыто ранами, боль от которых с годами не исчезает, но становится глуше и, как это ни странно, сильнее. Стихи Витакова об отчем доме, об отце, маме, брате, дорогих ему людях наполнены искренним чувством – тихой любовью, рубцовской светлой грустью:

*Пролетала родина струйкою дыма.
Зацепило тоненько, потянуло длинно.
Пролетала родина, вдаль уносилась,
Словно самокрутка дедова курилась.*

Творчество поэта не возникает на пустом месте – в нем всегда можно ощутить токи предшествующей культуры. И линия, которую сознательно или же бессознательно (но скорее – сознательно!) продолжает Алексей Витаков очевидна: Сергей Есенин, Николай Рубцов, Юрий

Кузнецов... Но настоящий поэт, продолжая какие-то традиции, всегда что-то открывает, развивает – только продолжая, он может впасть в эпигонство, когда самые сокровенные чувства (а любовь к родине – чувство интимное, нутряное (вспомним Некрасова: «как женщину, ты родину любил») передаются с помощью поэтических штампов и от этого теряют свою сокровенность.

Думается, Алексею Витакову удалось избежать опасности, которая подстерегает многих поэтов, не побоявшихся приблизиться к этой теме: уйти в избыточную патетику, ведь чувства его лирического героя порой через край готовы перелиться... Что спасает? Искренность и та сила детских впечатлений, которая не исчезла с годами. Да он и сам признается: «Какая к черту зрелость, если в сорок никак не можешь выбраться из детства?» И это хорошо. Хорошо потому, что сохранились в памяти запахи, звуки, едва уловимые оттенки цветов, в которые окрашено детство:

*Помню, трещины были на раме.
Я разглядывал в трещинах тьму.
Как же пахло в избе сухарями,
Я не скоро узнал почему.*

Читая книгу Витакова, понимаешь, что счастье – в сознании прочности кровных уз, родственных связей. Эта так любимая русскими классиками 19 века мысль сегодня звучит как утешение, как надежда, что все основные жизненные ценности незыблемы, что «два чувства»

и сегодня «дивно близки нам». В стихах Витаква утверждается неразрывная связь между «отцами» и «детьми», и в этом источник жизнеутверждающей лирики поэта, его жизненного оптимизма. Это тем более удивительно, что, начиная с «Думы» Лермонтова, русская поэзия настойчиво изображала разрыв между поколениями, который постепенно превратился в пропасть; и состояние тупика, безысходности стало доминирующим мироощущением многих современных поэтов, особенно молодых. В стихах Витаква этого нет. Напротив, поражает страстное желание понять и принять все поступки «отцов», а в этом залог, что все поступки, заблуждения, а может, и ошибки его поколения тоже будут поняты и прощены. Даже то, что могло стать источником постоянной обиды на судьбу, лирический герой Витаква воспринимает как чью-то благоую волю. И это достойно уважения и восхищения:

*Любовался морозными блесками
Сорванец семилетний с крыльца.
Было надо кому-то, Господи,
Чтобы сын не запомнил отца.*

У Льва Толстого есть такое понятие – «скрытая теплота патриотизма». Оно означает естественное желание человека сделать что-то для своей родины, для народа, при этом не говоря никаких громких фраз – беспарфосно. Мне думается, стихи Алексея Витаква согревают именно этой «скрытой теплотой патриотизма». Это любовь к родному дому, русскому северу, деревенскому детству, людям – но любовь не названная, не заявленная. В этом и прелесть чувства, которое рождается из воспоминаний о косоротой тетке Аглае, пленном немце Клаусе Гримере, бабушке Антонине Иванне, деде, который выстоял в поединке с «сатаной» в черном тарантасе... Детская память сохранила

то, что потом осмыслил взрослый поэт: в трудной жизни, лишенной счастья, этим людям заменой его стало терпение – это тоже жизнь, и очень достойная жизнь. И жизнь, как и историю, не переписать.

Еще одна тема, которая не может не зацепить, не царапнуть – до боли, до слез – военная. Стихотворение «Вверху над росчерком дорог», более известное как «Старлей Печорин», без сомнения, войдет в антологию военной поэзии конца прошлого столетия. Пронзительные строки о наших последних войнах. Пронзительны потому, что здесь – и отсыл к прошлой культуре (не лермонтовский ли это герой, но уже в «нашем» времени?), и ломка стереотипа восприятия этого образа. Они, Печорины всех времен, решительны и отважны, даже в самых бессмысленных ситуациях остаются героями! Батальная сцена одной из последних войн России вписана в масштабное полотно мировых битв, начиная с античной мифологии и кончая теми, что происходят на наших глазах:

*Харон над заревом плывёт,
Но на земле не до Харона.
Печорин целит в вертолёт.
И в автомате два патрона.*

Картину перевернутого в сознании мира создает образ «бога в обгорелом вертолёте», который «трет деревянное чело». Это не богоборчество, но горькое сознание нелепости происходящего действия. В стихотворении удивительно совмещены и смысловые, и разные языковые пласты. Сквозь ужас обреченности, который возникает из этой картины по-античному высокой трагедии, прорывается «человечье» – из детства, из дома:

*Скрип-лип-лели.
Трим-лим-люли.
Пой, тетя Поля.
Спи, дочь Юля.*

И это – война и мир – наших «героев времени».

Лирический герой Витакова, бесспорно, погружен в мировую культуру, но не отравлен, не пресыщен ею. Поэтому ему так интересно все, что происходит сейчас и что происходило ранее – он постоянно ищет сопряжения эпох. Особенно влечет его в «начальные миры»: Древняя Греция и Древний Рим – постоянные маршруты раздумий лирического героя Витакова. Это его ответ на ставший хрестоматийным пушкинский вопрос – «Куда ж нам плыть?» Его лирический герой чем-то сродни герою Николая Гумилёва – вечный странник, авантюрист в высоком смысле слова, жаждущий сильных впечатлений, настоящих приключений. Конечно, влияние поэзии мэтра русского акмеизма на творчество Алексея Витакова проявляется не только в самом типе героя – аллюзии и реминисценции отсылают к его стихам, подтверждая генетическую связь поэтов.

В стихах Витакова, бесспорно, есть

романтическое начало: оно в постоянном присутствии идеала, который то совсем близко, то неожиданно растворяется в туманных далях античности, западного средневековья, русской истории или русского фольклора. Но присутствие это ощутимо. Замечательны баллады, где грань между реальностью и мистикой полупрозрачна: «Помнит голос мой век иной...», «Сон коня» и др.

Книга интересна переходами – тематическими, стилистическими. И, конечно же, взглядом поэта на мир. Лирика Алексея Витакова рождает не надежду, нет! – уверенность в том, что всё в нашей жизни идет по справедливым законам, что каждому отпущено столько счастья, сколько он сможет вынести. И главное – поэт книгой отвечает на самый важный вопрос, над которым уже третье тысячелетие бьется человечество: что же есть истина? Ответ Витакова прост: «И душа поняла, что не надо ни крова, ни хлеба и что истина может быть только в любви». Такая вот простая истина.

Александр Сталь

Сергий. Благословение

Листья – цвета янтаря.
В рощах тихо-тихо.
А у стен монастыря –
Шум, неразбериха.

Вместо прежней тишины
Вдруг столпотворенье
То ли козни Сатаны,
То ли наважденье.

Что случилось, в чем беда?
Не ужель пожар?
Может быть опять Орда
Навела татар?

Что теперь – куда бежать?
В лес? В деревню? В храм?
Иль ворота открывать,
Дорогим гостям.

Рокот в воздухе повис,
Уьем очумелым.
Наконец разобрались,
Поняли в чем дело.

Князь приехал. С ним - вся рать.
Войско, воеводы.
Будут их благословлять
В путь перед походом.

Где же Сергей? Вот идет
Он в холщовой рясе,
До распахнутых ворот
Сам навстречу князю.

Подошел. Простой монах,
Он с земным поклоном,
На протянутых руках
Поднял ввысь икону.

Князь давно уж слез с коня,
Замер на минуту,
И, кольчугою звеня,
Отдал шлем кому-то.

С непокрытой головой,
Рьяно, вдохновенно,
Пред иконою святой
Преклонил колено.

Вслед за князем – все вокруг
Пали на колени.
Даже сильный ветер вдруг
Замер на мгновенье.

Листья падали с берез
Лебединой стаей.
Сергий тихо произнес
«Князь! Благословляю!»

Посмотрел на воевод –
Сдержанные лица
Тех, кто вскоре поведет
Войско в поле биться.

Посмотрел на новый стяг,
Воина над змеем.
Понял – кем бы ни был враг
Точно – одолеем.

Было тихо, и до слез
Радостно, как в мае.
Старец снова произнес.
«Князь! Благословляю!»

Пусть сто крат сильней Орда,
Пусть жестока битва
Дмитрий! Знай! С тобой всегда
Есть моя молитва.

Ты идешь не просто в бой –
Передай дружине.
Быть иль нет Руси Святой –
Порешиться ныне.

Так веди же свою рать
Супротив Мамаю.
Он помедлил, и опять –
«Князь! Благословляю!»

Что ж - все сказано, и вот
Слов не надо боле.
Дальний путь дружину ждет,
Ждет героев поле.

Не теряя время зря,
Взяв с собой икону
Прям от стен монастыря
Войско вышло к Дону.

Проводы

Встала баба у порога,
Подперла рукой косяк.
«Не пушу!» – сказала строго
«Не пушу и все, вот так!»

Что удумал – Ирод новый –
Ну какая тебе рать?
Ты ведь палицы дубовой
Не осилишь раз поднять...

Ты еще был мал – три года
Помнишь ли – твой старший брат
Из Литовского похода
Не пришел живым назад.

Брат второй – его моложе
Уж тому как минул год
С берегов кровавой Вожи
Все до дома не дойдет.

Посмотри – весь день дорогой
Движет, движет к Дону рать.
Сил и так набрали много –
Не ходи, послушай мать».

На крыльцо отец поднялся –
Сердце дрогнуло в груди...
«Ты один у нас остался –
Нас схоронишь – уходи».
Сын твердил, не отступая –
Все равно я, мол, уйду
Супротив Орды Мамая
Каждый воин на счету.

До утра не прекращался
Между ними разговор.
А с зарей отец собрался –
Стал прилаживать топор.

«Я и сам пойду с тобою –
Мне в ногах достанет сил.
Бают – Сергей под Москвою
Рать в поход благословил».

Мать застыла на пороге...
На щеке дрожит слеза...
Завернула хлеб в дорогу
Покрестясь на образа.

Проводила до сторожи,
Поклонилась им двоим –

«Ты, отец, того – построже
Там доглядывай за ним».

Утро на Куликовом поле

В тумане теряется лента реки,
Туман лег над черной водою...
У берега тихо застыли полки,
Готовые к смертному бою.

Врага мы не видим – он спрятан во мгле,
Холодной сентябрьской ночи,
Но грохот копыт на разбитой земле
Становится ближе и звонче.

Стоим на откосе – у самой воды –
Наохлившись, словно вороны,
А грозное войско поганой Орды
Лавиною тянется к Дону.

Стоим неподвижно, стоим в три ряда,
Стоим, плотно стиснувши плечи.
Все ближе и ближе подходит Орда,
Все явственней страшная сеча.

Смотрю, обернувши лицо на восток,
Там скоро забрезжит Светило –
А в первом ряду, предо мной, паренек –
Ему лет шестнадцать от силы.
Я видел не раз, когда конный отряд
Врезался вглубь пешего строя.
Я знаю, на что обречен первый ряд,
В сумятице жаркого боя.

Куда ж это сотник поставил мальчика –
Ему первый ряд – как могила.
Туда бы матерого надо бойца,
Кто с опытом, хваткою, силой.

Матерый – нырнет под удар с головой,
Он знает, куда уклониться.
А вот паренек, что сейчас предо мной –
Ему не спастись, не укрыться.

Он раньше, наверно, на зверя ходил,

Но конный – тут дело другое,
И парень в строю предо мною застыл
Как будто овца на убое.

Но, может быть, кто поменялся бы с ним
–
Смотрю на соседние лица,
А войны не видят, и дела нет им –
Самим бы от смерти отбиться.

А что ж тогда я - разве ж я не матер,
Что – годы мои – молодые?
Впервые ли сжал я ладонях топор,
И в поле лью кровь я - впервые?

Чего ж тогда сам я не в первом строю,
Не там, где кровь грядет рекою?
Уместно ли прятать мне шкуру свою
За детскою хрупкой спиною?

Но встать самому нелегко в первый ряд.
Не золотом – жизнью рискую...
Ведь сотник меня сам поставил назад,
И жизнь свою крепко люблю я.

Я тоже хочу воротиться домой –
Там тоже жена ждет и дети...
А старший мой сын так просился со мной
–
Не многим он меньше, чем этот.

И тут, как ошпаренный, бросил я взгляд
Еще раз на хрупкую спину –
«А ну, желторотый, давай-ка назад,
За мной становись, в середину.»

Но поздно – блеснула доспехами мгла,
Столб пыли, как облако, взвился...
Пропела недолгою песню стрела
И парень за шею схватился.

Я боя не видел – дрожала рука.
Впервые со мною такое...
Я помнил лишь спину того паренька

Который стоял предо мною.

Калика

Вышла с песнею в поход
Младшая дружина.
Красны девки у ворот
Нам глядели в спины.

Знал и я, что на меня
Смотрит молодая
И глаза ее, маня,
Светятся, играя.

Жгли они издалека
Кожу под броней,
И, отставши от полка,
Ей махнул рукою -

«Не смотри так озорно -
Не играй, краснея,
Вот вернусь - и - решено
Сватаюсь к тебе я.

А пока - пора в поход,
Время не теряя -
Степь поганая не ждет,
Сеча будет злая»

Так скакал - да бросил вскачь,
Я коня за ратью,
А ее негромкий плач
Разлился за гатью.

Споро нес меня гнедой -
Не отпустишь стремя,
О невесте молодой
Думалось все время.

Да смекнул давно народ -
Верная примета,
Что загадывать вперед -
Хуже дела нету.

Налетели степняки

Неурочным часом -
Опрокинули полки
Смяли стяг со Спасом.

Помню бой на берегу,
Бешеный и рьяный,
Как рубились на скаку
На кровавой Пьяне,

Помню - бились у воды,
Прикрывая спины
Поредевшие ряды
Княжеской дружины.

Помню ярость на губах -
До кровавой пены,
Помню боль, и помню страх,
Нет, не смерти - плена.

Но не помню - как же так -
Опустились руки.
Лязг, удар - и только мрак,
Липкий мрак в округе.

Вижу землю - как во сне,
Где-то под собою,
Бабка в волчьем зипуне
Шепчет надо мною.

Подносила трав настой
Омывала тело,
Раны сыпала золой,
Правила умело.

Так, не мертвый, не живой,
Я лежал в подклети,
Под иконою святой.
При лампадном свете

Стал спадать дремотный жар -
Лишь к концу недели.
То ли трав помог отвар.
То ли крест на теле,

Набираясь свежих сил,
Выходил я в поле,

Да таким, как раньше был
Не бывать мне боле.

Не сойдутся до конца -
Перебиты кости,
Шрам кривой спадет с лица
Только на погосте.

Мне в руке не удержать
Ни меча, ни плуга,
И, как прежде, не обнять
Милую подругу.

Не водить мне хоровод,
На цветной поляне,
Не погнать коня вперед,
Как бывало ране.

Не пошлю невесте весть -
Ей не буду мужем,
Я такой, как нынче есть
Никому не нужен.

Время спутается в нить
И советется снова,
Как меня, ей полюбить,
Дай, Господь, другого.

Я найду куда пойти -
За тропюю свитой,
Все дороженьки - пути
Для меня открыты.

Но - пошел бы в монастырь,
К Сергию в обитель,
Да твердить весь день Псалтырь -
Не большой любитель.

И просить мне не с руки
Подаянья в храме,
За засохшие куски
Обнажая шрамы.

Коль еще горит огонь

И в груди я юный,
То сменю себе я броню
На дуду и струны.

Я пойду, как скажет Бог,
По тропе Баяна,
Пылью пройденных дорог
Посыпая раны.

И, хоть тем я послужу,
Богу и народу,
Что слова свои сложу
В вихри хоровода.

Вылью в строки красных слов
То, чем сердце жило -
Чтоб другим входило в кровь
И текло по жилам.

Чтобы ратник на войне
Не боялся боли,
Чтобы с плугом на стерне
Смерд забыл мозоли.

Пусть гуляет мой напев
По земле и суше,
И, от хмеля осмелев,
Веселит им души.

От моих напевов пусть
Станет мир чуть краше,
Отойдет седая грусть
От земли от нашей.

На Земле один закон
Сохранили годы -
Тот, кто весел - тот силен,
Силою Свободы.

Приходи на последний погляд

Приходи на последний погляд –
С чистым сердцем, с открытой душою...

Видишь – свечи у гроба горят,
И читают «Псалтырь» надо мною.

Мне уже не подняться, не встать.
Прочь душа отлетает, как птица...
Жаль – тебя не успел я обнять,
Напоследок с тобою проститься.

Знал ведь, чуял, что близиться час,
Что слабеет и стариться тело.

Но вражда, разделившая нас
Словно камень на сердце висела.

И сгорали дотла города,
Шла война, без конца и начала
То кровавая наша вражда
По Руси диким зверем гуляла.
Но не смог я тогда разорвать
Цепи старой, каленой обиды
И приходится мне умирать
Напоследок тебя не увидев.

Кровный враг мой и кровный мой брат
Я прощаюсь, прощаюсь с тобою
Приходи на последний погляд –
С чистым сердцем, с открытой душою...

Виктор Бушмин-Кочетов

Свежий ветер литфестивалей

Духота Москвы даже после редких дождей в разгар летних каникул и отпусков заставляет думать меня о соловьиных подмосковных рощах, о плодородных нивах Черноземья, о раздолье южных степей. Плюнуть на дела и заботы, да и махнуть подальше. Взять с собой тетрадь, два карандаша и рюкзачок с книжками – красота!

В компании друзей петь под гитару одно удовольствие, но что делать бедному прозаику без музыкальных способностей? Полным-полно фестивалей авторской песни, туристических слётов, рок тусовок, а просто вспомнить любимых поэтов и завязать дискуссию с братом литератором негде. Я активно участвую в жизни литфорума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное Слово», идеологом которого выступает великий русский поэт Алексей Витак, но мастерские форума проходят в Переделкине только зимой под шёпот последних листьев и дыхание первого снега. Ну не может быть, чтобы летом грамотный народ не занимался литературой.

Через пару минут в интернете на страничке «Осиянного Слова» наткнулся на интересные ссылки, которые привели меня в недоумение. Ба! Давненько я не интересовался творческой жизнью Подмосковья. Оказывается в июле в Коломне проходит фестиваль авторской песни, поэзии и прозы «Господин Ветер».

Страничка фестиваля приглашала думающих и пишущих приехать в деревню Шапкино, постоять в лесочке рядом с озерцом палаточным лагерем, поучаствовать в творческих мастерских.

Руководит процессом филолог Татьяна Кондратова. Читаю дальше – вот это новость! – в оргкомитете снова Витаков. Поспрашал у ребят в соцсетях, оказывается народ в курсе дела, многие собирались ехать, да и прогноз погоды был удачный. Знающие люди подсказали несколько ресурсов, где отчетливо видно, что «это ж-жж! неспроста».

История такая вырисовывается. Группа лиц во главе с тем же Витаковым (по слухам маститые поэты, члены страшно уважаемых литсоюзов и объединений) задумали поднять с колен многострадальную русскую литературу. Идея раскромсанная либералами от пера и бумаги давно не блещет новизной. Тем не менее, господа интеллигенты нашли к теме другой подход – через среду непрофессиональных писателей, которых в России «масса и все мои хорошие знакомые». Кстати, молодые писатели нередко попадают и предпенсионного возраста, что не противоречит самой идее.

Словом, начиная с текущего года по русским городам и весям от Смоленска до Уренгоя, от Мурманска до Сочи появляются под чутким патронажем местных властей литературные фестивали, форумы и прочие собрания. Подобные мероприятия роднит с литфорумом «Осиянное Слово» прежде всего память о писателях и поэтах земляках. Как «Осиянное Слово» посвящено имени Н.С. Гумилёва, так и коломенский «Господин Ветер» прошёл с практически ощутимым присутствием И.И. Лажечникова и Ф.М. Достоевского,

«Ярмарка Талантов» в Старом Осколе воодушевлялась творческим наследием слепого старца полиглота В.Я. Ерошенко, октябрьская «Осень в Тамане» озарится Лермонтовской лирикой, а название «Бунинский фестиваль поэзии и прозы малых форм «Радуга Струн» из Липецкой области говорит само за себя. Кроме того, финальные встречи дипломантов и лауреатов со всей России пройдут в конце года в Переделкине, где литература чувствуется кожей, и пальцы ноют от желания писать, надо только найти более или менее тихое место.

Я призываю собратьев по цеху: «Не пропустите литературные фестивали, приезжайте! Вам понравится!» И вспоминаю как гостил на просторах «Господина Ветра».

Я открыл для себя, что мастерские особенно в такую жару плодотворно работают в тени деревьев на берегу озера под квас и отзвуки конкурсного концерта. Свежий воздух расправляет смятые урбанистической атмосферой крылья вдохновения поэтов, освобождает для новых сюжетов головы прозаиков. Интересно, что на «Господине Ветре» не было отдельных мастерских, мы трудились одной большой компанией, просто участники переходили от одного шатра к другому.

Куча впечатлений, куча замечательных людей! «Невероятно, но факт» - привезённый мною для ночного разговора коньяк остался в конце концов нетронутым.

Мероприятия, обобщённые духом «Осиянного Слова», - новое явление в пространстве творческих слётов. Фестивали бардовской песни ещё со времён Высоцкого дискредитировали себя большим количеством авторов, которые к поэзии не имеют никакого отношения, любителей поорать под гитару на трёх аккордах. В обществе сложилось

впечатление, что любой, взяв в руки гитару, без особых трудов станет сочинять и выступать. Чуждым этому кругу приходилось обходиться литературными студиями и редкими творческими вечерами.

Я утверждал и утверждаю, что общение с себе подобными – не последний стимул к творчеству писателя. Знать, что думают и творят товарищи по перу крайне важно. Это стратегическая и тактическая инициатива Русской Литературы против серости быта, засилья банальности и атак примитивизмов.

Появилась уникальная возможность для формирования новых школ, ведь один автор – это ещё не школа. На литфестивалях мастера и профессиональные писатели находят среди начинающих авторов своих последователей, учеников.

Стас Селиванов, большой дока в организации подобных мероприятий, часто повторяет: «Ребята! Сделать литературный фестиваль просто. Идите к мэру вашего города, министру культуры области и скажите, что мы хотим провести фестиваль в честь нашего знаменитого земляка. Ведь в каждом городе России когда-то рождался, жил или работал великий классик. Власти охотно пойдут вам на встречу. Вы сможете собрать своих друзей, и мы все с удовольствием к вам приедем. Поймите, мы сами можем развивать отечественное искусство, влиять на него и получать удовольствие от процесса. Пара активных, ответственных людей способна заставить вылезти из пыльных углов молодых авторов, вытащить из их столов произведения и представить широкой публике!»

Алексей Шмелёв

ИЗ ШКОЛЬНЫХ ТЕТРАДЕЙ

Мой семнадцатый май

Выпускникам школы №1741

Ах, что же меня в эту летнюю пору печалит?
Июнь за окном, а на сердце сентябрьский дождь...
И кажется - снова чего-то я жду на причале,
А это чего-то ушло, и его не вернешь.

А, помнишь, какими с тобою мы были в начале?
Вернуть бы те дни, и не к спеху небесный мне рай...
Но что-то другое меня бесконечно печалит,
Наверное то, что ушел мой семнадцатый май.

Украден из рук самолетик порывами ветра,
Бумажная белая чайка уносится вдаль,
Лети друг вперед, возвращаться - плохая примета,
Но в небе чужом иногда обо мне вспоминай!

И ветер бумажною птицей как мальчик играет,
Печально по рельсам бежит одинокий трамвай,
Но что-то другое меня в эту пору печалит,
Наверное то, что ушел мой семнадцатый май!

Художница

Она любила рисовать карандашом.
Бывало ляжем на кровать с ней голышом:
Лежим,
    глядим на потолок –
        ни дать ни взять,
вдруг ей приспичит перед сном порисовать...

В такой войдет бывало творческий кураж,
что полнедели не подточишь карандаш...
Весна

Весна! День солнечный и славный -
Дворняг приметив у ларька,
Вдруг вспомнилось мне, как недавно,
“Зенит” вот также “Спартак”...

Наваждение

Я скушал чёрную таблетку –
ко мне во сне пришла брюнетка...

Я скушал жёлтую пластинку –
ко мне во сне пришла блондинка!

Я съел какой-то мудаты,
и мне три ночи снилась ты.

Ольга

Ты - горе и величие
несущая в горсти,
души моей язычество
прими или крести...

Скажи мне, Ольга, видно ли
при тусклом свете дня,
тебе – Святой,
как идолы горят внутри меня?

Мы все, как свечи выгорим
на медленном огне,
ты - выпитая Игорем –
зачем явилась мне?!

Я знаю: ночью лунною
во мне угаснет бой,
и Царствие Перуново
падёт перед тобой...

И станут просто глиною
все капища мои.
Ну а пока, любимая,
вот голубь мой. Лови!

* * *

О. А.

Кем стану я после смерти – не знаю,
быть может я стану лучом
далекого солнца и в солнечном мае
я встречу с твоим плечом.

И ты, улыбнувшись забытой улыбкой,
смущённо прошепчешь: «Привет...»
и каменный город расстроенной скрипкой
тебе зарыдает в ответ.

А может быть там – за могильной чертою
не будет ни солнца, ни нас...
и может быть вечером этим с тобою
в последний мы виделись раз...

Пускай же тогда – тот, кто выдумал этот,
наполненный тайнами мир,
кому-то другому откроет секреты,
в которых запутались мы...
Море

Море подслушало,
как я признавался тебе в любви
и унесло слова мои на самое дно.

Как старые затонувшие корабли,
слова мои лежат на дне его...

А рядом - у поверхности воды
песчаный берег, словно пепел бел,
На нём тобой забытые следы -
их море тоже заберёт себе.

Снегопад

Всевышний сыплет с неба
Невидимой рукой
На землю крошки хлеба,
Не зная, что другой
Ждём милости оттуда...
Но уж который век

Нам с неба вместо чуда
Под ноги валит снег...
И как поверить сложно,
Что наш удел таков –
Всю жизнь из пищи Божьей
Лепить снеговиков...

* * *

Четыре стены недопрожитых лет
и холодно здесь, и темно,
Васильев горланит, что «выхода нет»,
однако есть
дверь и окно...
И бел подоконник,
и чёрен порог,
и лампочка солнцем блестит,
не всё ли равно у какой из дорог
зелёной травой прорасти?

Обои несбывшихся встреч и потерь
залиты дешёвым вином,
и что-то огромное ломится в дверь,
и дождь шелестит за окном.

* * *

*- У вас ревмокардит.
- А что это?*

Декабрь не лучший месяц для
уборки общего сортира.
Больница. Слева от меня
лежат четыре дезертира.

А у окна лежит таджик -
ему здесь тоже не до шика.
Нормальный в общем-то мужик
хороший даже для таджика.

Бывает я ему: «Салом!»
А он в ответ: «Солам, приятель!»
Так и лежим мы вшестером
в просторной чистенькой палате...

А в хирургии вонь и гной
и в тело вставленные спицы.
Я тоже вроде бы больной.
Но что я знаю про больницы?

Марина Котова

* * *

Я прежде управлять умела снами.
И был один. В нем свет глаза слепил.
По небу, жёлтый разливая пламень,
Садилось солнце в выжженной степи.

И сквозь лучей сверкающие спицы
Дорогою, что ветер проторил,
В ночь огненные мчали кобылицы
И поднимали огненную пыль.

Но стоило в бескрайнем диком поле
Мне путь наметить мысленно другой,
Табун, подвластный человеческой воле,
Вмиг выгибался огненной дугой.

Теперь прошу у Бога вдохновенья:
Одною мыслью, трепетом ресниц
Дай мне направить ход стихотворенья,
Как красный бег огнистых кобылиц.

25 марта 2010

* * *

Разрушенные храмы Черноречья,
Как ваша кладка ни крепка была,
Со злобой вкупе глупость человечья
С лица земли вас начисто смела.

Но как в усохшей ветке образ почек,
Как мысль живет, когда конец речам,
Остался в небесах ваш тонкий очерк,
Духовным только видимый очам.

И вот в грозу, когда благоухают
Цветы и блещут ливня зеркала,
При свете молний стены проступают
И начинают бить колокола.

Так на лице увядшем и унылом
Того, кто схоронил свои мечты,
От слов любви, произнесенных с пылом,
Вдруг проступают юности черты.

1997

* * *

В магазине у станции купишь буханку ржаного.
Вдоль дороги в цветочном снегу увязают сады.
За день ссохлась душа, но к закату добравшись до крова,
Задышала свободней, как путник, испивший воды.

Этот тающий снег среди листьев блестящих и мокрых
Тем прекрасен уже, что, возможно, исчезнет к утру.
Греешь руки о хлеб, а в тебя, как в открытые окна,
Проникает морозная свежесть деревьев в цвету.

И не в силах уйти, всё стоишь у чужого забора.
Он процежен сквозь чёрные нити вишневых ветвей —
Запах хлеба и сада — последний оплот и опора
Для души, искореженной ритмом, не свойственным ей.

Вспомнишь прожитый день, все его закоулки обшарив.
Тусклый свет монитора, пейзаж в запылённом окне,
Где, придушенный смогом, унылый спешит горожанин
С чебуреком в желудке и курсом валюты в уме.

...И как милость небес — со строкою, что бьется в гортани,
Сияясь выскользнуть рвущимся ввысь мотыльком,
Принесешь в свою комнату белое благоуханье
И буханку ржаного с прилипшим сквозным лепестком.

2005

Ксении Петербургской

Во мне светает будто временами.
Расплачусь над страницей жития.
Ты здесь, живая, ходишь между нами
Зыбучими песками бытия.

Ты легкая – я под грехами вязну.
Мне страшно... Колокольчиком в груди
Встряхнули – и мотивом неотвязным
Сквозь сны: «К моей часовенке приди.»

Сними с моей души унынья камень!
Как сотни женщин со святой Руси,
Кладу тебе записочку за ставень:
Утешь меня, блаженная, спаси!

1997

Явление Оки

Луга лежали, плоские, как стол.
Трава лоснилась. Пух — земной скиталец, —
Боясь запачкать стопы, тихо шел
По воздуху поверх заросших стариц.

Поверх голов ромашек, купыря,
Покой озер хранящих неусыпно,
Над голубым цикорием паря,
Чьи звёзды вдоль дорог июль рассыпал.

Но что мне тишь медлительная вод,
Проплешины суглинка, травы, межи.
Я всё ждала — Ока вот-вот дохнет
Простором, силой и плотвою свежей.

Река таилась в зарослях глухих.
Ещё чуть-чуть — тропа в их блеске канет.
А дальний берег был угрюм и тих,
Он головой вздымался великаньей.

Круглились ивы аркой — и в проем,
Казалось мне — речная синь сочится. —
Такой её — запасливее пчел —
Хранила память в сотах золотистых.

Раскинуть руки — и бежать туда.
Пусть жар и пот лиловым смоем валом.
Но там, где мне мерещилась вода, —
Над лугом небо на дыбы вставало.

И сколько раз обманывалась я!
Все марево, и пыль, и шорх полёвок...
Река отодвигалась от меня,
И жаждою росла неуголённой.

И вот когда совсем немогоду
Мне стало — вдруг открылась вся для слуха,
Окликнула на крепнущем ветру,
Заахала, заокала над ухом.

И вся она — до плеска тальника —
Сверкание и трепет, волны, плесы —
Была бела, черна и глубока,
И неоглядна, как открытый космос.

2006

Кавказ

Заброшенной дорогою по кромке,
По жёлтой насыпи мы влезли на откос.
И встал Кавказ — гигантские обломки
Когда-то рухнувших с небесной тверди звёзд.

И были тенью плотною покрыты
Ущелья дикие в нетронутых лесах,
Где по камням корявые самшиты
Шли в моховых зелёных торбасах.

Нам было видно с плоской седловины:
Вдали хребет был четко ограничен
И изнутри светился млечно-синим,
Тревожным, странным, неземным огнем.

То угасал, то вспыхивал кроваво;
Казалось, шла гроза внутри горы:
Звезды погибшей сердце дотлевало
Под тяжким спудом каменной коры.

Сгушались сумерки, и будто бы на сцену,
Водитель звёзд, познавший все пути,
Выстраивал над нами постепенно
Гигантский хор сияющих светил.

И чёрным ветром из ущелий дуло,
И звери слух острили из ветвей.
А горы отвечали низким гулом
На песни древней родины своей.

29 июля 2010

Москва

Светило чёрное, слепящее, Москва,
Мы по тобой очерченным орбитам
Летим, твоим притянуты магнитом,
И боль огнём пульсирует в висках.

Мы видим мир в движении, он весь
Размыт и смазан, скоростью оплавлен.
От напряженья трескаются камни,
В лучах горячих — каменная взвесь.

Валит за взятком из бетонных сот
Народ с окраин, где простор на убыль.
Там новая Америка встает,
Глумясь своим оскалом белозубым.

Растут ангары, церкви заслонив,
Вовсю гремят железными боками
Ушаны, меги, плазы, кулаками
Трамбуя небо, что цвело до них.

Чтоб обыватель — семечки в кульке —
Вон из штанов — со средним классом слиться —
В раздолбанном притрюхал «опельке»
За порцией недельною сосисок.

Встает Восток — большой сундук с тряпьем,
С тягучей песней в памяти бездонной.
И красные китайские драконы
В лицо мне дышат смрадом и огнём.

Орут в лицо рекламные щиты.
Бросаются собаками цепными.
В витринах манекены восковые,
И те нездешней злобой налиты.

Грязь и плевелы, чуждой воли груз.
И мертвечиной тянет, как с погоста.
Но Русь жива, жива Святая Русь
Под темной кровоточащей коростой.

Кого не обольстить, не обмануть —
Червив и горек плод глобализаций,
Кто равнодушен к смене декораций,
Незамутнённой прозревает суть.

В чьей памяти калиновы мосты
Из сказок слиты с песней о приволье,
Расслышит звук призывный колокольный —
Так бьётся сердце русское Москвы.

22 июля 2008

О море вспоминаешь вечерами —
Разлив медовой, дынной теплоты
Над тёмными большими куполами
В осенних, спелых звёздах золотых.

Сесть на холме. Хребтами лодок старых
На отмели осели облака.
Следить неспешно за воздушным шаром,
Всплывающим со дна ВДНХ.

Отсюда — со своим нетяжким грузом
(Корзину с человечками несёт)
Он кажется огромною медузой
В сиреневато-красной толще вод.

Душа встаёт на цыпочки, томится,
Лишь только шар натягивает нить,
Пытаясь — даже не освободиться —
Чуть дальше по течению отплыть.

Так странно — будто это я в корзине.
И ненадежней шаткого мостка,
Кренится днище на воздушной зыби,
И берегом виднеется Москва.

Так муторно в скорлупке пустотелой.
Одной слепой надеждою живи —
На крепость пуповины тонкой с телом
Сухим, горячим — матери-земли.

Но кто-то есть во мне — холодный, дерзкий,
Чей голос глушит страха жёлтый гуд —
Взять острый нож и нитку перерезать —
И пленный шар освободить от пут.

Пускай плывет и нежится в теплыни —
Пусть бьет закат о тонкие борта —
Над флагами весёлыми, цветными
Запруженного фурами моста.

Пусть птицы кровь рябин собирают в чаши —
Небесные разверсты закрома...
Я знаю: близость смерти — путь кратчайший
К морозной, страшной ясности ума.

Они придут — пронзительны, стооки,
Слепящей вспышкой — остальное хлам, —
Те самые, провидческие, строки,
Что лишь над бездной открывают нам.

19 сентября 2008г.

* * *

Князю — рать вести во поле диком,
Жаркой кровью поить ковыли.
Женам оставался плач великий,
У икон поклоны до земли.

Князю — рана от стрелы калёной.
Князю — слава. Да редет рать.
Женам — погребальные пелёны,
Надрывая сердце, вышивать.

Женам — монастырь да терем тесный,
Зелен сад за грозною стеной...
Ангельские лики, свод небесный
Выводить сноровистой иглой.

Тихие, несмелые речами, —
Пусть их всех помянет этот стих!
Неземное смертными очами
Прозревали в келиях своих.

Чтобы переплавить боль в искусство,
Пред святыми упали ниц.
Отблеском молитвенного чувства —
Дивный свет от древних плащаниц.

Их краса не избежала тленья.
Но хранят усталые века,
Точно драгоценные мгновенья,
Жемчугами шитые шелка.

Одолев забвенье и скитанья,
Серой жизни нищее рядно...
Так сквозь воду в солнечном сиянье
Проступает золотое дно.

10 октября 2007

* * *

Есть дикий сад на берегу Оки.
(Он муравьями разве что исхожен,
Да изредка заглянут рыбаки) —
Остаток сада райского, быть может.

И в ярый зной, когда цветы лицо
От солнца прячут в темень травных складок,
Здесь яблони хранят, как мать птенцов,
Под ветками хрустальную прохладу.

Проточный воздух зачерпнув рукой,
Здесь пьёшь и пьёшь, не утоляя жажды.
Здесь время медлит золотым жуком
В листве шумящей, и густой, и влажной.

Так сладко пахнут паданцы в траве,
И жизнь идет таким неспешным шагом,
Что можно, подбородок подперев,
Сидеть веками на стволе шершавом.

Смотреть, как, раздвигая берега,
Из синей дали вдоль лесистых склонов —
Качая отраженья звезд, — Ока
Спешит потоком света неземного.

15 сентября 2007

Деревья! Птицы-небожители!
Свидетели моих несчастий!
Каким он был мне утешителем,
Когда душа рвалась на части.

Казалось: мир во тьме и немочи.
Я говорила: всё впустую.
Спротивляться больше незачем —
Повсюду нечисть торжествует.

Тлетворно всякое дыхание,
И щерятся свиные рыла.
И было так: благоухание
Меня волною вдруг накрыло.

Язык мой бедный человеческий!
Как чистым светом изливалась
Сквозь тлен и копоть вековечную
Земле неведомая жалость.

Лучом пробилось слово вещее,
Чтоб утолить печаль любую.
Так по молитвам корабельщиков
Он тишью отвечал им в бурю. —

Что рано душу тьмою полнить нам,
Хоть мнится — не бывает горше,
Покуда небо ходит волнами
И свет дрожит у волн в пригоршнях.

И те, кого сочли отбросами,
С сумою грязной в изголовье, —
Все им замыслены и созданы
По образу и по подобию.

Там ложились стрижи с тонким криком на розовый воздух,
И в руках рыбаков напрягалась и пела леса.
Помню запах осоки и жирного ила на стеблях,
Плеск в тумане невидимой серой, зернистой воды.
Дед с отцом из палатки ныряли в рассветные дебри,
Где, руками закрывшись, от холода плачут цветы.

Эта медь, серебро, тихих вод долгожданная милость,
Эти карпы, лещи, обитатели злых омутов...
Ржаво-красная рыба вся изгибалась и билась,
И дышала, дышала крючками разодранным ртом.

Я бежала бегом, выгибалась небесная чаша.
И темнели лицом все цветы — приближалась гроза.
Мир кровав был, прекрасен и страшен.
Мир смотрел на меня, диковатые щура глаза.

И наитьем звучали по дереву беглые капли,
И корежило ветки, и даль отливала слюдой.
И бежал белый ливень, и прыгал на острые камни.
Тело древнее глин наливалось живою водой.

...Только это и есть, а на что мне ещё опереться
В этой тающей жизни, большими ночами, когда,
Словно колокол бухает от напряжения сердце,
И тоскливым гудком отвечают ему поезда.

И настанет мне срок.
И стрижом, что летит по извечному синему кругу,
Пронырну в глубину... Снова запахи луга и мёд...
И закатным лучом озарит напоследок округу —
Что душа собрала в узелок и с собою возьмёт.

22 сентября 2006

* * *

Нет для меня загадочней минут
Вот этих утренних, пронизанных свеченьем, —
Как будто облачные рыбы в синь плывут
Рекой лесною с медленным теченьем.

Чуть шевельнет иная плавником...
Трава русалочьими волосами
Распущена... И водяным цветком,
На грани сна и яви зависая,

Я слышу то, что ночь, свои пазы
Законопатив мхом, мешала слышать ясно.
И представлялся мне родной язык
Шумящей глухо дебрей непролазной.

И опасуюсь лишний раз вздохнуть,
Чтоб чудо не спугнуть к досаде вящей.
А Слово открывается как Путь,
Как просека в густой еловой чаще.

2005

* * *

Даль слезится от Божьего света.
И неведение сводит с ума.
Это век ненавидит поэта?
Или жизнь отвергает сама?

Как просёлок, бредущий беспечно
В стороне от тореных путей,
Словно пасынок в пазухе млечной
На развилке цветущих плетей.

Что за труд: в безрассудной отваге,
Позабыв осторожность и стыд,
Рассказать безответной бумаге,
Как душа безоглядно болит.

Не за это ль, с судьбой в рукопашной,
Этой бабой крикливой и злой,
Часто ноет, тиранит домашних,
Просит славы себе неземной?

И какой он гармонии жаждет
В замороженном бедном углу,
Припадая так горько и страшно
Жарким лбом к ледяному стеклу?

2006

* * *

Леса горели, русские леса.
Напрасно ливни люди звали на подмогу.
Обугленные тлели небеса,
И слухи тёмные ходили о поджогах.

Когда ветрами развевало мрак,
Деревьев мёртвых выступали ребра.
И солнца красный, воспаленный зрак
На человеческий плач взирал недобро.

И, торжествуя, некий человек
Грозил, вещая, будто небожитель,
И страшен голос был его во мгле:
«Ужо бегом вы к Богу побежите!»

9 сентября 2010

* * *

То бури, то страшные сечи,
До дрожи небесной оси.
Но церкви, как белые свечи,
Горят испокон на Руси.

Горят на пригорках цветущих,
И в близости царских палат,
Во здравие ныне живущих
И в память о павших горят.

Горят, не сгорая, не тая...
А стены во мгле ледяной.
Но силы покуда хватает —
Нам путь освещают земной.

2005

Татьяна Кондратова Стихи, рожденные любовью: о лирике Марины Котовой

Русский православный философ 19 века Н.П. Гиляров-Платонов утверждал, что человека формирует не только среда, но и особенности местности, в которой проходит его детство, тип самого ландшафта, который человек видит перед глазами. «Местность имеет свои права, – справедливо утверждает философ. – Первые впечатления детства: очертания, которыми окружен ребенок, особенности гор, рек, лес или степь, исторические памятники, которые на него глядят...»¹ Связь эта обычно бессознательная, но у творческой личности, у поэта, художника она переходит в «связь нравственную: добровольную, сознательную»².

Художественный мир Марины Котовой сильно напитан впечатлениями детства. И ландшафт здесь, бесспорно, имеет над поэтом свои права: и дело не только в том, что природа средней полосы России, спокойная, гармоничная, лишённая резких линий, становится главной темой для лирических раздумий её героини. У каждого поэта в его собственных стихах можно найти метафору творчества. Марина Цветаева своей метафорой – «я бrenная пена морская» – точно определила темперамент своей лирической героини, и у Марины Котовой метафора творчества тоже связана с водной стихией – но это река, течение которой величественно, спокойно и плавно. «Катятся древние воды Оки...», «Подражание волне» – водная стихия для её лирической героини родная, будто в воде она рождена. Вода для неё и начало всего,

и конец, как в «Последнем катаклизме» Тютчева:

*Все сущее опять покроют воды
И Божий лик отобразится в них.*

Образом водной стихии завершается стихотворение Марины Котовой, обращенное вглубь русской истории – «Князю – рать вести во поле диком...»:

*Одолев забвеньё и скитанья,
Серой жизни нищее рядно...
Так сквозь воду в солнечном сияньё
Проступает золотое дно.*

Кстати сказать, образы мировой культуры, поэзии прежде всего, в стихах Марины Котовой проявляются через очень тонкие аллюзии, и в этом тоже особенность её самобытной лирики: поэт самодостаточен и не собирается никому демонстрировать свои знания о жизни. Он передает ощущения, и это куда более ценно.

И, как в теплое течение летней реки, умеет Марина Котова погружаться надолго в одно состояние. Очень внимательный и медленно движущийся взгляд её позволяет увидеть, как подспудно меняется мир, и эти изменения суетному беглому взгляду не могут открыться:

*И этот плач, и приближенье тьмы
Такой тоской меня переполняют...
Следить, как краски медленно линяют
И холодеют доли и холмы...*

(«Красны колосья
трав в густом закатном свете...»)

1 Гиляров-Платонов Н. Речь на праздновании 50-летия литературной деятельности И.И. Лажечникова 4 мая 1869 года // Дом Лажечникова. Коломна, 2004, с. 194.

2 Там же.

Поэт становится своеобразным реставратором прошлого: в стихах заметно постоянное стремление разглядеть то, что мало заметно, в разрушенном увидеть прежний облик, у увядшем – черты начала жизни:

*Так на лице увядшем и унылом
Того, кто схоронил свои мечты,
От слов любви, произнесенных с*

пылом,

Вдруг проступают юности черты.

(«Разрушенные храмы Черногорья...»)

Этот неспешный взгляд на мир, умение оценить каждое мгновение жизни земли проявляется в стихах Марины Котовой и на формальном уровне: поэт тяготеет к многостопным размерам («Дремлют карпы в прогретой воде, спят шелковник с осокой...», «В магазине у станции купишь буханку ржаного...», «Пух влетает в вагончик – убогий мой домик садовый...», «И слипались стрекозы, повыгнув тела нитяные...» и др.)

В лучшей традиции русской лирики прошлых веков основной эмоциональный тон стихотворений Марины Котовой – элегический. Они наполнены светлой грустью, потому что (и это ощущается во многих стихотворениях) лирическая героиня, смиренно осознав бренность всего живого, жаждет слиться с природой, раствориться в ней сейчас, и растворяться каждый миг своего существования земного:

*Я слушаю... невидимой лесой
Звонят луга. – Не высшая ль отрада? –
Свое дыханье слить с цветком, росой,
Печальной сумеречной песнею цикады.*

(«Красны колосья трав
в густом закатном свете...»)

И эта растворенность – глубокая, нутряная – в жизни природы определяет и идеалы лирической героини. Удивительно, но именно в стихотворениях о природе, в

пейзажной лирике, отчетливо проявляются черты женского характера – характера национального, ибо смирение, покорное принятие радостей и страданий всегда составляло основу народного русского женского характера. Идеалы такого отношения к миру Марина Котова находит в «скорбном смирении природы», в её обреченности – умирать и возрождаться:

*Смиренней одинокого куста
становишься,*

Воды недвижной тише –

Сама собой приходит немота,

Когда пустеют дачи и листва,

Как кровельщик, неспешно кроет

крыши.

(«Смиренней одинокого куста становишься...»)

И мольбы её героини – они такие естественные для русского человека, для русской женщины – мольбы об утешении и спасении.

Вот мольба женщины, жаждущей оправдать и сохранить свою любовь, к Богу, который выглядит равнодушным естествоиспытателем, – обращенная мольба:

*Расправь нам крылышки, дыханием
овей,*

*Дай вспомнить весь сюжет короткой
главки.*

И на одной серебряной булавке

Распни нас для коллекции своей.

(«Обрезки

бархата и шелка – мотыльки...»)

Еще один устойчивый образ лирики Марины Котовой, который, как и образ течения реки, глубокой воды, формирует поэтическое пространство – это образ храма. И через него тоже можно увидеть своеобразие её поэтического мира: крепость стен, уходящих в землю, с одной стороны, и вознесенность вверх,

устремленность к небу, с другой. Это своеобразная метафора творчества, которое прочно потому, что питается силами земли, но остается в веках только тогда, когда устремлено в вечность, когда преодолевает сиюминутные побуждения. Тогда искусство – храм. И создатель такого храма – поэт. И именно с этим образом связано и название книги стихов «Борьба зверей и белый холод лилий». Эту поэтическую фразу нельзя понять вне контекста стихотворения «Дмитриевский собор». Это о создателе храма, соединившем земное и вечное, небесное:

*Он был поэт. И потому, пока
Стоит собор – весь совершенство*

линий -

*Другим поэтам воспевать в веках
Борьбу зверей и белый холод
лилий.*

Рожденное памятью о родной земле, о родной воде, устремленное в родному небу, поэтическое творчество Марины Котовой продолжает лучшие традиции русской лирики, для которой природа всегда была мерилom нравственных ценностей.

Марина Котова:

«Относиться к литературе как Гумилев»

– **Марина, скажите, пожалуйста, как давно Вы познакомились с Форумом «Осиянное слово»?**

– Я работаю в составе жюри Форума уже три года, меня пригласил Алексей Витаков. Сразу скажу, что-бы не возникало недоразумений. Я поэт, но, когда начинала заниматься литературой, было сильное желание писать прозу. Проза воспринималась как нечто устойчивое, весомое, созидающее фундамент для жизни. Поэт редко бывает счастлив. Лорка говорил об этом: «Самая печальная радость – быть поэтом». Я и училась на семинаре прозы. И все-таки поэзия

победила. И главная причина, если забыть жизненные коллизии, которые никак не способствовали неспешным прозаическим опытам, думаю, в моем восприятии мира: оно сугубо поэтическое. Это видение не мешает, а скорее способствует более глубокому проникновению и в прозаический текст.

– **Вы трудитесь на прозаических мастерских. Каково же Ваше первое впечатление от работы с молодыми авторами Форума?**

– Мне на работе много приходится общаться с авторами, поэтому паразитить меня трудно. Я знаю, что не

просто яркие, а хотя бы средние, но профессионально написанные вещи, к сожалению, большая редкость. Поэтому особого разочарования я не испытала, как и особой радости. К тому же ждать от двадцатилетних, а таких на Форуме большинство, чего-то значительного не приходится. Это поэт в двадцать может писать гениальные вещи. В прозе все иначе. По крайней мере, кроме Шолохова, предъявить по сути некого.

Если же говорить о самих ребятах, они разные, есть среди них яркие, общаться интересно.

– **С высоты Вашего бесценного опыта могли бы Вы назвать удачи и проблемы молодой русской прозы?**

– У человека, который вступает сейчас в литературу, независимо от возраста, может возникнуть иллюзия легкости. Современный литературный процесс стал похож на газетно-журнальный проект. Интересно все, что сейчас, что за окном. Тот, кто этот момент поймал, сейчас на коне. Сравнительно легко напечататься, труднее стать услышанным, востребованным из-за немислимого количества так называемых книг и практически невозможно удержаться на гребне. В такой ситуации нужно писать много и быстро, в идеале хорошо. Но то, что я видела на Форуме, это в основном малые формы, мало востребованные, рассказы предпочитают печатать только у известных и раскрученных авторов. Были и романы, но уровень был низкий. Были наивные романтические истории, от которых берет тоска, ибо ими наводнено телевидение, да и на книжном рынке женских историй

с перебором. То есть предлагаемое студентами пока с трудом соотносится с современным литературным процессом. Приходится говорить о первых шагах, опытах. За три года мне издательству предложить было нечего, хотя были отдельные неплохие вещи. Но готового к публикации материала пока не нашлось, как не нашлось автора. Хотя я пыталась пробить исследование о студентах, но там элементарно не хватало объема. Но определенный рост я наблюдаю. И еще радостно, что студенты настроены по отношению друг к другу дружелюбно и поддерживают друг друга. Стремятся узнавать новое, развиваться. Это очень ценно. Ничтожный полуобразованный человек вряд ли сможет стать настоящим писателем.

– **Что Вы, как мастер, не прощаете автору?**

– Мир лежит во зле. И все мы грешники, но есть те, кто, осознав это, стремится к высотам духа и других ведет, есть те, кто отдается на волю злу и служит ему. Выбор за человеком. Но тот, кто призван в литературу, облечен особой ответственностью.

*«Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог».*

Если относиться к литературе так, как Гумилев, с таким благоговением говоривший о слове, многие вопросы отпадают сами собой.

– **На семинарах Вы работаете вместе со Стасом Селивановым. Смогли бы вы с ним разделить и взять каждый по мастерской прозы на Форуме?**

– Мы со Стасом сработались за три года. Он человек потрясающий. Мы, во многом благодаря ему, добились на семинарах главного – замечательной атмосферы. Я наконец стала чувствовать отдачу от того, что делаю. И разделяться вряд ли целесообразно.

– Как реагируют молодые прозаики на Вашу критику?

– Как может реагировать на критику человек? Чаще всего без особой радости. Когда мы учились на Высших литературных курсах, после обсуждений всякое было: и пили, и истерики закатывали. Некоторые ломались и бросали учебу. Но что делать, литература дело жестокое.

Хотя я никогда не ставила целью уязвить, высмеять, но всякое случается. Люди ранимы. Возможно, кого-то обидела, того не желая.

– После Форума Вы продолжаете с кем-то из ребят работать, обращаются ли они к Вам за советом?

– Да, но эпизодически.

– Вам никогда не хотелось создать собственную литстудию?

– Моя проблема в том, что я выросла на русской и зарубежной классике. Я читала только лучшее. В 27 лет я имела опыт ведения литературной студии. Поначалу я никак не могла соотнести то, что мне показывали, и настоящую литературу. Проблема была и в другом. Люди жаждали общения. Когда у меня вышла книга, мне не давали проходу, прося, даже требуя помочь опубликоваться, хотя таких возможностей у меня не было. Они приходили ко мне домой, на работу, они готовы были говорить непрерывно, часами. Я не готова была к такому

натиску. Все-таки для общения нужно много душевных сил и, главное, время. На Форуме я выкладываюсь полностью, особенно мне было трудно первый год. Я вставала в пять, чтобы прочитать то, что готовилось к обсуждению. Я почувствовала, что все отдала, а ведь были и разочарованные. Я как-то в интернете прочитала отзыв, один из участников Форума сравнивал себя с ежиком в тумане. Он просто вообще ничего не понял! Что, для чего, о чем ему говорили. Мне было очень грустно, слишком велики затраты. Но случаются и разочарования. Хотя бывают и удачи, несомненно, без этого я вообще бы перестала заниматься Форумом. Пока в моих планах постоянно вести студию нет. Но, возможно, ситуация изменится.

– Как Вы считаете, авторитет «Осиянного слова» в литературном сообществе достиг своего потолка, или есть еще куда расти?

– Я думаю, что Форум активно развивается, более того, у него огромный потенциал, и это показывают семинары в разных городах России. В частности, последний, в Тамани. Думается, главная задача Форума – это обратить внимание на то, что уже создано в русской литературе, если мы сохраним связь с накопленными литературными богатствами, от литературных древнерусских памятников до произведений классиков и всего лучшего, что делается в литературе сейчас, у нас будут ориентиры, мы будем знать, куда двигаться.

Анастасия Жулькова

Сказки Дубравы

Спорщики

Стояло прозрачное июньское утро. То самое время, когда совершенно невозможно сидеть в норке, какой бы уютной она ни была. Наскоро позавтракав, Суслик поспешил наружу. И стоило ему показаться над узеньким входом, как подлетел нетерпеливый летний Ветерок. Он щекотно ворошил шерстку и легонько пихал Суслика в спину, в бока: «Побежали!». Через миг они уже радостно неслись по полю. Ветерок то налетал сзади, подталкивая и придавая скорости, то уносился далеко вперёд. Так за игрой в догонялки Суслик добежал до лесной тропинки, а Ветерок исчез, затерявшись в верхушках огромных вековых дубов.

Мощные деревья с обширными кронами и дали название тому месту, где жил Суслик. Дубрава. Дубрава – это и прохладный тенистый лес, и большое поле за ним, и озеро необычной формы – как рогатка. У каждой из частей озера имелось своё название: Среднее, Левый рог и Болотце. В Левом роге, где вода холодная и чистая, неутомимые трудяги-бобры построили ферму по разведению форели. Пёстрая рыбка была любимым лакомством длинноногой серой Цапли. Она, да крупные зелёные жабы населяли круглое Болотце с его вязкими топями и берегом, густо поросшими осокой и мхом. Жабы уважали рослую птицу, повидавшую мир, и были не прочь послушать о путешествиях. Цапле льстило такое внимание, и, время от времени, она снисходила до пары фраз в адрес соседей.

Суслик бежал по тропинке к озеру, попутно решая, как провести ещё один прекрасный летний день. Для начала искупаться, потом подкрепиться вкуснейшими одуванчиками. И вздремнуть в гамаке, что под сенью Большого Дуба. Приятные мысли были оборваны видом двух воробьёв. На них Суслик наткнулся на полянке у озера. Растрёпанные и разгорячённые они скакали в луже пыли и сердито выкрикивали, перебивая друг друга:

– Зелёный!
– Нет, голубой!
– Зелёный, я говорю.
– Го-лу-бой, голубой, голубой!
– Эй, это вы о чём? – Суслик с трудом растащил забияк.
– Понимаешь, – сказал один воробьишка, разглаживая вздыбленные перья, – мы тут поспорили какой цвет лучше. Ну, я говорю зелёный. Это ж любому ясно. Жирная мохнатая зелёная гусеница, м-м-м, – воробей на секунду зажмурился от воображаемого удовольствия, – вкуснотища. А он упёрся: голубой, да голубой. А сам гусениц знаешь, как уплетает. И всё равно, говорит – голубой. Небо он, видите ли, любит.
– Ну и люблю я небо, а тебе-то что? – подскочил, уже было успокоившийся, второй воробей.
– Подождите, подождите, – снова вмешался Суслик, – я всё понял.
Он был поражён, как могут эти двое, так заблуждаться в столь ясном вопросе. Выпрямившись во весь рост, Суслик громко произнёс:

– Вы не правы! Оба не правы! Самый лучший цвет – жёлтый. Вот, что самое главное у нас в жизни?

– Гусеницы? – предположил один из воробьёв.

– Нет, нет и нет! Самое главное – это солнце. Огромное жёлтое солнце. Вот зимой день короткий, все сидят по норам, мёрзнут и всем т-а-аак скучно. Это потому, что солнца не хватает. К весне пригревает жарче, деньки подольше, всё и оживает. А потом появляются ОНИ – одуванчики. Такие свежие, такие жёлтые. И вот, ты их срываешь и ешь, – в это время Суслик и впрямь сорвал одуванчик и начал со вкусом медленно жевать. На его желтоватой мордочке было написано удовольствие.

Суслик так хорошо и ярко рассказывал о своем любимом цвете, что даже воробьи, заслушавшись, примолкли. А пролетающая мимо Божья Коровка, зазевавшись, врезалась в мягкий лист высоченного лопуха. Шлепнулась на землю, пошевелила лапками, затем ловко повернулась со спины на брюшко и сказала, что её любимый цвет – красный. Она была модницей: носила ярко-красное платье в крупный чёрный горох. Следила за фигурой, а потому не ела, как остальные коровки, приторно сладких тлей, предпочитая им спелые ягоды земляники. А росу пила из самых красивых алых маков.

Спор разгорался всё жарче...

День уже клонился к вечеру, а на поляне перед озером собралась большая компания. Пришли два зайца, они были за зелёный, так как любили капусту и молодой горох. Приползла улитка, которая никак не могла сообразить, что за цвет ей больше по вкусу. А вдоль берега в тине сидело десятка два лягушек, которые беспорядочно и громко квакали, перебивая друг

друга, и решительно никто их не понимал. Прилетели птицы: Дятел – за красный и Соловей – за синий. Стоял страшный шум и гвалт, когда из лесу вышел старый Барсук. Он давно жил в Дубраве, был мудрым советчиком и хорошим собеседником, его уважали. Узнав о чём спор, Барсук сказал:

– Не дело это решать какой цвет краше! Они все хороши, все вокруг нас. А если кому-то один больше по вкусу, так что о том спорить. Не надо.

Звери не послушали Барсука, они уже так распорились, что не могли остановиться. Так бы и кричали, и ссорились дальше, но вдруг ясное голубое небо в миг заволокло серыми облаками. Очень быстро вокруг погасли все краски, а огромные тучи налились и стали иссиня чёрными. Яркие молнии сердито рассекли небосвод, и на пыльную землю упали тяжёлые, будто свинцовые, капли дождя. Чаше, чаше, и вот уже дождь превратился в ливень. И ливень этот шёл беспросветным сплошным потоком, словно занавесом закрывая всё на шаг впереди. Стало страшно, и звери попрятались: кто под куст, кто в нору. Сидели мокрые, нахохлившиеся, сердитые друг на друга.

* * *

Дождь не стихал, он шёл уже три дня, не прекращаясь даже на ночь. И вот хмурым бледно серым утром, на четвертый день, когда сила дождя чуть ослабла, обитатели Дубравы один за другим пошли к Барсуку.

Нора Барсука – глубокая, большая, сухая и уютная – прекрасно подходила, чтобы переждать ливень. Она располагалась в корнях огромного

дуба. Входная снаружи густо поросла мхом и была неразличима. Внутри норы длинные коридоры вели к обустроенным комнатам: кухне с просторной столовой, гостиной с камином, несколькими спальням, кладовым и разным подсобным помещениям.

Всех пришедших хозяин проводил в гостиную к камину. Озябшие звери усаживались поближе к огню. Кто-то устроился на низеньких резных табуретах, а кто и на ярких домотканых половичках, расстеленных прямо на земляном полу. Каждый получил по чашке ароматного травяного чая или желудёвого кофе с ложечкой малиновой настойки.

Принялись рассказывать друг другу разные истории, волшебные сказки и семейные предания.

Первым рассказ завёл Дятел.

– Однако то, как мы с вами здесь сидим, напомнило мне одну историю, которую много лет рассказывают у нас в семье, – вежливым тоном произнёс Дятел.

– И что за история? – спросил Суслик.

– Это история о настоящей дружбе дятлов и белок. Возможно, наш добрый Барсук её уже неоднократно слышал, – Дятел учтиво склонил голову, глядя на хозяина дома.

– Может быть, может быть, – задумчиво произнёс Барсук, который помогал белкам составить травяной сбор для заварки чая. – Листья Melissa, мяты и сушёные земляничины, – и, оборачиваясь к Дятлу, сказал, – Расскажи, а я, ежели и знаю, ещё раз со всеми вместе послушаю.

И Дятел, смахнув мнимую соринку с рукава своего чёрного фрака, начал рассказ.

История дятла

Однажды, давным-давно в Дубраве выдалось небывало жаркое лето. Растения и животные изнывали от зноя. И даже ночь не давала желаемой прохлады. Хуже всего, что дожди тем летом шли очень редко. С начала мая до середины августа прошелестело пять мелких дождичков, и пронёсся короткий ливень на пару с ураганом. Трещины в иссушенной жаром земле были такой ширины, что запросто мог провалиться упитанный заяц. А озеро обмелело настолько, что медведи переходили его вброд. Пшеница в поле сторела, не успев заколоситься и родить зерна. Насекомые перевелись. Черви и комары почти все вымерли, а улитки закупились в своих раковинах до лучших времён.

Обитатели Дубравы обрадовались дождливой прохладе осени, не ведая, что это лишь небольшая передышка перед ещё одним суровым испытанием. Зима пришла снежная и морозная. Звери и птицы сидели по своим норам, почти не выглядывая на улицу.

Надо ли говорить, что хуже всех пришлось птицам. Соловьи и скворцы ещё осенью улетели в тёплый край. А оставшимся зимовать в Дубраве воробьям, вороне, сороке и дятлу жилось голодно. Как-то раз сорока принесла вест о птичьей кормушке в саду, что за полем. Этот сад и огород, и большой бревенчатый дом с просторным сеновалом и приземистыми сарайчиками принадлежали Человеку. И хотя хозяева дома иногда менялись, все они были людьми добрыми с чистым сердцем. Некоторым из них даже была открыта заветная тропа

в Дубраву. Вот и тогдашний хозяин Дома за полем вспомнил о лесных птицах и устроил для них кормушку. На широкой дощечке, защищенной от снега крышей-домиком, регулярно появлялись хлебные крошки, семечки, зёрнышки просо, а иногда даже кусочки сала. Очень скоро воробьи и ворона наловчились летать в заветное место за компанию с сорокой. Им теперь жизнь казалась веселей, и стужу они переносили бойко.

Только воспитанный дятел всё никак не мог решиться полететь к кормушке. «Как же так лететь! Без приглашения. Возможно, Человек накрывает там стол для кого-то другого» – размышлял он, постукивая клювом по дереву и разыскивая букашек.

И вот как-то раз солнечным морозным февральским утром, когда голод стал нестерпим, дятел полетел к кормушке. «Я поем совсем немного, и за это летом буду лечить деревья в саду Человека, доставая жучков-вредителей из-под коры» – рассудил работающий пернатый.

Он был уже очень слаб, а от того летел низко, медленно и тяжело взмахивая крыльями. Быстро устал и присел на ближайшее дерево передохнуть. Сидя на ветке, дятел, сам того не замечая, проваливался в голодный сон. Просыпался, вяло постукивал по стволу в поисках жучков. Было нужно хоть немного восстановить силы. Поиски не увенчались успехом, и, через некоторое время, окоченевшие птичьи лапки произвольно разжались, и худенькое тельце камнем упало в мягкий снег. Там бы дятлу и замёрзнуть, если бы мимо не бежали две белки. Одна из них, заметив лежащую

в сугробе птицу, сказала другой:

– Гляди! Дятел лежит. Он нам два года назад дупло делал. Отличное получилось жилище: просторно...

– Да он не шевелится, – перебила её вторая белка. – Неужели умер?!

Белки испуганно заверещали. В один прыжок, очутившись рядом с замерзающим, они увидели, что дятел жив. Тогда белки крикнули свою третью подружку, и все вместе втащили птичье тело в дупло.

Внутри было тепло и уютно пахло сушеными грибами. Их гирлянды висели от края до края в каждой комнатке на всех уровнях. Уровни или этажи, а было их три, соединялись крутыми винтовыми лестницами. Каждый этаж делился на три комнаты, дверей не было. Спальни и столовая находились на среднем уровне. Спали белки на тюфяках, набитых сухим мхом, вместо подушки – собственный хвост. На такой вот тюфяк они аккуратно уложили и дятла. Пока одна из них укутывала его озябшее тело одеялом, вторая уже готовила в кухоньке на верхнем уровне целебный травяной отвар и ароматный грибной бульон. А третья тем временем в кладовке наполняла плошку зерном, сушёными яблоками и вишнями. Кладовые занимали самый нижний этаж. Несмотря на неурожайный год, беличьи закрома были полны припасов. Сушёные груши, яблоки, вишни годились для варки сладкого компота, а жёлуди и корешки цикория для приготовления кофе. Из грибов готовили супы и различные соусы. Орехи (ещё прошлогоднего урожая) можно было погрызть зимними вечерами. Аккуратные снопы ржаных колосков (из которых зерно – для еды,

а соломой можно выстилать пол в прихожей или добавлять как приправу в мочёные яблоки) стояли по углам кладовки. Под потолком висели пучки трав.

Два дня белки выхаживали несчастную птицу, отпаивая травяными отварами, день и ночь дежуря у «кровати». На третий день вечером, когда, наконец, дятел пришёл в себя и смог передвигаться, они устроили торжественный ужин. Воспитанный пернатый сердечно благодарил рыжих красавиц за спасение, и все вместе они строили планы на грядущую весну и лето.

Оставшийся зимний месяц пролетел незаметно в хлопотах и заботах, иначе белки не умеют. Благодаря сытным обедам дятел быстро окреп и включился в домашние дела. Он долбил дополнительные ниши в кладовке и на кухне, ровнял стены, а в гостиной одну из них даже украсил прекрасным панно. Картина занимала большую часть стены и громко именовалась «Подвиг белок или великое спасение дятла героическими белками». Название дятел придумал сам, очень им гордился, а от того написал крупно с затейливыми завитушками. Хозяйкам дупла такое украшение гостиной пришлось по вкусу. Некоторые жители Дубравы, заходя в гости к белкам, при виде полотна теряли дар речи, а иные и вовсе лишались чувств.

Март перевалил за середину, и солнце уже по-весеннему грело, когда дятел засобирился домой, на своё дерево. Белки на прощанье подарили ему шерстяной красный с люрексом шарф (моточек блестящей шерсти достался им от сороки). Дятел дал

слово носить его зимой и больше не голодать.

Белки искренне привязались к своему зимнему квартиранту, и, конечно же, не расстались с ним навсегда. Он часто заходил к ним в гости попить яблочного компота. А ближе к лету друзья затеяли строительство новой кладовой. Дятел долбил её в дереве по соседству с беличьим домом.

Говорят, в следующую зиму Человек немало удивлялся, встретив у кормушки дятла в нарядном красном с люрексом шарфе.

* * *

Закончив говорить, Дятел обвел всех долгим взглядом, пытаясь понять, понравился ли рассказ. Был уже поздний вечер, но уставшие звери слушали внимательно. Только маленькие ежата тихонько сопели, уткнув носы в мягкие животики. А их мама вытерла глаза краешком передника и сказала: «Какая жизненная история!».

Умиrotворенные рассказом, звери разбредались по отведенным им гостевым спаленкам. Над их головами, словно стайка светлячков, роились светлые мысли.

Даже горячка Цапля искренне прониклась историей дружбы белок и дятла. Перестала воображать и думала – как бы ей тоже рассказать что-нибудь интересное. Но беда в том, что она не знала ни одной сказки. «Я её выдумаю» – решила птица, засыпая под стук капель по крыше.

На следующее утро Цапля проснулась пораньше и, наскоро перехватив горсть зерна, ушла в библиотеку. Здесь, благодаря высоким потолкам, она могла свободно ходить,

выпрямившись в полный рост. Так под звук шагов была придумана история. Цапля решительно направилась в столовую поделиться ей со всеми. Желание рассказать сказку было настолько велико, что она перестала стесняться собственного противного голоса. «Будут говорить потише, и выйдет нормально» – решила Цапля.

Войдя в столовую, новоявленная сказочница упёрлась головой в потолок и вынуждена была сразу сесть. Оказалось, что она пробыла в библиотеке достаточно долго. Звери уже успели пообедать. И теперь все неспешно беседовали, удобно расположившись на вчерашних местах.

– Цапля! Мы тебя потеряли. Где ты была всё утро? – громко спросил Суслик с другого конца комнаты.

– Я – в библиотеке. Размышляла – какую из моих сказок вам рассказать. Выбрала самую красивую. Хотите послушать? – вполголоса ответила птица.

– Конечно, мы любим сказки! – первыми прокричали маленькие ежата. Остальные их поддержали.

– Сказка о фиолетовом цвете, – важно объявила Цапля и начала рассказ.

Сказка о фиолетовом цвете

На берегу чудесного озера жила-была прекрасная серая цапля. Она очень любила свой край, ведь там было всё, что нужно для счастливой жизни: топкое болотце, много еды, любимые песни в исполнении прекрасного лягушачьего хора и ни одного человека поблизости. Однако каждую осень, как теплолюбивая птица, она должна была лететь в жаркие страны зимовать.

Однажды, во время очередного

перелёта, её ждало необыкновенное приключение. Хотя поначалу всё шло привычным чередом. В день, наступление которого все пернатые чувствуют безошибочно, цапля поднялась в воздух. Сделав прощальный круг над родными местами, она взяла курс на юг. По пути к ней присоединились ещё четыре птицы с болот по соседству. Днём они летели, а с наступлением сумерек устраивались на ночлег на берегах уже знакомых озёр. Но вот, взлетая на рассвете третьего дня, цапли почувствовали резкий восточный ветер. И его сила крепла с каждой минутой. Вскоре птицы поняли, что, не смотря на все старания, их сильно относит на запад.

Вечером на привале в новом незнакомом месте в стороне от их привычного маршрута цапли держали совет.

– Невыносимо трудно лететь. Быть может нам переждать вихри здесь? А когда всё стихнет, спокойно продолжить путь, – сказала одна из них.

– Такой ветер случается раз в десятилетие, но он способен бушевать не одну неделю. Нам нельзя столько ждать, – отвечала ей самая старшая птица. – Во время моего первого перелёта на юг дул тот же ветер. Мы ждали 10 дней, но за это время сильно похолодало. Три птицы не одолели пути, они погибли. А я сама чудом осталась в живых. Нет, мы должны лететь. Из последних сил, но лететь и продвигаться на юг. В конце концов, даже если нас отнесёт к западу, мы сможем отыскать себе тёплое местечко для зимовки.

В последующую неделю птицы отчаянно боролись с ветром во время

дневного перелёта и вздрагивали от малейшего шороха ночью, засыпая на незнакомых уютных берегах.

Наконец, резкие порывы утихли, небо стало спокойным. И теперь цапли летели, внимательно высматривая подходящее озерцо, где можно комфортно перезимовать.

И вот, третий день напряжённых поисков принёс птицам невиданную удачу. Солнце клонилось к закату, когда впереди показались небывало яркие земли. Через пару часов изумленные цапли очутились над бескрайними фиолетовыми полями. Казалось, что большей красоты не сыскать в целом свете, но тут заходящее солнце окрасило небо в тот же замысловатый цвет. У цапель захватило дыхание от восторга. И снизу, и сверху, и вокруг было мягкое приятное глазу нежно-сиреневое свечение. Далеко на земле среди, казалось, нескончаемых полей блеснула водная гладь. Птицы, как по команде, спикировали на берег. Усталые они удобно устроились на деревьях и заснули.

С рассветом цапли отправились на рыбалку, а заодно исследовать окрестности озера. И первыми обитателями водоёма, которых они встретили, были крупные фиолетовые жабы. Старшая из птиц первой оправилась от потрясения. Вежливо поздоровавшись, она спросила, что за цветы растут кругом.

— О, это лаванда! Она даёт восхитительный аромат! — ответила одна из жаб, смешно коверкая слова.

Цаплям понадобилось совсем немного времени, чтобы подружиться с фиолетовыми земноводными. Те были так любезны, что показали самые

рыбные места на озере.

К вечеру ни у одной из птиц не осталось сомнений в том, что они должны зимовать в этом гостеприимном месте. — Здесь, конечно, всё совсем не так, как мы привыкли. И даже жабы фиолетовые! Но они очень приветливые и милые, хотя и не похожи на нас. И вообще, мне кажется, здесь нам будет очень интересно, — старшая цапля, как всегда точно, выразила общую мысль. И она не ошиблась. Каждый день жабы учили своих гостей чему-то новому. Все вместе они сушили лаванду, чтобы выстилать постель и видеть сладкие сны. Кроме того, птицы взяли в привычку есть на завтрак дождевых червей с лилового поля, и к концу пребывания на озере их перья приобрели похожий оттенок. Так всю зиму цапли прожили в восхитительно ароматной фиолетовой сказке.

* * *

— Вот и всё! — чуть смущенно произнесла Цапля.

Послышались слабые аплодисменты — это Божья Коровка не сумела сдержать эмоции.

— Ах, как чудесно! — с жаром воскликнула она. — Я так и представляю себя в фиолетовом платье! Это сверхмодно!

— Какая жизненная история, — с чувством сказала Ежиха.

Цапля была довольна реакцией зрителей. Всем им в ту дождливую ночь снились чудесные фиолетовые сны.

* * *

На следующее утро Ежиха проснулась первой и поспешила на

кухню. Был её черёд готовить завтрак. Не успела она поставить чайник на огонь, как в дверях появился сонный Суслик. Его активной и неуёмно энергичной натуре не спалось даже ранним дождливым утром.

– Доброе утро, Ежиха! Давай, я помогу тебе.

– Что ж помоги. Принеси-ка, пожалуйста, из кладовки крупы, яблок и малинового варенья, – попросила Ежиха.

И Суслик убежал выполнять поручение.

Скоро кухня наполнилась ароматом желудёвого кофе. На плите уютно булькали кастрюльки: с кашей и с яблочным компотом. А Ежиха и Суслик впервые за утро присели выпить по чашечке кофе.

– Ежиха, вот ты всё говоришь: «Жизненная история, жизненная история». А ведь в жизни так, как они рассказывают, не бывает.

– В жизни, Суслик, ещё и не то бывает, – задумчиво произнесла Ежиха, потягивая горячий напиток.

– Ну откуда ты знаешь? – упорствовал Суслик.

– Я знаю. У меня в жизни была такая история, что с тех пор я всегда верю в сказки.

– Что же за история? Ты нам расскажешь? – заинтересовался Суслик.

– Расскажу, но ближе к вечеру. Сейчас мне зверьё завтраком надо накормить. Вон, все уж проснулись, – засуетилась Ежиха.

Наступивший день для обитателей Дубравы был полон забот: они приводили в порядок многочисленные комнаты в жилище Барсука. К вечеру, когда уборка была

закончена, а ужин съеден, все собрались в гостиной у камина. Суслик напомнил Ежихе её обещание рассказать историю.

– Многие из вас, наверное, и не знают, что у меня есть брат. Так вот, это история о нас и о нашей матери. То есть, конечно, матери у нас не было. Хотя как не было, когда была. И ещё какая, но не совсем наша. Хотя, как же не наша, – волнуясь, затараторила Ежиха.

– Так ты всех только запутаешь. Давай-ка, рассказывай всё по порядку, – мягко вмешался Барсук, протягивая Ежихе чашку ромашкового чая.

Она отхлебнула глоточек и начала снова.

Жизненная история

История эта случилась три года назад, в конце мая, когда днём уже по-летнему жарко, а ночи сырые и холодные. Поэтому одна заботливая мамаша устроила своим новорожденным ежатам гнездо на сеновале. На том самом сеновале, что стоял в угодьях Человека, который живёт через дорогу от поля. Человек этот был хозяйственный, а потому решил загодя подготовиться к сенокосу. Он надумал снести старый ветхий сеновал и поставить новый, побольше. Разбирая постройку и вороша остатки прошлогоднего сена, мужчина наткнулся на ежиное гнездо, где спали два крошечных слепых детёныша. Он крикнул свою десятилетнюю дочку, и теперь они решали, что с ними делать. – Папа, смотри, какие они хорошенькие. Давай оставим их себе! – говорила девочка, разглядывая малышей. И добавила, – от них будет польза.

Ежи хорошо ловят змей и мышей. – Последней фразой она хотела убедить практичного отца.

– Манюнь, ну как оставим? Они ж крохи совсем, и недели нет, без матери пропадут.

– А где мать?

– Не знаю. В лес, наверное, помчалась за пропитанием. А тут я сеновал ломать. Манюнь, я ж не знал, – виновато произнес отец, видя, что глаза девочки наполняются слезами.

– Ну, оставь, пожалуйста! Я их выкормлю, – канючила Маша.

– Как? Да, они и замерзнут. Вон голые все, трясутся. Иголки ещё крошечные белые.

– Я придумала, – радостно закричала сердобольная девочка. – Дина будет их мамой.

– Маша, не выдумывай. Кошка их съест, – строго сказал отец.

– Нет, не съест. У неё сейчас котятка и материнский инстинкт, – упорствовала дочь.

– Материнский инстинкт. Много ты понимаешь, – заулыбался мужчина. – Ладно, тащи Дину. Хоть попробуем. Не бросать же их так.

Маша уже скрылась в доме и через минуту вернулась с пушистой кошкой в руках. Девочка бережно опустила её рядом с ежатами, а сама отошла на почтительное расстояние и стала наблюдать. Кошка долго и осторожно обнюхивала мягкие комочки, после чего тщательно вылизала их. Затем, аккуратно взяв в зубы, одного за другим она перенесла ежат в дом и сложила в коробку с тремя собственными котятками. Вечером Маша с умилением смотрела, как все пятеро, смешно причмокивая, сосут

молочко. А Дина, восстановившая для себя мировой порядок, довольно мурчит.

Прошёл месяц. Приёмьши подросли, их иголки окрепли и стали привычного коричневого цвета. Кошка гордо выводила во двор всю ватагу и учила молодёжь ловить мышей. А по вечерам ежата вместе с котятками, смешно фыркая, лакали молоко из блюдца. Казалось, ни они, ни Дина не видели между собой никакой разницы.

В конце июля все котятка были розданы в новые семьи. Ёжики остались единственной отрадой для кошки. Они по-прежнему спали вместе в той самой коробке, куда их принесли малышами.

Наступила осень. Как-то раз молодая ежиха отправилась в поле – ловить мышей. Ловля полёвок была одним из её любимых занятий. Гораздо более увлекательным, чем любимый братом сбор слизней в саду, и более успешным, чем отлов шустрых амбарных грызунов. Наэтот раз в поисках полевой мышки ежиха прочесала почти всё поле и у самого края наткнулась на потенциальный обед, который, впрочем, успел убежать по тропинке в лес. В ежихе было воспитано поистине кошачье любопытство, поэтому она, не сомневаясь, потопала следом... В глубь леса по дорожке, которая привела к озеру. А там... Там был другой мир – новый, неизведанный, полный запахов и звуков. Познакомившись с его обитателями, ежиха бродила, осматривая окрестности. А в конце дня, когда пришла пора уходить, всё вокруг стало ей совершенно родным. И воздух, сотканный из запахов прелой листвы, озёрной тины, грибов и миллионов других ароматов, и сонные

от подступающих холодов жабы, и даже лёгкие серебристые паутинки, дрожащие на ветру. Она как будто всё это знала всегда, но на время стёрла из памяти. И вот сейчас этот родной ей мир вернулся.

Измученная ежиха возвратилась домой и поздно ночью рассказала обо всем увиденном брату.

– Понимаешь, мы совсем не кошки. Я сегодня видела зверюшек – ну в точности как мы. Это ежи. У них и лапы, и нос, и иголки, всё как у нас! А у мамы, у неё иголок вообще нет.

– Да, пожалуй. Мы ведь не очень похожи на нашу маму, – отвечал флегматичный ёж. Ему совершенно не понравилось то, что поведала сестра.

– Это потому, что она наша приёмная мама. Но всё равно, она очень добрая, раз взяла и воспитала нас, – размышляла ежиха.

– Конечно! И я её очень люблю.

– И я люблю, но мы, наверное, должны жить в лесу с ежами. Понимаешь, там всё такое новое, интересное, так нам подходит.

– А мне и здесь всё подходит, – огрызнулся ёж, а потом возмутился. – Ты, что же хочешь уйти и бросить маму одну?

– Я нет. Я не знаю, – замялась сестра.

– Мне здесь очень хорошо с тобой и с мамой. Но там... Понимаешь, я чувствую, что мы должны быть там.

– Идём, спать. Мама всегда говорит, что утро вечера мудреней.

И действительно, на утро ёж уже знал, как разрешить ситуацию.

– Ты пойдёшь жить в лес, а я останусь здесь. Мы сможем часто видеться на поле или прямо во дворе. Только ничего не говори маме про то, что мы ей не

совсем родные дети.

– Ты хорошо придумал, – ответила сестра. – Но, может быть, ты придёшь как-нибудь в лес. Посмотреть.

– Нет. Мне это не нужно. Я хочу жить здесь с мамой. И люди очень добры ко мне. Я по-прежнему буду ловить мышей в амбаре и прожорливых слизней в саду, а на ужин пить тёплое молоко.

С тех пор они так и жили. Ежиха в лесу со временем научилась всем нужным повадкам и даже обзавелась потомством. Она часто виделась с братом и мамой в поле, где по воскресеньям они устраивали весёлые пикники.

И как в настоящей сказке, жили они, поживали и добра наживали.

* * *

– Вот и вся история, – завершила рассказ Ежиха.

– Действительно, жизненная, – сказал Суслик. – Я и не знал, что кошки бывают такие добрые.

И снова звери отправлялись спать, размышляя, как же белый свет богат на чудеса, а жизнь похожа на сказку.

Перед сном Барсук посмотрел на календарь и вспомнил, что завтра уже седьмой день, как идёт дождь. Такого долгого ливня в Дубраве ещё не бывало. «А ведь нам интересно и дружно живётся всем вместе», – подумал он засыпая.

* * *

На следующее утро Суслик снова проснулся пораньше и не услышал, ставшего уже привычным, шума дождя по крыше. Он побежал

к двери, распахнул её и зажмурился от яркого солнца. Умытый лес сиял чистотой красок. Выскочив на полянку, Суслик встал на задние лапки и замер. Он увидел высоко в небе, где-то над лесом чудесную разноцветную радугу. И тогда он громко заверещал, созывая всех жителей Дубравы разделить с ним радость этого чудесного утра.

А радуга весело сияла своими красками. Зелёный, красный, голубой, жёлтый и

даже фиолетовый – все цвета вместе, один переходит в другой. Обитатели Дубравы смотрели в небо и светло улыбались. Вспомнился спор недельной давности. Глядя на радугу, они думали, что никогда больше не станут так рьяно спорить по пустякам.

2010

Елена Борок

* * *

Жизненный опыт –
математическая сумма человеческих
опытов —
первые сексуальные,
изоощренные психологические...
Смелые эксперименты
на себе; на людях и животных.
Удачные.
Неудачные.
Посредственные.

Они неизбежно нам пригодятся
в нашем светлом будущем,
где им, как работам Павлова,
обязательно посвятят по два абзаца
во всех учебниках первых курсов
соответствующих факультетов,
открытых уже тогда,
в эру побежденного одиночества.

* * *

Я жду весну.
Она идет, чеканя шаг.
Гремя сапогами,
скрипя песком на зубах,
в тёртом камуфляже.
Потная, усталая,
проходит мимо,
не видя меня.
Измученная.
Отвоёванная у зимы.
Страшная.

Я стою на обочине
размытого перекрёстка
и когда она проходит —
делаю шаг назад.
Только бы не коснуться,
только бы не задеть плечом;
не отравить лето
вслед за этим
грязно-зеленым чудищем.

* * *

Все происходит одновременно:

жирафы захватывают ванную,
удивленно тянут шеи,
переминаясь на негнущихся ногах,
растерянно озираются в поисках зелёного
—
бесполезно. Ста ватт достаточно,
чтобы выжечь всё живое.

по кромке рукомойника
цепочкой проходят изящные, осторожные
слоны
конструкции синьора Сальвадора;
время плавится
и патокой стекает вниз,
туда, где уже ходят широкие спины
нетерпеливых рыб.

королевская гвардия патрулирует кухню.
строгие бифитеры
проворачиваются на каблуках,
слепо, по-собачьи вскидывают головы
на звук или запах еды —
бесполезно. Кошки появляются быстрее,
даже если спросонок и не целиком.

а в маленькой комнате —
в брошенной дальней комнате на камине
уважаемый человек —
одноногий ветеран,
участник ста тысяч детских сражений,-
наконец-то решается
предложить руку и сердце...

но ты все кружишься, кружишься —
в пяти шагах от военного,
в кошачьем прищуре несуществующих
глаз,
в нескончаемом падении пируэта,
в едином потоке
с необъятной, гибкой, непостижимой
вселенной.

***

Дождь пробивает асфальт и квадраты
крыш.
Дождь пробивает ладони, но крови — нет.
Дождь и внутри, и снаружи, и ты стоишь,
В камень упавших скрижалей дождя одет.

Камень ложится на камень. Вода в песок.
Веско и тяжело, как просыпать ртуть.
Веско и тяжело, как глубокий вдох,
Города, затопленного по грудь.

Как же закроешь краны в Макондо, где
Что ни случись — живи, и плыви, и верь:
Если земля замешана на воде,
Ты из того же теста. Чего теперь?..

***

Мандарины два раза в год.
Мандариновые караваны,
идущие по сопкам соснам багульнику
сквозь болотные топи песчаные бури
тайными тропами зверей кочевников
проводников
околдованные
высокими широтами уральскими
самоцветами
страшными сказками Яблонового хребта.

Безупречный хронометр,
отмеряющий детство равными частями:
от Нового Года до Дня Рождения
и наоборот.

Вяч. Куприянов

Когда ты уходишь,
остается моя любимая музыка.
Музыка моих любимых
и та, которую не любили —
именно этим она и запомнилась.

Остается город,
весь из неровных строчек светящихся
звёзд,
невидимый под светящимися звёздами.
Скопление звёзд,
которое можно увидеть,
если долго смотреть
снизу вверх — через телескоп
или сверху вниз, из самолета.

Остается легкость,
как после перегрузки.
как на фотографиях Эйнштейна
или Одри, прыгающей с зонтиком
из земли в абсолютное небо.

Когда ты уходишь,
остаётся только надеяться,
что к невесомости можно привыкнуть-
путем многолетних тренировок.

* * *

Кажется, Новый Год, и почти разочлись
со старым.
Кажется, я вот-вот разожму обе руки.
Выпущу, выроню, выгоню. Люди умеют
без пары.

Люди смеют без пары. Люди без пары
легки.

Вроде бы, небосвод — вот, забирай
задаром.
Неба ни с кем впредь — ты же гордая —
не дели.
Только огня — нет. Дракон выдыхает
паром.
В силах ещё взлететь. Не в силах
коснуться земли.

* * *

Я принесла в твоё утро
кофе с корицей,
холодные пятки — греться,
горячую голову.
Окна без штор,
большой заспанный мир,
в горшке — японское дерево.
Всю свою музыку,
всех мужчин,
несмешно опоздавшее детство.

Смотри: никуда не деться.
Если ты меня выгонишь —
как ты с этим один?

Максим Амелин

* * *

Долго ты пролежала в земле, праздная,
беспольная, и наконец пробил
час, — очнулась от сна, подняла голову
тяжкую, распрямила хребет косный,

затрещали, хрустя, позвонки — молнии
разновидные, смертному гром страшный

грянул, гордые вдруг небеса дрогнули,
крупный град рассыпая камней облых,

превращающихся на лету в острые
вытянутые капли, сродни зёрнам,
жаждущим прорасти всё равно, чем бы ни
прорастать: изумрудной травой или

карим лесом, ещё ли какой порослью
частой. — Ты пролежала в земле долго,
праздная, бесполезная, но — вот оно,
честно коего ты дождалась, время, —

ибо лучше проспать, суетой брезгуя,
беспробудно, недвижно свой век краткий,
чем шагами во тьме заблуждать мелкими
по ребристой поверхности на ощупь,

изредка спотыкаться, смеясь весело,
проповедуя: «Всё хорошо, славно!» —
потому-то тебя и зовут, имени
подлинного не зная, рекой — речью.

* * *

Мне тридцать лет, а кажется, что триста, —
испытанного за десятерых
не выразит отчетливо, речисто
и ловко мой шероховатый стих.

Косноязычен и тяжеловесен,
ветвями свет, корнями роя тьму, —
для разудалых не хватает песен
то ясности, то плавности ему.

На части я враждебные расколот, —
нет выбора, где обе хороши:
рассудка ли мертвящий душу холод,
рассудок ли мертвящий жар души?

Единство полуптицы — полузмея,
то снизу вверх мечусь, то сверху вниз,
летая плохо, ползать не умея,
не зная, что на воздухе повис.

Меня пригрела мачеха-столица,
а в Курске, точно в дантовском раю,
знакомые ещё встречая лица,
я никого уже не узнаю.

Никто — меня. Глаза мои ослабли,
мир запечатлевая неземной, —
встаю в который раз на те же грабли,
не убранные в прошлой жизни мной.

Изваяние Силена в Капитолийском музее

Ирине Ермаковой

Безымянного страж именитый сада,
бородатый, косматый, великорослый,
с переброшенной шкурою через рамо
кососаженное,

козлоногий, задастый, парнокопытный,
многогроздую между рогов кошницу
подпирающий шуйцей, в деснице свесив
кисть виноградную, —

что печаль по челу пролегла, Силене?
Мрачноличен зачем и понуровиден?
Ах, и кто же, скажи, не стыда, не срама, —
уда заветного,

прямотою прославленного стрекала
кто лишил-то тебя? За какие вины?
Неужели твои сочтены проказы
за преступления?

Позабыт-позаброшен толпой пугливых
прежде нимф, нагловатых насмешниц ныне, —
хоть гоняйся за ними, хоть не гоняйся,
одинаково,

ибо надо, поймавши, сражать, а нечем.
Потерявшему большее потерявшим
меньшее не наполнить обломком лона
влаготочивого, —

ни на что похотливый скопец не годен,
безоружный же муж никому не нужен,
оттого и поставлен в музее — Музам
на поругание.

* * *

Златотрепещущее над нами
море поблекло, по кривизне
брежной разметаны кверху днами
переселенцев сюда извне
судна, повесив обломки вёсел,
ржавые высунув якоря,
щеглы окрест раскидав как зря, —
их обречённый народец бросил
без сожалений на произвол
и неизвестно куда ушёл.

Где вы? Неужто чужбины сладок,
а не отчизны суровой дым? —
, что стремилось придти в упадок,
будучи старым иль молодым,
древним иль новым, пришло, различий
не проводя между тем и тем,
сделался велеречивый нем
край, где звериный лишь крик да птичий
редко, но скатываются в ком, —
на языке здесь вещать каком?

Местная речь, наущась латыни,
взяться намерена за санскрит, —
недопроявленного доньше
гул вещетворчества в ней сокрыт
под тарабарщиною Монгола,
Фрязина молвью, на суть скупой,
складом Варяжеским, скорлупой
Грецких наречий, пятой глагола
Аглицкого и окружных стран, —
слышен сквозь них, изначально дан.

Из обезлюдивших порубежий
духи земли собрались на зов,
дабы, насытившись кровью свежей,
память и время начать с азов,
сооружения крепостные
выстроить заново, возвести
вновь города, проторить пути
в твердях обеих как бы впервые,
на море двинуть опять суда,
плыть посылаемые сюда.

* * *

Стихи ли слагаю, Венеру
ласкаю ли, пью ли вино, —
во всём осторожность и меру
всегда соблюдать мне дано:

ни жизни под юбку не лезу,
не хлопаю смерть по плечу;
богатством подобиться Крезу
Лидийскому я не хочу;

чураясь и хлада и глада,
я чту и тюрьму и суму, —
чужого куска мне не надо,
но свой не отдам никому.

Короче, не будь я поэтом
по воле поющих небес,

не в том преуспел бы, так в этом,
где важен порядок и вес.

* * *

Сложного сложнее, простого проще,
то неповоротлива, то шустра,
громоздясь на горы, врываясь в рощи,
языками яростными костра
ласково крутя, шевеля глумливо,
рушится стремительная с обрыва
и встаёт целёхонька, как ни в чём
не бывало, плотная и сквозная,
сведуща во всём, ничего не зная,
собственным себя подопря плечом.

Сопредельным странам грозя набегом,
мир даруя прочим издалека,
Ноевым взлетающая ковчегом
над водой под самые облака,
раздаётся вширь обоюдокрыла,
весть о том, что будет и есть и было,
претворить пытается в кровь и плоть
всех существ, замешанных на соблазнах,
потому что в лицах и видах разных
праведную любит её Господь.

* * *

Разбитая может ли чаша срастись
и злак всколоситься исторгнутый с корнем? —
Лишь пар устремляется струйками ввысь,
от праха земного к обителям горним,

отзыва взыскуя, зане не сумеет
ни письменно выразить жалоб, ни устно, —
так патина кроет небесную медь:
искусство безжизненно, жизнь безыскусна.

«Храм с аркадой»

В Судакской крепости, если от Главных
ворот — налево — до локтя стены —
и вверх, особым на первый праздному
зеваче с виду ничем не приметный,
с торчащего зубом во рту столпа
единственным и с полушарием купола

по-над осьмигранником кратковыйным,
сей дом Господень, куда чередой
в устах отверстых с молитвами мирными
одни за другими, что на берег волны:
из диких нахлынувшие степей
законопослушники Магометовы

петь «Ля илляха илля-Лла» протяжно;
по зыбкому от Лигурийских пучин
пути пришельцы искусственноносные
свой строгий отчетливо «Патэр ностэр»
на мертвом наречии повторять;
со «Шма Исраэль» далекой изгнанники

земли, во всём полагаясь на свиток,
чьи буквы ведомы наперечет;
пространств на суше завоеватели
и на море, «Отче наш» возглашая,
крюкам доверяться и знамёнам;
простых прямые Мартина грозного

писаний наследники с «Фатэр унзэр»;
единоприродным Вышнего чтя,
из зланных вокруг древней Ноевой пристани
юдолиц выходцы, дабы страстно
«Хайр мэр» твердить и лелеять грусть,
рассудку низкому неподвластную, —

все были некогда здесь, а ныне —
в открытый с восьми до восьми музей,
где фрески, михраб и разноязычные
по стенам надписи, вход свободный,
и внемлет мольбам одинаково Бог
всего разобщённого человечества.

Ли́ра

Юрию Орлицкому

В антикварном отделе
книжного магазина «Москва» на Тверской,
куда я часто захоживаю,
мне попалась — буквально на днях —
одна любопытная книга:
«Опыт о русском стихосложении» Востокова,
1817-го года.

Александр Христофорович по молодости лет
истинным был пиитом,
изысканным и чрезвычайно изобретательным,
воспевал мужскую — в античных формах —
любовь и дружбу, а потом,
остепенясь, Поэзию бросил и женился
на Филологии.

Редкий — ручаюсь —
экземпляр единственного издания
(хоть и черным по белому, что второе),
с которого, собственно, началась
наука о русском стихе,
в полукожаном переплете, без корешка,
стоит 20 000 рублей.

Однако не тем он ценен,
а тремя — на переднем форзаце слева —
прежних последовательными надписями владельцев:
Сергея Михайловича Бонди,
Сергея Павловича Боброва,
Михаила Леоновича Гаспарова —
и пометами на полях.

Знатоки и ценители тонкостей стиховых
с отвлечённой своей наукою
переместились к Востокову — медлительно рассуждать
о размерах, рифмах и строфах,
а ты на продажу выставленной оказалась,
ответшала, не переданная никому
Ли́ра стиховедения!

* * *

Насыщение, а не вкус,
о котором водит Француз
неустанно четыре века
языком по полости рта! —
Вся премудрость его пуста
для голодного человека!

Мельтешения скудных блюд
не приемлет привычный люд
к изобилию щей да каши;
нет урчания в животе —
можно думать о красоте:
насыщение — счастье наше!

Преуспеет в словесном тот
ремесле, кто туго набьёт
отощавшему снедью пузо, —
чем богата, всё из печи
с пылу с жару на стол мечи,
да поболе, русская Муза!

Анна Жмурова

И когда раздарено будет все...

* * *

И когда раздарено будет все
Будто с нитки рябиновых бус,
Раздавлено будет все
    мое до морозов-нельзя-кислое,
Я открою поля.
И пахнет стройной согласной пшеницей.
Поля, в себя вrostившие богатырское тяжкое что-то,
Озябшие от ожидания:
Злые соловьи налетят и будто тряпье растащат,
И не станет ни горизонтов,
Ни покатога гулкого неба...

Я открою поля словно хлеб разломлю,
Как ломают у самого края,

Когда нет силы прятать,
Или веришь уже будто сыт
И другого им причащаешь,
Когда кажется, что Господь почти видим рядом.
Но его рядом нет,
Но его рядом нет.
И деревья уходят в овраги.

Опилки

Штабелями штамую стихи.
У меня есть право – не править ошибки.
Я же не доктор и даже не слесарь.
А чем пахнут стружки стиха?
Вряд ли точёным лесом.
Я не Анна – Зачем что-то придумывать? – Жмурова.
Я лестница.
Товарищ лестница, определитесь, в конце концов,
Куда вы ведете, вверх или вниз?
Но даже если вниз, не расстраивайтесь.
Бывают горы и глубже.
У ланцетника, например, нет сердца,
И кровь бесцельно бродит по руслам.
Грустно? Вот и ему грустно.
Зарывайся не зарывайся в песок,
Там точно так же как здесь.
Главное в жизни – почаще мыть руки
И не соглашаться, когда пахнет бензином
И незнакомо скажут «лезь».
Но я и этого не умела держаться.
Ладно. Разве дух - это только миро и ладан?
Оставим
и выдадим за шедевр.

Письма поэтессы своему любовнику

Письмо № 1

Будто бы высыхает нитка термометра,
Становится холодней.
Раньше я даже гордилась умением писать письма,
Ни то, что теперь.
Теперь, когда тем,
С кем раньше делила мысли
Как овсяный порошистый хлеб,
Стал претить круг моих строчливых тем,
Я обращаюсь к тебе.

К твоему лирическому герою обращается моя героиня.
(Видится в темном платье со свежее зачесанными волосами)

Да, она бы писала письма,
Кроткие голубиные письма,
В которых жизни осколок
Как осколок цветного стекла, оправленный синей водой.
...а над синей водой серый ветер,
Так тяжело ложится
Будто в кромешных глубинах одна руда на другую...

Она бы писала письма,
И стопкой белых вспружиненных перьев
Вручила ему бы конверты.
С перерывами на обед,
Отвлечься, взгляд распрямить, потянуть
Как позвоночник тянут,
Он бы читал.

Видишь, как легко я за них обоих живу,
Я бы смогла и дальше
Сверху глядя на книгу,
Сверху глядя на город,
В котором живут герои
В домах – сверху глядя – без крыш.

В детстве я точно знала, что
У меня семья.
Только она стареет.
И вздумав бровки,
Я вижу, как бабушка спит
В горнице нашей.
Резное птичье слово,
Потому что горлица
И какой-то знакомый напев,
Вышитый по лугам,
Где руками уже наизусть
Столько стежков проделано.
А будет ли что-нибудь после?
Только письма.
Пожалуй, только.
Луговые молочные письма.

Письмо № 2 (отрывок)

Иногда я просыпаюсь
И думаю: Это Солярис,
Я разучилась помнить.
На веранде,
Под горой тополиного шума...
Позвать бы именем этим свою дочь.
Пусть деревянное, неживое.
Но веры бы в нем хватило
До самого ее крещения.
А солнце все медленеет,
И тревожно ложиться спать,
Когда так ...ло
                                лилово
За окном.

Письмо № 3 (обрывок)

Все память и память.
Среди ночи высыпаюсь из постели
И слушаю проливной ветер,
И пустоту свою жалею,
В которой ни дочки,
Ни той семьи остаревшей.

А днем засыпаю,
День засыпаю хлопотами забыточными,
Цветы озябшие пленками укрываю,
Пить даю им.
Если б ты чувствовал
Эту их жадность,
Когда шипит, отступая сухость,
Ты бы никогда не посмел задумываться,
Разглядывая на паперти просящих.
Ты напоил бы их деньгами, сочувствием,
Всем, что бы не попросили
Они, жалкие на паперти храмов, больниц,
                                заласканных кабинетов.

Но тебя мне упрекать не в чем.

Все память и память...
Никогда я не верила тем,
Кто беззаветно чует,
С первой встречи впиваясь друг в друга.

Жаль, что нас не учили чистоту помнить.
Мне теперь только жаль
Нашей верности.

Надо мною столько молить,
Непрочитанных книжных истин...
Я не знаю, что больше сказать.
Я не знаю, правда, не знаю.

Виктор Бушмин-Кочетов Осиянное Слово 2010 года

Душа современного русского читателя в смятении. Свою жёсткую волю ему диктуют издатели, «пожелтевшие» до крайней степени. Чернуху, модернистские ляпы, глянец выдают за литературное творчество. «Но забыли мы, что осиянно только слово среди земных тревог», - вспоминаются горькие строки Гумилёва. Авторы заняты реализацией литературных прожектов, где вершиной читательской признательности служат гонорары за экранизацию. Поэты пустились во все тяжкие, выскабливая из окружающего быта самые пикантные подробности человеческих страстей. Каждый хочет открыть сенсацию.

Стремление писательского бомонда к стяжательству и дешёвой славе понять можно. Чемещёонспособенпрокормиться? Работа не пыльная, даже бумага и чернила не нужны. Менеджеры и маркетологи скажут кому и как «впарить» подороже. Но навряд ли эти люди дадут собственным детям читать подобную продукцию. Другое дело непрофессиональные авторы, которые имеют возможность творить то, что подсажает сердце.

Алексей Витаков и его

единомышленники в 2005 году решили создать школу литературного классического творчества, некую дискуссионную среду специально для молодых непрофессиональных писателей под знамёнами литературного форума им. Н.С. Гумилёва, закрытие VII цикла которого состоялось в ноябре 2010 года в зале музея В.В. Маяковского в Москве.

Форум начинался как съезд литературных студий Москвы, так сказать, по обмену опытом. Тогда мастера, руководители студий, А.Витаков, Е.Исаева, Е.Муссалитина с ужасом обнаружили, какое пагубное влияние на молодой неокрепший талант оказывает современное литературное сообщество. Многие ведь действительно думают, что в модернизме есть развитие, что коверканье и глумление над стихотворной формой никак не сказывается на поэтике, что потоки мизантропной депрессии привлекают читателя. Поэтому мастера решили перейти от формирования читателей с хорошим вкусом в среде студентов технических ВУЗов к обучению молодых авторов русской словесности.

Со временем к этому процессу

подключились такие замечательные поэты и писатели как М.Амелин, Б.Лукин, М.Котова, С.Селиванов. Члены жюри форума «Осиянное Слово» в течение года работают с ребятами в разных уголках России, апофеозом является заключительный семинар в Доме Творчества Писателей в подмосковном Переделкине. Там же проходит конкурс на звание лауреатов и дипломантов форума, хотя большинство участников признаётся, что награды лишь приятное дополнение к самому общению с мастерами.

Председатель Оргкомитета форума Д.Крылов, директор Творческого Клуба МИРЭА(ТУ), сообщил, что в 2010 году в различных мероприятиях форума приняли участие более 2 тысяч человек против 570 в прошлом году.

География и структура организации форума разрослась, чтобы активнее вовлекать в творческий процесс регионы. Проводилась работа с молодыми авторами и в Коломне, и в Задонске, и в Старом Осколе, и в Тмутаракани, и в Мурманске, и в Челябинске.

На широкую ногу прошёл в июле новый фестиваль «Господин Ветер», детище поэтессы Т.Кондратовой. Коломенская земля, прославленная Достоевским и Лажечниковым, радушно приняла начинающих поэтов, прозаиков и авторов-исполнителей. После фестиваля даже состоялась фотовыставка работ, посвящённых «Господину Ветру» в коломенском кремле.

Среди новых фестивалей авторской песни и литературы малых форм нельзя не упомянуть Липецкую «Радугу Струн» и «Осень в Тамани» Краснодарского Края. Формально «Радуга Струн» Т.Петровой собирала послелетних пожаров помериться строфой жителей Черноземья, а «Осень в Тамани» Е.Муравьёва жителей Юга России. На практике фестивали посетили

и северяне, и москвичи, и прибайкальцы. Не обошлось и без курьёзов. Так гости «Осени в Тамани» на собственной шкуре почувствовали нетипичный для октября в Тмутаракани шторм и шквальный ветер, поняли, за что Тамань Лермонтов называл «скверным городишкой».

Некоторые писатели мимо фестивалей попали прямо в жернова авторских мастер-классов А.Витакова, Н.Ягодинцевой и С.Селиванова в Коломне, Челябинске, Ульяновске, Пензе. Конечно, все с нетерпением ждали заключительного семинара форума «Осиянное Слово» в Переделкине. Как отметил В.Дударев, приглашённый член жюри, редактор журнала Юность: «Я никогда ещё не видел настолько лёгкой и домашней атмосферы на подобных мероприятиях. Незаорганизованность форума поразила меня».

Открытие заключительного семинара прошло при полном зале Центрального Дома Работников Искусств. Публике не дали скучать ни минуты. На сцене выступили мастера и гости, в том числе иностранные. Пели песни, читали стихи, танцевальный ансамбль МИРЭА(ТУ) исполнил зажигательное попури, а театральная студия А.Тараканова поставила мини-спектакль по одному из произведений Гумилёва. Тем не менее, А. Витаков за кулисами сетовал, что открытие в ЦДРИ надо наполнить ещё более интересными и профессиональными выступлениями.

Автобусами от ЦДРИ участников форума вывезли в Переделкино, где их гостеприимно привечал директор Дома Творчества Писателей С.Колмаков. После заселения в конференц-зале прошло всеобщее знакомство. Читали стихи молодые поэты и члены жюри, гости, в их числе Л.Чинарёва, В.Балакирев, И.Кабыш, В.Устинов. Были также представлены новые члены жюри В.Дударев и

В.Пуханов.

Отследить происходящее за несколько дней в Переделкине не сможет ни один наблюдатель. Одновременно проходили 4 поэтических и 1 мастерская прозы, кто-то шёл в музей, на писательское кладбище, кто-то гулял по парку, кто-то читал в углу подборку новым товарищам.

Мастер-класс М.Амелина, Е.Муссалитиной и Е.Рыхловой пользовался большой популярностью среди молодых поэтов. М.Амелин выступал в роли остроумного хозяина, травил байки. Е.Муссалитина придавала семинару блеск классического литературного салона. Юноши были в восторге.

Е.Исаева, А.Витаков и В.Пуханов на своей мастерской занимались умелым препариованием. Нет такой строчки, чтобы проскользнула незамеченной. Поэтические подборки разбивали вдребезги и собирали вновь. В.Пуханов позже с лёгкой иронией отзывался о форуме им. Н.С.Гумилёва, видимо, не понял, чем на самом деле заняты люди, хотя тепло говорил об одном из Челябинских поэтов Романе Япишине, сетовал, что волонтеры премии Дебют проморгали его. Е.Исаева подарила свою книгу Льву Усачёву из Москвы, назвав его открытым, ярким, социальным поэтом, а мастерство, мол, придёт со временем. Наталья Красюкова из Коломны получила спецприз от Председателя жюри А.Витакова за то, что имеет особый голос, как поэт, отдельные строфы и катрены из-под её пера просто блестящи.

Ученики Т.Кондратовой, Н.Ягодинцевой и В.Коркунова получили отличный урок поэтической речи, практических приёмов. Мастера не столько интересовались подборками, хотя они были тщательно изучены, сколько определением авторов себя в поэзии, самоидентификации. Беседы о филологических изысках перемежались цитатами великих классиков.

Мастерская В.Дударева, Д.Коржова и Б.Лукина произвела на ребят неизгладимое впечатление из-за дебатов о судьбах современной поэзии. Порой, отвлекшись от обсуждения молодых поэтов, мастера надолго углублялись в профессиональные прения. Разнесут в пух и прах очередную подборку, пожурят по-отечески автора и снова в споры. Удивительно, что мастера не выпустили манифест к литературной общественности. Казалось, мастерам и дела нет до участников форума, хотя на закрытии заключительного семинара Д.Коржов от лица мастерской повинился ребятами, вручил свою книгу в знак симпатии поэтессе Любове Малиновской.

Особого упоминания достоин семинар прозы, так как в этом году работа велась с 12 авторами. Члены жюри М.Котова, С.Селиванов, их помощники В.Бушмин-Кочетов и Д.Меркушов тратили колоссальные душевные усилия, чтобы растормошить вальяжно возлежащих в креслах прозаиков. Б.Лукин в кулуарах говорил о мастерской прозы, что, дескать, верить в объективность суждений сложно, так как из членов жюри в прозе состоявшийся прозаик только М.Котова. Отчасти он прав, но лишь отчасти.

С.Селиванов, как журналист, с первого взгляда раскалывал внутренние мотивы авторов, учил создавать характеры героев. В.Бушмин-Кочетов показывал на подробном разборе одного из произведений, как автор должен работать над текстом, чтобы любой читатель его понял. Д.Меркушов ловко выводил на чистую воду произвольные плагиаты и штамповки. М.Котова отметила, что таких качественных разборов и критики, накала страстей не встретишь на большинстве семинаров Литинститута. Мастерская прозы закончилась позже остальных, незадолго до лекций, которые читались на третий день финала «Осиянного Слова» в Переделкине.

Звёздную лекцию прочла Т.Кондратова 73

на тему «Типы реализации авторского сознания», зал внимательно слушал, кто-то конспектировал. Вторую лекцию на тему «Введение в модальный метод в прозе», но почему-то на примере стихов Мандельштама, Пушкина и Гомера прочёл начинающий лектор В.Бушмин-Кочетов. На следующее утро М.Амелин говорил об истории русского стиха, да так интересно, что сорокаминутка растянулась до двух часов.

Молодые непрофессиональные писатели показали на финале форума себя с лучшей стороны. Поэт Александр Гречин из Москвы выправил стихотворную форму, его профессионализм сильно вырос в сравнении с прошлыми работами, что порадовало А.Витакова, его руководителя по литклубу «Послезавтра».

Стихи мурманской поэтессы Алины Богачёвой поразили мастеров органичностью современной лексики, ей прочат большое будущее. Мария Тюльпина из Ступина, в перспективе очень интересный автор, одинаково уверенно чувствует себя и в свободном стихе, и в силлаботонике, использует самобытную систему образов. Челябинская поэтесса Оксана Андропова своей внутренней чистотой, смелостью, творческой дерзостью и качественной фольклорной стилизацией заслужила спецприз «За патриотическое творчество» от организации «Трудовая доблесть России». Упомянувшийся ранее Роман Япишин умеет строить завораживающие фонетические ряды, выпуклые образы, за что получил диплом второй степени. Другой дипломант в номинации поэзия Мария Андреева из Воскресенска так тонко чувствует слово, так искренна и откровенна, что способна примерить чужую судьбу. Александра Пожарская настолько мускульна, сильна в форме, крупном плане, здорово работает с деталью, создаёт лирический абрис, что сомнений не осталось ни у кого из членов

жюри вот она, Лауреат в поэзии 2010 года.

В прозе VII Межвузовского литературного форума им.Н.С.Гумилёва «Осиянное Слово» звание Лауреата заслужила москвичка Варвара Нафеева. Она уже три года участвует в семинарах прозы и теперь представила отрывок сказочной повести в трёх частях. Сила воображения Варвары окунает читателя в новые миры и держит там до конца книги.

Анастасия Жулькова уверенно смогла продемонстрировать читателю свою сказочную Дубраву, где тени напоминали о лесе из «Ветра в Ивах» Кеннета Грэма. Она стала дипломантом по прозе. Дипломанты III степени запомнились каждый на особый лад. Ника Акеми ярко прописала переходный момент из состояния будничной суеты к сумасшествию. Надежда Щербакова поделилась трудным опытом современной русской деревни, пытаясь сохранить стиль и простоту поместной речи.

Мастера этого года высоко оценили уровень представленных участниками работ, но вакантные места в Союзе писателей Москвы и Международной Организации Русскоязычных Писателей никто не занял.

Подборки ребят вы в ближайшем будущем прочтёте на страницах журнала Юности, Москвы, Форума, Независимой Газеты, газеты «Трудовая доблесть России» и других региональных изданиях.

Одноимённая газета «Осиянное Слово» привлекла внимание многих ещё на открытии в ЦДРИ. Она не только полно освещает мероприятия форума, но и знакомит с достопримечательностями Переделкина, судьбой Н.С.Гумилёва, мнениями членов жюри прошлого форума, работами победителей VI заключительного семинара.

На закрытии в музее В.В.Маяковского говорили много тёплых

слов. В. Дударев предложил создать секцию критики, потому что некому сегодня открыть новых интересных авторов для нашего любимого читателя. На сцене Алексей Шмелёв, Александр Гречин и Лев Усачёв исполнили под конец песенку про форум на мотив Кузнечика, и повеяло грустью расставания.

Спешу приободрить всех, кто любит форум «Осиянное Слово». В 2011 году будет ещё больше встреч и работы. К существующим региональным фестивалям присоединится «Капитан Грей» с Кольского

полуострова, Омск и даже Белград (респ. Сербия) тоже обещают собрать у себя талантливый осиянных словом людей.

Пусть в этом году у вас в памяти останутся не пожары и духота, не балбесы в майках с надписями «Я пережил лето 2010», а скромные, добрые лица молодых писателей. Они выбрали верную дорогу. Дорогу в бессмертную русскую словесность.

Дмитрий Меркушов

Мужик, медведь, лиса и слепень

Задумал как-то раз мужик вырастить картошку, да поля свободного не было. Решил мужик лесок рядом со своим полем повыкорчевать да и посадить картошку там. Пошёл в тот лесок и видит: медведь на него идет. Вправо, влево кинулся мужик — до дома далеко, до людей не добежать, — деваться некуда. А медведь и говорит:

— Худо мне, мужик, есть нечего. А ты же картошку сажать собрался? Дай мне картошечки.

Мужик осмелел и в ответ:

- Собрался сажать, Миша, да поля нет. Повыкорчевать этот лесок надо. Поможешь — поделюсь урожаем.

Медведь стал дергать деревья из земли, как травинки. Смотрел мужик - не нарадовался. Потом ещё лес продал, жене гостинцев привез с ярмарки.

Поле готово, пора картошку сажать. Выехал мужик на поле - видит: лиса бежит. “О!” - думает мужик, - “Жене воротник будет”. А лиса бежит, мужика не видит. Увидела, когда он уже совсем близко был, он ее за шкуру и схватил. Лиса ему

говорит:

— Отпусти меня, мужик. Кому, кроме меня, моих лисиняток кормить? А я тебе картошку посажу и окучу.

— Ну добро. А хорошо сделаешь - урожаем поделюсь.

Отпустил мужик лису, и до того славно она стала работать, что он только диву давался.

Поехал в другой раз мужик на поле: надо было колорадского жука собрать, уж больно он на взошедшем картофеле расплодился. А поле большое, колорадского жука на картошке - что веснушек на носу, мужик и призадумался, на кого бы работы в этот раз свалить, стоит, затылок чешет.

Тут - “вж-ж-ж!” - летел мимо слепень, да, на свою беду, на шею мужику и уселся. Мужик его - хватать! И держит в кулаке. А слепень жужжит, вырывается:

— Отпусти, муж-жик! Что пож-желаешь, всё для тебя сделаю!

— А, ну ладно же, мушье ты отродье. Вон, вишь, на моем поле сколько колорадского жука? Коли соберешь, да до урожая снова не появится - отпущу, да и урожаем

поделюсь.

Обрадовался слепень, полетел на поле, да так отработал, что через час ни одного жука ни на одном листике не осталось.

Время идет, да картофель растет. Пришло время его копать. Тут уж мужик никому не доверил, сам все выкопал и везет домой.

Глядь — медведь. Подходит, здороваётся:

- Знатный урожай, мужик. А мне свою долю бы надобно.

Жалко стало мужику картошки - хоть плачь. Он и говорит:

- Ты-то что, косолапый? Иди своей дорогой, мой урожай не трогай. Кому хочу, тому дарю.

Рассердился медведь и погнался за мужиком. Мужик - бегом от медведя, смотрит — два деревца рядом стоят, между ними проскочил, медведь за ним - да и застрял. А мужик взял веревку и давай те деревца вместе стягивать, душит, значит, медведя. Медведь взмолился:

— Отпусти! Твой урожай, нет в нем моей доли.

Отпустил тогда мужик медведя, едет дальше. И тут, откуда ни возьмись, лиса навстречу:

- Знатный урожай, мужик. А мне свою долю бы надобно. А мужик ей в ответ:

- Ты-то что, рыжая? Иди своей дорогой, мой урожай не трогай. Кому хочу, тому дарю.

И запустил в неё палкой. Перешиб ей ногу, так она на трех ногах в лес и ускакала. Едет мужик дальше. Встречает слепня, тот ту же песню поет:

— 3-знатный урож-жай, муж-жик. А мне свою долю бы надобно.

Ничего не сказал мужик, а просто взял соломинку и воткнул слепню в зад. Так тот и улетел не с той ношей, которую хотел. Встретились в лесу медведь, лиса и слепень, рассказали друг другу, что мужик с ними сделал, и решили между собой:

— Пойдем мужика убивать. Всех разом авось не одолеет. А урожай между собой поделим.

И пошли все к дому мужика. Увидел он их - и не знает, что ему делать. Да потом надумался, схватил в охапку свою жену и повалил, она кричит, а мужик говорит:

— Молчи!

Да всё свое. Задрал ей сарафан и рубаху и поднял ноги кверху, как можно выше. Медведь увидел, что мужик дерёт какую-то бабу, и говорит:

— Не, лиса, вы со слепнем как хотите, а я ни за что не пойду к мужику!

— Отчего?

— Да оттого, посмотри, вишь он опять кого-то душит!

Вот лиса смотрела, смотрела и говорит:

— И точно, твоя правда, в самом деле он кому-то ноги ломает!

А слепень глядел, глядел и себе тоже говорит:

— Совсем не то, — он кому-то соломинку в жопу пихает!

Всякий, знать, свою беду понимает; ну, однако, слепень лучше всех отгадал.

Так и ударились они в лес, а мужик остался при своем урожае.

Наталья Красюкова
«Как дышать»

* * *

И.Т.

Стена, которой комната лепится к коридору, почему-то из прозрачного стекла и с белой деревянной дверью посередине. В цветочных горшках покачиваются рыжие ворсистые стебли, похожие на обрывки бикфордова шнура. Большой зелёный попугай спит в своей клетке вниз головой, ухватившись тонкими розовыми червяками пальцев за перекладину. Я в чём-то бело-фиолетовом и длинном... Приоткрываю дверь... Откуда-то сверху, кажется, от проводки, не менявшейся с 1932 года, капает неясный свет. Тихо. Тишина пахнет старой мебелью и пылью.

Значит, они всё-таки уехали? Не выдержали, бросили всё и уехали... Что ж... На какое-то время я могу позволить себе шаркать, хлопать дверью и разговаривать сама с собой. Выхожу в коридор и с удовольствием от осознания запретного одиночества захлопываю дверь. Глубоко внутри стеклянной стены тонко-тонко звенит серебряный колокольчик, и вся она тут же пускает по себе ветвистые трещины. Раскрытой ладонью левой руки я тянусь к этому невесомому ледяному чуду. От моего прикосновения вся стена водопадом низвергается к моим босым ногам. На ладони проступают сначала нежно-розовые, а потом ярко-красные изумительно ровные линии. Зелёный попугай мечется по клетке, хлопая крыльями и скрипя своим птичьим горлом: «Гарри! Гарри! Гарри!» Ярко-красное капает с ладони всё чаще. Но я не чувствую боли, скорее, какая-то непонятная радость проникает

через порезы внутрь. Вытянув влажную руку, я почти наощупь иду в кухню, потом в ванную, а оттуда через зелёную дверь к соседке, тёте Лиде. Но вместо старушки навстречу мне с щенячьей радостью выбегает Лесли, её внук. У него всё лицо в белой пене, а в руке – бритва.

– У меня – это, – говорю я ему с улыбкой и протягиваю левую руку. Лесли вдруг становится серьёзным и отрывисто лает. В комнату входит кто-то ещё, с перекисью и бинтом. Незнакомец обрабатывает рану и делает перевязку, глядя куда-то сквозь меня. Лица его я почти не вижу, только тёплые руки с длинными пальцами осторожно и бережно касаются моей ладони. Из-за его спины Лесли начинает напевать ирландскую песенку, она становится всё громче, навязчивей и превращается в мелодию телефонного звонка...

– Адель? Я не слишком поздно? Я так боялся, что ты уже спишь... Только въехал в город... Буду ждать тебя внизу.

Я остановился у маленького цветочного магазина со стеклянными стенами, выбрал сначала нежно-розовые, а потом ярко-красные герберы, чуть не прищемил пальцы, проехал на красный свет и встал возле дома с зелёной дверью. На улице пахло старым снегом и сыростью. Пальто усеяли мелкие водяные бусины, переливавшиеся от фиолетового огня фар. – Что это у тебя? – Адель повернула к себе мою перебинтованную руку.

– Порезался... когда полировал лезвие. Это мелочь, Лесли сказал, заживёт, как на собаке. А он редко ошибается. Это тебе.

Я протянул Адель герберы. Она улыбнулась и поцеловала меня в щёку:

– Ты до сих пор это помнишь?

Я усадил Адель в машину, сел сам. По

дороге мы слушали ирландскую песню. Адель закрыла глаза и... проснулась.

Будильник звонил второй раз и показывал тридцать две минуты восьмого. Тётя Лида стирала руками зелёные простыни, выжимала их и подбрасывала к небу, где они рассыпались на десятки горляющих зелёных попугаев. Попугаи улетали, хлопая крыльями, и больше не возвращались. Гарри провожал их взглядом и уходил всё дальше и дальше, чувствуя тепло женской ладони в своей руке.

Варенька

Никто не виноват, что возле горки перегорел фонарь. С фонарями такое часто случается. И не только в долгие зимние каникулы!

Вечером, прихватив санки, мы выбежали во двор и решили идти на горку. Горка была возле школы, в глубоком овраге, который совсем недавно освещался одиноким замёрзшим фонарём. В сумерках мы едва различали друг друга, а уж где там внизу кончалась горка, нам и вовсе не было видно.

Тогда Венька, он был старше нас всех на целый год, скомандовал:

– Будем кататься по одному. А ну, ребята, становись в очередь!

– Чур, я первая! – крикнула Варенька и плюхнулась на санки. – Ну, толкайте меня!

Как и положено, у Вареньки была длиннющая коса, которую она наматывала на шею, как шарф. Пока Варя катилась, набирая скорость, кончик её косы выглянул из-под куртки. Это был очень любопытный кончик! Видимо, происходящее на улице ему жутко понравилось, потому что он вдруг резво выпрыгнул и потащил за собой всю косищу, она стала разматываться, как нитка с катушки, запуталась в санках, и

Варенька полетела в снег.

Венька, стоя у края горки, пытался разглядеть, далеко ли остановились санки и можно ли ехать следующему. О проделках Вариной косы он, конечно, знать не мог. И потому разрешил начинать спуск мне:

– Ну, Стасик, давай!

Не проехав и половины пути, я с разгону врезался в мягкую Варю и тоже свалился с санок.

– Эй, ты чего это?! Больно же! Не видишь что ли, волосы запутались!

– Прости, пожалуйста, я ведь нечаянно...

– Нечаянно... Чего сидишь теперь? Помогай давай... Да не дёргай ты так, говорю же – больно! Ой-ой!

Услышав крики, спустились ребята, и мы все вместе принялись распутывать непослушную косу.

– Ну, вот и всё.

Варенька надулась, села на санки, сняла шапку и стала ощупывать голову. Ох, и влетит мне от мамки, если она нажалуется.

– Что? Болит? – испуганно спросил я у Вари.

– Очень болит! И шишка, кажется, растёт. Вот потрогай! Со всего размаху прям в голову знаешь, как больно!

– В голову? Мне показалось, было что-то мягкое... А может, у тебя это, головотрясение?

– Сотрясение, – поправил умный Венька. – Если сотрясение, то тошнить должно. Мне мама рассказывала, она на скорой помощи работает. Тебя тошнит?

– Не знаю. Не пойму. Тошнит-то, когда поешь, а я давно обедала. Всё уже переварилось.

– Так, ждите меня здесь, я сейчас! – Венька бросил санки и побежал к киоскам.

К слепому фонарю подъехала машина с подъёмником. Длинная железная рука со стаканом, в котором стоял электрик, медленно потянулась вверх.

– Варь, а давай я пока тебе к шишке снег

приложу! Шишки ведь холодом лечат.
– Ну, давай. Только осторожно, болит очень. Я вот так на санки лягу, а ты прикладывай!
Минут через пять прибежал с эклером довольный Венька. Варенька съела пирожное, не вставая с санок.
– Ну как? Тошнит?
– Не знаю... Не пойму никак. Не распробовала. Мало, наверно, съела.
Венька порылся в карманах, наскрёб ещё несколько монет и побежал за второй порцией.
– Ну а теперь-то как? – в один голос спросили мы с Венькой, когда Варенька отправила в рот последний кусочек.
– Да вроде нормально, не тошнит.
Пощёлкав, неожиданно загорелся фонарь.
– Да, совсем не тошнит, – сказала, зевая, Варя и сняла варежки.
– Ой, что это у тебя? Все пальцы синие!
– Это, наверно, началась пневмония и кровь к конечностям не подходит! – забеспокоился Венька. – Вот что, ребята, надо её к врачу. И поскорее!
Мы схватили санки и повезли Вареньку на станцию скорой помощи, где работала Венькина мама.
– Да тише вы, не дрова везёте! Ямы

объезжайте! – командовала Варя.
В белом халате выбежала из кабинета тётя Оля. И мы сразу закричали наперебой:
– Тётя Оля! Тётя Оля! Фонарь там не горел! А коса длинная запуталась!
– И он врезался!
– И теперь от шишки пневмония началась!
– А пирожные не помогают, потому что не тошнит!
Тётя Оля посмотрела на нас так строго, что мы вдруг замолчали.
– Кто больной?
– Варенька.
– Что болит?
– Шишка у неё. И пневмония, – грустно ответил Веня.
Тётя Оля ощупала мокрую от растаявшего снега Варину голову. Потом послушала её спину и грудь.
– Шишки никакой нет. Хрипов тоже нет. С чего вы взяли, что у неё пневмония?
– Да вы на руки её посмотрите синие, у неё же кровь не приливает.
– Что у тебя с руками?
Варя обвела нас взглядом, густо покраснела и прошептала:
– Рукавички новые, красятся.

Нина Ягодинцева

Стояла ночь – зелёная вода...

* * *

Стояла ночь – зелёная вода.
Я слушала невнятный шёпот крови.
И неотступно, словно невода,
Метанье звёзд преследовали кроны.

Я распахнула в глубину окно:
Струилась кровь, и речь её звучала,

Как будто бы стекавшая на дно,
В магическое, зыбкое начало.

Я знаю всё, что я хочу сказать.
Но речь её была такая мука,
Что никакою силой не связать
Могучий ток неведомого звука.

* * *

От приобоя тьмы до её истока
Лишь одна звезда – низко и далёко.

Горькое тепло опалает губы.
Зеркало твердит: на тебе лица нет...
Тишина черна, словно плащ Гекубы –
Но одна звезда вдалеке мерцает.

Нежная сестра, ясная лампада,
Розовый огонь радости вечерней!
Лишь бы ты была, лишь бы не пропала
В пепле и золе мировых кочевий!

Страх преодолев, прыгнуть на колени,
Ветви протянуть и расправить листья,
Корни ощутить, а через мгновенье
Ветер налетит – всласть наговоримся.

* * *

Александр Конопелькину

Окарина окраины, скука
Долгих жалоб на бедность и страх...
Но едва безысходная мука
Умолкает в неловких руках,

Серебро покрывается чернью
И губительной зеленью – медь...
Только в утлом своём заточенье
Тёплый воздух пытается петь

И однажды из слабого праха
Выдыхает себя невзначай...
Остальное – печаль и неправда:
И неправда, а всё же печаль.

* * *

Вспомнил – и промолчи,
Вздрогнул – и успокойся.
Ангелы на покосе
Точат свои лучи.

Искрами бьёт по коже
Их незнакомый смех:
Гости-то не из тех
Мест – из других, похоже...

Песенок не поют,
Мёда на хлеб не мажут.
Лезвия отобьют –
То-то травы поляжет!

* * *

В смертельный провал, где чёрные единороги
Смеются и говорят человеческим языком,
Из тех, кто живёт, заглядывали немногие,
Но память их будет крепко спать под замком.
Мне довелось, в спутники взяв Морфея,
Пройти по глинистой осыпи над водой
Достаточно высоко, но ветер повеял
Озоном, жертвенной кровью, вечной бедой.
Они говорили о чём-то почти понятном,
Их речь не имела смысла, но чернота
Всходила из рыжей воды, как смертные пятна.
Морфей держал меня за руку и читал
Древнее заклинание тьмы и света,
Опору дающее в воздухе для стопы.
Потом он сказал: "Но лучше забыть об этом."
Потом он вернул меня в дом и прикрикнул: "Спи!"
В соседних домах ещё не светились окна.
Воскресное утро тянулось издалека
Медлительным караваном снегов. И только
Наивная память обратно меня влекла:
Так няньку за руку тянет дитя, не зная,
Что дымная прорубь из яви в бездонный сон –
Сквозная дыра во времени. Боль сквозная.
И кто забывает об этом – уже спасён.

* * *

Владимир. Снег. Пожаром памяти
Весь горизонт заволокло.
Одна метель стоит на паперти
И застит рукавом чело.

И только облачко дыхания
Трепещет тайно возле уст...
Прости меня, не обрекай меня
На адский пламень русских чувств!

Одна мерцающая свечечка,
Ладонской скрытая, спасёт
От наплывающего вечера,
От страшной памяти высот.

Один твой взгляд, меня жалеющий
И обвиняющий стократ,
Один вопрос немой: а где ж ещё
До бела снега догорать,

Как не в России, во Владимире,
Где ты несёшь домой свечу,
А я шепчу: "Прости, прости меня" –
Но быть прощённой не хочу.

* * *

Останься – ведь любишь, останься хоть жилкой
Запястья, ручья, – прорасти камышинкой,
Поймай переливчатый воздух весны
На острую вспышку небесной блесны!

Останься, не мучай. Молчаньем, украдкой,
Разжатой ладонью, растрёпанной пряжкой,
Тетрадкой – раскрытой, чтоб вырвать листок...
Хотя бы дословно. Хотя бы меж строк.

И даже не трепетом воздуха – крыльях
И так осыпаются радужной пылью –
А просто пробелом, горящим мостом
Для тех, кто на этом краю – и на том...

* * *

Сквозная память, тайная беда,
Извечное кочевье в никуда...

Бессонницы зелёная звезда
Бессмысленно горит в пустых осинах,
И низко-низко виснут провода
Под тяжестью вестей невыразимых:

И острый скрип несмазанных колёс,
И полуптичьи окрики возникших,
И сладковатый вкус кровавых слёз,
Из ниоткуда памяти возникших,

И слабый крик младенца, и плащи,
Трепещущие рваными краями,
Безмолвно раздувающие пламя
Нощи...

Ты знаешь всё. Раскрыты небеса,
Как том стихов, и смятые страницы
Сияют так, что прочитать нельзя,
И силятся вздохнуть и распрямиться.

* * *

Непогода пришла как отряд батьки Махно:
Гогоча, из горла прихлёбывая, прикладом стуча в окно,
Выгребая запасы осенние из подвалов и с чердаков...
Да не бойсь, чего там – ноябрь всегда таков.

Если воля и холод сойдутся – родится смерть.
Ничком на овчинку неба падает степь,
Серая, буранная пустота,
Но сердце уже не обманешь – родная, та,

Где не за что ухватиться душе слепой,
Где – если заплачешь, в сердцах оборвут: не пой!
А замёрзнешь, тряхнут за шиворот: встань!
Россия моя, Россия, свиданье тайн

Непостижимых! Когда по снежной стерне
Ведут, матерясь, к обрыву или к стене,
На сквозном перекрёстке иных дорог
Свернут напоследок сигарку: курни, браток...

И ты вдыхаешь дымок и не помнишь зла.
О жизни ли горевать, если всё – зола?
О смерти ли, если даже махра – сыра?
Крайнему: докурите, а мне – пора.

* * *

Безобразно надорван конверт.
Занимаются пламенем строки,
Поднимаются вверх
Вихревые потоки –

Как читает огонь! Никому
Не дано восхищенья такого:
Прожигая привычную тьму,
Рассыпая на искорки слово.

И мгновенно сминая листы –
Непрочтённого в них не осталось –
Обрывается вдруг с высоты
Вниз, в золу, в пустоту и усталость...

Ты же знаешь, слова не горят:
Тот, кто верно за ними угадан,
Выпускает их в маленький сад,
На цветы – к мотылькам и цикадам.

* * *

Смотрите, спящие, смотрите же,
Как звон гуляет в граде Китеже,
Расшатывая окоём
В смятенье яростном своём!

Смотрите, если вы не слышите,
Как волны, молниями вышиты,
Идут и падают внахлёт
На берег, полный сбитых звёзд!

Звон поднимая до Всевышнего,
Беззвучно ратую: услышь его! –
К востоку обратясь лицом,
Звонарь раскачивает сон.

А наяву гуляют ордами,
Глумясь над спящими и мёртвыми,
И голь не срам, и стыд не дым,
И веки тяжки – неподым...

* * *

Музыка моя, Иремель тоски,
Кисловатая карамель высот,
Даже если гибель и не спасти –
Всё равно спасёт.

Даже если смотришь издалека.
Даже если просто помнишь – и всё,
Будет рядом музыка и тоска,
И спасёт.

Ах, сметало ж небо к зиме стога
Для спасенья наших голодных душ –
Иремель, Зюраткуль да Зигальга,
Таганай, Нургуш...

Караваны лет, череда веков,
Гиблой юности золотая скань –
Всё к ногам твоим! Чтобы встать легко,
Если скажешь «Встань!»

Обжигая губы об имена,
Не позаришься на чужую ложь.
Три глотка спасительных: «Ро-ди-на» –
И опять живёшь.

* * *

Холодно сердцу, не видно ни зги.
Жизнь воробьиного пёрышка легче.
Кто-то несёт по дороге навстречу
Белый светильник январской пурги.

Оберегая неровный огонь,
Вьются и стелятся тонкие ткани,
То приникая к мерцающей тайне,
То разлетаясь неровной дугой.

И замечают невидимый след,
И обнимают, и прячут в пелёны

Тьмою немислимой усыновлённый
Свет одинокий, покинутый свет...

* * *

И всё равно меня влечёт
В жестокий мир, под низкий кров,
Пока испуганный сверчок
Поёт любимую, без слов.

Кто одарил тебя? О чём
Он размышляет над строфой,
Вздыхая, словно огорчён,
И повторяя: «просто – пой...»

Из всех пронзительных утех,
Во всей томительной тщете –
Простая песенка для тех,
Кто умирает в темноте.

Сквозь ледяную скань зимы
Как мы идём на этот зов,
Необъяснимо спасены
Наивной песенкой без слов!

Как будто пить небесный мёд
Счастливо шествуем тропой
Прозрачных полуночных нот,
Легко затверженных тобой.

Татьяна Кондратова

* * *

Здесь не бывает надгробий,
И эпитафий здесь нет.
Лишь ветер воет утробно,
Живой заметая след.
Остались одни кресты,
Ведь старых всех – в монастырь!

Кладбище бывших любимых,
Кладбище старых жен...
Этой нелепой картиной
Будешь ли ты поражен?
Ведь правила жизни просты:
Все старое – в монастырь!

И справедливы законы:
Жизнь должна побеждать!
Благослови ж покорно
Землю, что будет рожать.
А горшки от цветов? Пусты!
Куда ж нас теперь? В монастырь?

Типа драма

Шел человек по гулкому лесу.
Осенью поздней сыро и холодно.
Шел просто так – никаких интересов:
Он не лесник и не охотник.

Он городской вообще-то житель:
Он писатель и пишет повесть.
Его любят свои, бранят чужие,
Но с ним его голос, Слово и совесть.

В голых кустах слышит слабые звуки...
Ягненок? В лесу как дитя оказалось?

Будто принес кто на жертву, на муки,
Но приношение не состоялось.

А может, просто отбился от стада,
Когда собаки гоняли чужие...
Да, подойти, конечно же, надо,
Но бесполезно: такому не выжить.

В сильных руках слабое тело.
Сильные руки способны на чудо.
Время короткое – две недели –
Но ясно теперь уже: жить-то он будет!

Еще зеленой трава остается,
Хоть морозом слегка прихвачена...
Молоко в деревне, вода в колодце,
За дачу до снега заплачено...

Божья тварь, а не так одиноко...
Надо ж, приятно: о ком-то заботиться...
И повесть течет рекою широкой,
Вольно, безбрежно и бесповоротно.

Но скоро в город... Его – куда же!?
Отдать в деревню – зарежут точно...
Но, если зарежут, чего откладывать?...
К отъезду всё это и приурочить...

Какие ж тут сопли? В деревне крестьяне
Скотину режут испокон веков.
И человек скотине – хозяин.
И надо взять нож сильной рукой.

Ребра можно бросить собаке.
Ливер – отдать хромоногой кошке.
И на холодец, наверное, хватит -
Соседке-старухе, что беззубо смеется...

Думаешь, аллегория? Нет, то судьба
В кости с нами слепо играет.
Но если охотник желает знать,
Фазан тогда тоже знать желает...
Поэтому все-таки я сейчас,
Прости, но должна спросить...
Скажи, зачем ты тогда меня спас,
Чтобы теперь убить?

* * *

И на солнце бывают пятна,
И на солнце бывают вспышки.
Говорят, это неприятно,
Говорят, даже неприлично.
Говорят, свет от вспышек не греет –
Оставляет ожоги на коже.
Чуешь вспышку – прячься скорее.
Только кто ж угадать её может?

Солнце – это ведь не рефлектор:
Здесь тепла на планету хватит.
Что же вы его в угол тесный,
Как домашний обогреватель?!

Перед ним удобно, конечно,
Выставлять для просушки обувь.
Или просто включать под вечер,
Чтоб погреть озябшие ноги.

И ругаться на солнце удобно:
Что всё лето жарит и жарит!
Выражаться можно свободно –
Ведь не спорит же, не возражает.

Только солнце ли виновато,
Что одежда твоя полиняла,
Что пожухла на грядке рассада,
Что дорога пустынной стала?

Говорят, если вспышки часты,
То малина крупной бывает...
Ты ж бубнишь мне: к несчастью,
к несчастью...
Это к счастью! – я точно знаю.

И под жаркими солнца лучами
Свою душу седую согрею,
Искупаюсь в его молчанье
И от света его опьянею.

* * *

Твои маршруты, мои горизонты
(мои юг и север – в пределах города)
не совпадают в пространстве ломком:
ты сейчас – где тепло, я всегда – где
холодно.

И мы не совпали даже в возрасте -
Такое досадное несовпадение!
Ты вечный мальчишка – я с детства
взрослая.
Так шутит над нами бездушное время.

Твои поезда, вокзалы, станции...
Мы же не верим в случайные встречи?
И крохами счастья в судьбе останутся
Вечер, и день, и ещё один вечер.
И ты опять по маршруту тронешься
И Черное море сменишь на Белое.
Я тоже тронусь, но от бессонницы.
С ней ничего не могу поделать я!

Лежу и мечтаю: взбежали бы круто
К твоим горизонтам мои маршруты...

* * *

Хочу начать всё с чистого листа.
Его ещё не тронули чернила.
Поверь: я и полей не проводила,
Моя бумага девственно чиста.
Давай начнем всё с чистого листа?

Дорожки, что затоптаны давно,
Вскопаю и посею в землю злаки.
Я передвину будку для собаки:
Ей лучше ближе к дому, под окно.
Откуда взялся этот странный гость,

Лохматый, грязный, очень дружелюбный? Бумага, как весенний цвет, бела.
Хоть и с корыстью, но меня он любит: Прости меня за всё – я начинаюсь нынче.
Хвостом виляет, если брошу кость. Я начинаюсь с чистого листа.
Я брошу кость. Заброшу все дела.
Ты отыскать сумеешь пять отличий?
Забудь про черновик. Я начинаюсь нынче.

Сергей Аксёнов

Да, я был человеком. Да, смирился со СЛОВОМ «БЫЛ»...

Für Elli

Да, я был человеком. Да, смирился со словом «был».
И пора бы забыть. Ведь и внешне, и внутренне я – машина.
На спине под лопаткой штамповано: «Stainless steel».
Очередная наукой достигнутая вершина:
Частота моего ЦПУ измеряется в гигагерцах.
Только сердца нет – не предусмотрена установка сердца.
Я старался не допускать себя до людей!
Мне хотелось бежать и пропасть в городских промзонах,
Там, где в каменной сельве кислотный сезон дождей,
Там, где люди ходят, закрывшись в комбинезонах;
Уставать до предела, чтоб чувствовать мир живее.
Я искал в себе сердце, усердно работая и – ржавея.
Но очнулся, однажды услышав приятный тембр.
И изысканным бархатом низкой своей октавы
Ты негромко сказала: «Я смажу твои суставы».
Ты сказала: «Я выучу твой ассемблер».
Я впивался во фразы, до каждого слова жадный!..
Так я сдвинулся с места. Так ты сделалась Ариадной.
И мне кажется, будто я где то читал всю повесть
И заранее знаю, о чём будет следующий абзац.
Вестибюль. Турникет. Изумрудная ветка. Поезд.
Он умчит тебя снова в твой сказочный штат Канзас.
А пока мы идём, поднимая частицы дорожной пыли,
Во владения Гудвина, каждый – к заветной цели.
Я с волнением смотрю, как тугой горизонт протыкают шпили,
Что на башнях дворца...
– Мне не нужен волшебник, Элли!
Звук шагов твоих стал мне за это время роднее пульса!
Я ведь был человеком... и, кажется, я вернулся.

Я не верю, ни капли не верю в тебя, волшебник.
Но иду вслед за ней, топором ощущая металл плеча,
Каждым шагом тяжёлым брусчатку дробя до щебня,
По Дороге из жёлтого кирпича.

25 апреля 2008 г.

Скульптор

Чёрный район Детройта. Заводы. Дно.
Ночь золотыми фишками так расшваркивалась,
Будто бы днём обчистила казино.
Приостановлен конвейер. Застыл станок.
В гулком цеху одинокая сварка велась.
Под потолком в зарешёченное окно
Льёт через марлю смога луна неоновая
С вывеской забегаловки заодно.
В сварочной чёрной маске, презрев канон,
Сам постигаю искусство пигмалионово я.
В пламени ацетилена сгорает мгла.
Но, незабудку горелки своей прищуривая,
Образ твой вижу. В округлостях и углах
Снова теряю и остервенело ищу его я.
Кровоподтёк? раскалённый металл? слеза?
Глядя в твои неоконченные глаза,
Газом целую уста твои ускользящие.
Скоро родишься...
«Нет, рано! – кричу. – Нельзя ещё ей!»
И принимаюсь по новой тебя терзать.

10 августа 2009 г.

Самая длинная ночь в году

Брызнет молния; сразу же гром шарахнет.
Атмосфера вдохнёт аромат разряда.
Над тобою встанет в полный рост арахна,
Её жвала грозят смертоносным ядом.
Её сети грозят безысходным пленом,
Не садком, а слепым промысловым тралом.
Среди ночи, укутавшись жарким пледом,
Ты проснёшься – но будешь уже отравлен.
Ты почувствуешь, как оживает небыль,
А за шторами тёмный хвостатый кокон

С шелестящим шипением взмлет в небо,
Отражаясь в витринах балконных окон.
Ты почувствуешь холод; ладони клейко
Прирастут к подоконнику – не отнимешь.
А искрящийся кокон дымится шлейфом,
Неизвестными силами вверх гонимый.
И взрывается, грохотом свет озвучив,
И – сгорает, и корчится от агоний...
И, качаясь, плывёт силуэт паучий –
Первый залп артиллерии новогодней.

24 августа 2009 г.

1:1

Ты не станешь меня глазами сверлить и пялиться –
Ты ж не выдержишь, быстро исчерпав лимит стыда.
Нет, ты вмажешь по мне наотмашь булатной палицей,
Всей громадиной взгляда вложившись в один удар.
Я, как пыльный мешок, лечу, кувыряясь с лестницы,
Выбью дверь, опрокину сервант, разнесу стекло.
В голове хороводик ма-аленьких полумесяцев,
И от них – представляешь? – так делается светло!
Я встаю (тут меня нехило начнёт пошатывать),
Излучая флюиды божественного тепла.
Есть такой агрегат – душа; а нужна душа то ведь
Для того, чтоб в любом катаклизме была цела.
Пусть из глаз вперемешку сыплются звёзды с искрами,
У меня есть в запасе сюрприз для тебя – смотри!
...И швыряю в тебя холодильник – с любовью, искренне.
Он холодный, но в нём тоже светится изнутри.

Лучник

Солнце себе забирает янтарный цвет
У умирающих листьев, у стеблей луга.
Я тебя успокаивал перед разлукой:
«Милая, я – чемпион по стрельбе из лука».
А оказалось, что дело не в тетиве.
Мне разрешили подумывать о тебе.
(Мы-то считали, что здесь даже с этим строго.)
Помню, как ты собирала меня в дорогу:
«В нём тетива из гривы единорога».
Но оказалось – дело не в тетиве.

Стрелы опять исчезают на полпути,
Ржавчина ест наконечник, термиты – древко.
Чёрт бы побрал эту мёртвую, злую реку –
Ни перекрыть её, ни перекрикнуть, ни перейти.
Больше не греет ладони упругий тис.
Слово здесь недозвучит, начинаясь с пере-
Разве что к берегу стайки совиных перьев
Из оперения стрел пригоняет Стикс.

12 октября 2009 г.

Без слов

Снежинки ложатся на виражи,
Не бегают, не снуют.
Позёмка, позёвывая, кружит.
Спокойствие и уют.
На обуви вылепил первый снег
Пудовые якоря.
Волочим конечности, как во сне,
Ни слова не говоря.
По-детски застенчиво осмелев,
Целуют тебя в лицо
Посланцы заснеженных королев
Пушинками леденцов.
На сладкое нынче мороз не скуп –
Три облака ссыпал вниз!
А ты – поведи уголками губ
И... лакомо облизнись.
На небе горит, рыжиной слепя,
Варёная курага.
С тобой мне не стыдно впустить в себя
Беспечного дурака.
И я от тебя отстаю на шаг,
Зачерпывая рукой
Нетронутый, девственный снежный шарм,
Торжественность и покой;
Как питчер, размахиваюсь, и – в бой,
Вращающийся снаряд!
Предательски, в спину; само собой,
Ни слова не говоря!
Как только проходит секундный шок,
Ты мне, театрально злясь,
В ответ посылаешь тугой снежок –
И, стало быть, понеслась!

Летит прохладительная труха
За шиворот, в рукава –
Вытряхивать некогда впопыхах.
Ни сло... Да к чему слова!
Хватаю за плечи тебя, влеку
К сугробу снеговика.
Могу я тебя извалить в снегу?
Могу, ещё как могу!..
А после, отряхивая пальто,
Улыбку всему даря,
Идём и хватаем снежинки ртом,
Ни слова не говоря.
И ангелы шепчутся втихаря
В заоблачных сухарях...
А вы просто слушайте звукоряд –
.....

30 октября 2009 г.

Феерия

Чудес не бывает – спросите об этом
Придворного химика.
Аптекарьски точно отмерив кристаллы
На старых весах,
Он вам не ответит – он верен обету
Молчанья. Но мимика
Нет-нет, да проступит улыбкой усталой
В пушистых усах.
Стреляя в бездонную тьму порошками
Селитры и окиси,
Дарить горожанам восторг, по бенгальски
Зажечь небеса.
Чудес не бывает. Но что нам мешает
Показывать фокусы?
А город смотрел, поражался, пугался,
Шептал: «Чудеса...»

Павел Быков

Чёрно-белые

* * *

*Здравствуй, осень, — нотный гроб,
Желтый дом моей печали.*

Л.Губанов

Щедрость – примета осени. –
Платит, не зная цен.
Выглядит так причесанно
Сыгранность нами сцен.
Новый сюжет написан,
Только осталось сыграть.
Серость бездонных высей –
Сердцу тяжелая кладь.
Осень – примета болезни.
Лужи – промокших ног.
Телу в тепле полезнее. –
Я взаперти не смог!
Вновь под дождем гуляю
И, в замешательстве встреч,
Радуюсь громкому лаю. –
Звуки кому-то, мне – речь!
Желтые стены парков
Лупятся от воды.
Цветом крепкой заварки
Ржавы дорог холсты.
С плеч у деревьев слетают
Стаи листвы, как шелка. –
Легкая тайна Китая-
Города ждет в двух шагах.
Осень всё ближе с годами. –
Всё непонятней зима.
Сны о Прекрасной Даме –
Горе мое от ума!
Осень, за счастье заплатишь? –
Буду до гроба в долгу!
Сердцем, распахнутый настежь,
Молча Одну берегу!

Салонам

Павлу Зябликову

Разбивались души в песнях,
Но плевали на осколки!
Липкий мед лизать полезней?
Сколько длиться сладость? Сколько?!
Остроту стекла лизнули б? –
Мы проверили б на честность!
Все слова летят, как пули,
Освящая вкусом пресность!
Пережной немых нарывов –
Только в нем причина роста!
Некрасиво?
Некрасиво! –
Лучше праздничные тосты!
Душ чернеющую заперть
Звон немислимый разденет.
Не пора ли всем на паперть? –
Кинут рифмы вместо денег!
Не дыханье – выдох пара!
Повторенье – мать молчанья.
Это ведь, увы, не старость –
Косность, вечность состоянья.
Отвыкайте! Ложкой дегтя
В каждом сердце верно встанем.
Обнажают чувства когти,
Если против шерсти раны.
Когда даром в сети пойман,
То не требуешь халявы!
Мы с тобой одной обоймы.
Мне – ласкать, тебе – карябать!
Кто-то скорчится в обиде.
Кто-то будет потревожен,

А внимательный увидит,
Как цветет душа под кожей!

Карточный домик

Карточный домик дурацких надежд,
Как до сих пор ты в ненастьи не сломан?
Ветер по центру уже пробил брешь,
Тронет еще — и надежды без дома.

Хочется верить опять в чудеса. —
Дом будет крепнуть в любой непогоде,
И вместе с ним буду крепнуть я сам,
Жаль, что чудес не бывает в природе.

Крепнут удары забот и обид,
Я же в ответ надрываюсь упрямо,
Делать пытаюсь бесчувственный вид,
Что безболезненно встречены ямы.

Делаю вид, только верю с трудом.
Детство уходит с потерей веры.
Ниже становится карточный дом.
Почва наивных восторгов просела.

Слишком понятны поступки и дни.
Больше загадок, увы, не осталось.
Сердце печалью до дна наводнив,
Голос весны рассказал мне усталость.

* * *

Ты уезжаешь. Уехать бы тоже!
Может на месяц, а может надолго.
Я, как змея, всей поверхностью кожи
Чувствую, мир сам собою оболган.
Рвется наружу душа-истеричка. —
Ей, как и мне, очень хочется драться!
Самая страшная в мире привычка. —
Люди привыкли друг с другом прощаться.
Кто-то всегда у меня отбирает
Тех, к кому мне захотелось стремиться.
То приближает, то носит вдоль края. —
Древние страхи не знают границы!

Щедрый, зачем научил меня думать? —
Мне надоела бессонница мыслей!
От головы, переполненной шумом,
Враз выручает петля или выстрел...
Улицы сердца заплеваны лестью. —
Каждый из нас подавился обманом.
Ты уезжаешь... Уехать бы вместе
К синим морщинам отца-океана!

* * *

Александру Дубинину

Штормило ночь. Корабль октября
Бросало в дождь по прихоти ребенка.
И небо было чёрною воронкой. —
Оно творило девственный обряд.
Кусались капли, ветер рвался в кожу. —
Он принял нас с тобой за рулевых
И в печи остывающей листвы
Поставил чувства глиною на обжиг.
Сошли с ума, кто знал на берегу,
Что наш корабль судно сумасшедших,
И в их сердца — зияющие бреши
Летел испугом окаянный гул.
А мы, построив палубу из слов,
Вдвоем смеялись, и смеялся ветер,
И ищущим вопросы на планете
Мы выдавали прочное весло.
В крови кипели крики парижан,
И гулко бился танец краснокожих.
Мы ждали нового и в этом были схожи,
В ладонях взглядов прошлое держа.

* * *

Дж.Д.Моррисону

Ящик Пандоры ответных реакций
На захватившее в сети движенье.
Я не пытаюсь им сопротивляться
И превращаюсь в огонь раздраженья.
В мыслях заметные днем перемены
Мне неприятны и остро пугают.

Если разрушены тонкие стены,
 То еще дальше отброшен от рая.
 Но в беспощадность, бессмысленность
 бунта
 Тянет упрямо непрочное тело.
 Ночь показалась уютною юртой. —
 Кровь кочевая восстала, запела!
 Вкусно тогда, когда разное и разом.
 Хочется очень попробовать много.
 Но выбирая безмерность экстаза,
 Я за пределом дозволенным Богом.
 Я — разрушитель, но как исцелиться? —
 Глядя в звериное небо желаний,
 Мне постоянно быть хочется птицей,
 Преодолевшей запретные грани!

* * *

Солнечным утром
 Черным опричником,
 Ёжась с похмелья, шагаю вперед.
 Мне не бывать в этой жизни отличником.
 —
 Каждые сутки несданный зачет.
 Смутные дни уже в сердце замешаны. —
 Только б хватило силёнок пожить!
 Мимо проходят любимые женщины
 На незнакомые мне этажи.
 Осень тогда, когда грусть одинока.
 Май или август в том разницы нет.
 Мысли делами не платят оброка,
 Чувства с годами поднялись в цене.
 Друг мой построил себе преисподню.
 Враг мой устал постоянно играть.
 Я обернулся и понял сегодня
 То, что увидеть не вышло вчера. —
 Дорого то, что уже не вернется. —
 Прежнюю веру не повторить!
 Пальцы любимые выберут кольца
 Тех, кто легко обещает дары.
 В линиях жизни таятся пробелы.
 Слухи о близком — цитаты из книг.
 Две половины являются целым,
 Если к свободе еще не привык!

Восьмая беда

Самолетиком бумажным
 Отпусти меня из рук,
 Ведь теперь уже неважно,
 Что тебя любил. — Люблю.
 И совсем неинтересно,
 Что душа моя — поэт.
 Продается жизнь за песню.
 На семь бед она — ответ!
 Я хотел найти с тобою
 Берег снов длиною в день,
 Где у музыки приборя
 Настроение — сирень.
 Я хотел все делать вместе.
 Вместе слушать голоса.
 А теперь за снежной песней
 Не видны твои глаза.
 Страсти встреч недолговечны,
 А за ними пот и кровь,
 Где теряют человечность
 Те, кто верили в любовь,
 Где мы стали друг для друга
 В киселе седьмой водой.
 И в сердечную фрамугу
 Ветер бьет восьмой бедой.

* * *

М. Волошину

Пришла ко мне, как к берегу волна.
 Пусть делят прах поэтов крысоловы.
 Пусть время наше вышло безголовым.
 Но земли также вытканы из льна.
 И радуга приходит за дождем. —
 Планеты план без нового потопа.
 К горам ведут неузнанные тропы. —
 Идти к вершинам. — С этим и живем.
 Сухая степь черствеет без воды.
 Сухое сердце возвращает эго.
 Кто был один, тот от судьбы не бегал,
 А счастье — судьбоносные плоды.
 Я уходил от множества имен
 И каждодневно ставил многоточья.

Я был собой с собою только ночью
И знал, что утром пропадаю в сон.
Все точки ждут. Кто сможет предложить?
Прямая речь должна быть интересной.
Но к потолку достроив сотню лестниц,
Я понимал, что ниже этажи.
Теперь вдвоем не знаем новых форм. –
Где новый век – там новые пророки.
Искусство завтра с древности, как
джокер.
Гадаем вместе черноморский шторм.
Пришла ко мне, как к берегу волна...

* * *

Не бойся за меня. – Метели
В ненастный час уберегут.
Сегодня небеса сумели
Устроить хлопковый салют,
И тонкотканым одеялом
Укрыть остывшие сердца.
Нас снежность ночи удивляла,
Что ей нет края и конца.
Мы замерзали, но смотрели,
Как звезды превращались в снег.
Размыто фонари горели,
Шел мимо грустный человек.
Но мы его не замечали,
В глубинность неба спрятав взгляд.
И если ночь вернуть в начало –
Пусть снова кружит снегопад.
Безвременье нас затаило
В февральской белой тишине.
Так было с кем-то, уже было...
Во сне, по-моему, во сне...

* * *

Я сны из слов нарисовал,
Где снег на обнаженном теле,
Тебя лаская, танцевал,
Где танец я назвал метелью.
Бог спрятал в женской наготе
Ключи от всех своих секретов.

Мне грустно только лишь за тех,
Кто не был никогда раздетым!
Все краски в снах соединив,
Я стал наследником Ван Гога,
И ты была в руках волны
Единственной тайной Бога.
Шел снег сквозь жаркие лучи,
Зима перемешалась с летом.
Я смехом плакать научил
Мгновенно многогранность цвета.
Я снегом стал и стал волной,
Поверив в искренность изгибов.
Где ты одна. – Где ты со мной.
Непостижима и красива.

* * *

Роняю яблоком свой лоб
В твои ладони.
Среди завистливых утроб
Мы – те, кто помним
Друг друга в частые часы,
Когда не вместе.
В босое время быть босым. –
Всё честь по чести!
Всё так как надо. А кому
Мне не известно.
Но без тебя минуты жмут
На горло песни.
И только мыслью о тебе
Согрет в разлуках. –
Разлуки надо дотерпеть,
Такая штука.
Ведь ожидаемой зимой
Ты будешь рядом.
Ты будешь ждать меня домой
За снегопадом.

Иван Купреянов

Подводные течения влекут тепло из океанов в океаны...

Подводные течения влекут
тепло из океанов в океаны.
китов, планктон, подлодки, пузырьки,
телеэкраны,
небольшие страны.
Меня.
и позитивный новый март.
и мимо губ подкрашенные губы.
несвоевременное «кофейку бы...»
И радость, что пока мы далеки,
на расстоянии протянутых желаний –
протянутой руки.
подводные течения влекут.
такая жизнь, такие повороты.
и между нами ничего не будет, что ты...

* * *

и дождь приходит –
и дождь пройдёт.
и жизнь закрутится –
и пойдёт.
такая жизнь –
что не дать,
не взять.
и вот тебя называют – зять.
и вот тебе
скоро сорок лет –
и вот тебя
уж почти и нет.
и жизнь приходит –
и жизнь идёт.
и дождь – когда-нибудь,
да пройдёт.

* * *

скоро осень. мило и светло.
ты вернешься. но совсем не скоро.
самолет ложится на крыло,
зачерпнув гудящего простора.

и тебя уже не удержать,
просто взяв покрепче за предплечья...
две минуты, три, четыре, пять...
теплое, живое, человечесьё...

* * *

Весла карябают гладкую тихую воду.
Вот и мирись с жестяным протекающим днищем.
Сумка, собака, ружье устаревшей породы:
Все мы по жизни чего-нибудь дельного ищем.

Мимо неспешно проходят деревья-скитальцы.
Прямо из лодки черпаю проникшую реку,
Мерзнут пропахшие куревом мягкие пальцы,
В общем-то, пальцы другого совсем человека.

Если б его спросили, он бы ответил,
Кто он, откуда, какая по силам ноша...
Воздух прозрачен, чист. Я прозрачен, светел.
Бросил курить. И тебя обязательно брошу.

* * *

Прибрежные льдины и камни прибрежные – в прошлом.
И ты обгоняешь людей и уходишь вперёд.
Вперёд прорубаешься в душном, бездушном и пошлом,
Не дожидаясь, пока совсем разотрёт.

И ты оставляешь, мои города оставляешь,
Мои города – на меня, на мои города.
И ты понимаешь: последнее, что понимаешь –
Большая вода. Впереди – большая вода.

Ника Акеми

Проснулся Семён от яркого солнца. Поразило его, что солнце может так греть лицо и пробиваться через веки, чтоб ничего не просить, не забирать, а просто так, погреть и порадовать...

И тут Семён сделал то, чего не делал очень и очень давно, — он попытался улыбнуться. Сначала неуверенно, потом настойчиво он растягивал губы, морщил нос. Рот его приоткрылся, показывая желтые зубы, и Семён хихикнул.

Семён Алексеевич жил обычной жизнью. Уже почти полвека он работал бухгалтером на никому не нужном заводе. Чем жил завод, — Семён Алексеевич не знал. Да и зачем это было нужно? Люди всегда получали зарплату.

Каждый день седой бухгалтер забирал с проходной табельные списки и шел к себе. Кабинет походил на нору. Кислый запах пыли мешался с резким смрадом дешевого табака. Вечная духота намертво выелась в стены. Окна не было. На его месте прочно, раскинувшись от стены до стены, стоял шкаф.

Семён Алексеевич садился за шершавый стол и закуривал «Приму». Глаза его, бесцветно-голубые, в складках век, глядели на редких посетителей устало и пронзительно.

Выходные Семён проводил с телевизором и водкой. Денег ему хватало. Жену отпели пять лет назад, детей не нажил...

Он пьяный бродил по маленькой квартире, пошатываясь и опустив покатые плечи. Иногда задевал потёртыми тапочками лохматые углы линолеума

или ковра. Он ничего не выбрасывал из квартиры, вещи давно прижились на своих местах...

Семён хихикнул. Он, не переставая улыбаться, потер лицо, потрогал новые морщины, обозначившиеся из-за улыбки и растянул рот еще шире. Треснула нижняя губа, сухая и шершавая как старая бумага. Семён удивлённо потрогал губу тёмным жёстким пальцем, стал рассматривать капельку крови и слизнул её. Слабо солёный привкус напомнил ему вкус сёмги. Это открытие так обрадовало его, что он рассмеялся хриплым, кашляющим смехом. Семён втянул губу внутрь и стал её посасывать. «Как необычно,» — думал старик: «Уважаемый член профсоюза, а веду себя как дитя». Тут он снова зашёлся сухим отрывистым смехом-кашлем.

В то утро Семён Алексеевич первый раз опоздал на работу. Он с улыбкой смотрел на себя в зеркало, пытаясь не веселиться, заклеивал губу жёлтым пластырем. Бухгалтер шел к заводу, разглядывал небо, прохожих, лица, цветные вывески... Не улыбаться он не мог. Словно за ночь Семён разучился серьёзности, а лицо не помнило никакого выражения кроме улыбки.

На проходной Семён растянул рот от уха до уха, глянув на вечно мрачного сторожа, а в коридоре рассмеялся, увидев двух секретарш, увлечённо примеряющих туфли друг друга. Его смех-лай напугал их, часто-часто моргая, они замолчали так резко, словно выключили звук. В оглушительной тишине гасли необычно чёткие шаги Семёна Алексеевича вместо

привычно шаркающих.

Словно кто-то добавил яркости блеклому жёлто-коричневому цвету стен. Семён шел к кабинету и с каждым шагом, искрились лучами и бросали зайчиков на стены старые дребезжащие лампы. Стены меняли цвет на весь спектр радуги — от алого до желтого и синего. В кафеле пола вырисовывался восточный мотив, орнаменты ни разу не повторились. Плитки меняли свои оттенки с каждым шагом. Будто Семён шел в огромном калейдоскопе, где каждую секунду его захватывали в плен новые краски. Играла музыка, мелодичная и негромкая, ненавязчиво сопровождала она бухгалтера. Пахло чем-то из детства —

еловой смолой, сеном и сладко-тяжелым — как цветущее болото... Семён ничему не удивлялся. В сумашедшем счастье он начал притоптывать ногами, все громче и увереннее, раскинул руки и кружился, кружился...

На шум в коридоре под пунктир моргающих лампочек высыпал народ. Люди смотрели на безумного старика, по щекам которого катились слёзы... Кто-то взял бухгалтера под локоть и медленно повёл к выходу.

Переделкино, 2010

Ангелина Трофимова

Времени нет. Не сбудется, что загадано было...

Декабрь

Времени нет. Не сбудется, что загадано было
В этом году. Это просто декабрь, как будто ватный,
Нечувствительный к солнцу, отвратительно «свежий»,

Как остывающий чай мятный.
Он, декабрь, словно бухгалтер подводит сметы
Закрывает балансы. И сквозь силу

На запотевших стеклах пишет своё резюме.
И ты понимаешь, как много этим летом
Ты планировал сделать к зиме.

***

*Этот мир ослепительно молод,
Столько лет ему, сколько и нам!
к./ф. «Чародеи»*

Иногда мир хочет казаться ослепительно новым,
Или просто чистым и холодным.

Дворник уже полчаса снова и снова бросает соль на улицу...

Воздух морозного хрустящего утра
Накрахмален как воротник.
Румянец прилипает к лицу.

Но все же на коже чуточку позже
Неизвестно откуда, проявится
Запах цитруса.

И однажды окажется,
Что в этом повинно именно солнце –
Новое. Пока еще холодное, неуютное.

***

Если тебе будет страшно, будет не хватать сил,
Если тебе будет нелегко,
Не волнуйся – я договорилась, чтобы за тобой следил
Похожий на гигантское облако
Белый Дракон....

Прошлое

Понимаешь, прошлое – это такая субстанция:
Осязаемая и очень колючая.
Как свитер, связанный из грубой шерсти.

Вроде привычная одежда и хранит тепло,
Могла хранить ещё лет...много, нет, не двести,
Не сто, не пятьдесят, скорее где-то около шести...
... Так удивительно к вещам привязываешься, как на зло!

И вот ещё, хочу сказать, а именно признаться:
«Связать ли, сшить хоть что-нибудь получше –
Наверное, каждому под силу, но это не просто.
И словно шерсть – колючим, плотным
Становится морозный воздух...».

Чертёж

То ли туман, то ли смог
Не ложится, а, скомканный зданьями,
Просто лежит, забыт,

Небрежно оставлен –
Возможно, устал и не мог никто
Вычертить чётко дома и проспекты.

***

Кипящее море,
Солёные капли
Шипят и грохочут,

Кричат и ревут, и хохочут:
«Затопим всё, смоем,
Не оставим на камне камня!».

А я жду корабль,
Куда мне
Сквозь шторм (баллов восемь),

Кажется, не попасть и матросом,
Штурманом, коком...
Но я надеюсь. Я жду корабль.

Безразличен мне флаг и цвет парусов –
Я не капризная дева Ассоль;
Но мне холодно, страшно и одиноко...

А когда я увижу силуэт корабля на востоке,
Где каюты переполнены, заперты на засов,
Я перестану надеяться, потому что: я – море и небо, и соль.

***

Тяжёлые тёмные волны
Шепчут: «Проси что угодно –
Исполним».

...Я отвечаю: «Sorry,
Мне рано о чём-то просить
Море.

Нитка вольфрама

Листья деревьев простудно-румяны,
Заткнуты за мокрые пояса тротуаров,
Ветер небрежно ворочает воздух: тяжелый, сырой;
Где-то варят глинтвейн: пахнет пряно и пьяно;
Соседи играют фальшиво на фортепьяно.
Накаляется осень. Слово нитка вольфрама
Накаляются отношения, нервы, минуты.
Хочется крикнуть. Но нельзя почему-то.

Шелк

В вечер шёлковый: прохладный, летний
Ловить солнца последний лучик,
На балконе, вкушая кофе,

Любоваться на профиль
Высоток, любоваться на анфас
Все еще оживлённого перекрёстка,

Его украшения: светофоры и фонари...
Говорить неспешно о зле и о добре,
О работе и будущем отпуске в сентябре,

Говорить так час или два, или три,
Просто пока не наскучат
Подруги счастливо-нелепые сплетни и вечер шёлковый, летний.

***

Землетрясение где-то в Китае,
Исландский вулкан, отменённые самолёты.
Никто ничего не узнает.

А Френк Синатра попадает в ноты
Так, что становится безумно страшно
Просто при мысли о фальши.

Сквозь оконное решето
Свет проникает внутрь зданий,
Сквозь мониторы – новости.

А что-то такое непреходящее,
За что можно зацепиться взглядом, запечатлеть в памяти,
Может быть, никогда не случится с нами...

Тенденции

В попытке согреться
Город прячет людей – в карманы
Офисных башен.

Там – кондиционеры.
Но не это страшно.
Карьера – не бывает ни поздно, ни рано.

Говорят, настала эпоха экранной культуры,
Актуальной стала тенденция
Заниматься паркурром,

Ходить на йогу.
И это, не то что бы плохо –
Это, наверно, надолго.

Замок

Где лазурное небо и аккуратные облака
Вылеплены из специального дождевого теста,
Где чайки друг на друга кричат флегматично, устало,

Именно там я подарю тебе замок из воздуха и песка,
Поселю туда несбывшиеся надежды, мечты, идеалы,
Чтобы никто не говорил, что им в мире нет места.

Андрей Савченко

От синюшных кафе Трех вокзалов, От сумбура столичной зимы...

Возвращение

От синюшных кафе Трех вокзалов,
От сумбура столичной зимы —
Скрыться в темном вагонном провале
Сквозь шуршанье побросанных СМИ.

В стылом царстве окурков и жвачки,
Под наждачный пейзаж пустырей,
В мерном лязганье тамбурной качки
Постоять, покурить у дверей.

Эти черствые, мерзлые окна
Не согреть сигаретным огнем.
Я шагал — а куда, уж не помню!..
И в пути позабыл, где мой дом.

Возвратиться!.. Где тихо и снежно,
Где рассвет рдеет детской щекой,
На соседнем подворье неспешно
Над котельной клубится покой.

Где закат, камышами проросший.
Льдом бугрится футбольный квадрат.
И слепая центральная площадь,
Как затертый совковый плакат.

Где хрущевки сердиты, как совы.
Где от времени камни мягки..
Серотканное Подмоскowie!..
Запустелые огоньки.

Потушенные аллеи

Я путь свой пролагаю тропую
недомолвок,
Швыряя наземь вазы — наскучившие
дни,

И память, исхитрясь, фарфоровым
осколком
Кидается под ноги, под голые ступни.

Когда я, жестким ветром укрывшись, как
шинелью,
Плыву столичным дымом, устав от
винных струй,
Меня качает осень в ненастной колыбели,
Оставив на щеках свой влажный поцелуй.

И я, набрякшим мыслям, как Гласу,
повинуясь,
Потерянный для неба и не в ладу с
землей,
Ищу себя всю ночь в разливах черных
улиц,
В потушенных аллеях, оплеванных луной.

Я близок, полусонный, к ответу, но до
срока
Мне вспарывает веки стальная сырость
дня.
И впереди опять — озябшая дорога.
А позади, по-прежнему — осколки от
меня.

Асфальтовый вальс

У меня нет отца, нет матери.
У меня есть асфальт
В ноябрьской слякоти.
Приходи — и я сяду с тобой на асфальт.
Чтоб под брызги машин убаюкивать даль.
Я не знаю — ещё что могу предложить.
..... бесповодно жить?..
Незаметно любя — чего нет и что есть...
Приходи — если ты не моя болезнь.

Музыка дворянского забвенья,
Вдумчивых вечерних многоточий...
В Петербурге — камерные ночи,
И в партере — каменные тени.

Мне б забыть, уйдя с метелью ушлой,
Сухопарый оркестровый звук!..
Только досуха не выжмешь душу,
Где прошел потопом Петербург.

И, по-прежнему — мелодия до стона,
И прохлада льется, будто вздох,
Двери — словно всхлипы саксофона,
Окна — нервной дробью холодов.

И звенит чугунок, свое пророча...
В Петербурге — камерные ночи.

Беслан

Там, где позиции нет — лишь бесстыжая
поза.

Метит мне в вены ТВ ОРТ-шным
наркотом.
И из глубин голубого, как Бог, экрана
Путин баюкает мёртвых детей Беслана.

Вот для чего мы нужны демократии в
форме —
Чтобы безмолвно тучнеть от пиарного
корма.
Чтобы давиться пустотами выкриков
наци.
Чтобы гнуть спины за тех, кто просто
гнет пальцы.

Хлебозаводы стоят, идут фабрики звезд.
Нет для ответов полос, но есть главный
вопрос —
В этом чадающем бреду новостей из костей
Кто мне ответит, как мне растить детей?

По А. Коровину

Такая щемящая осень!
Так мягко в душевной горсти,
Что хочется женщину бросить,
Чтоб снова её обрести.

* * *

Себе не обуза, и небу — никак,
Размеренно пью шоколадный коньяк.

За форточкой белой, в ночи городской
Береза красуется тощей тоской.

Под швы от обоев и след фонаря
Иисус проповедует с календаря.

Так мы и сидим, в чепухе наравне —
И я за столом, и он — на стене.

* * *

То, что было, то и поныне
Ускоряет разбег круговой.
И опять изливаясь в пустыню,
Я один на один с красотой.
И мне жмет, даже если я голый.
Режет горло осколок ребра.
Разбросавшись по женскому полу,
Сколь в себе наскребу я добра?

Я сейчас в согласие с собою,
Хоть быть должен похож на того,
Кто, спасая одной рукою,
Так же искренне губит другой.

Может, просто довольно ослепнуть,
Чтоб узреть то, что зреть не дано?
Я просил — в сочных яблоках небо
Раскусить мне явление одно.

И сорвался с небес голос: «Ладно».
В лучшей части Бог — все же не зверь.
И сошел облетевший мой ангел,
И открыл мне открытую дверь,

Где у зеркала в утренних лентах,
В ровной спальне, под шелесты сна,
Чтоб опять притвориться хоть чем-то,
Макияж творит пустота.

* * *

Распускаем стихи по увядшей квартире.
Воплощаемся в громокипящую жесть.
Вы грустны — в прошлой жизни Вы были
валькирией.
Я боюсь, что и в этой мы — не Бог весть.

Мы сидим, где сквозняк и обветрены стены,
Где годам счет — по чайным кругам на столе.
В Вашей ревности что-то от Поля Верлена,
Но касания Ваши — пустое суфле.

В этой келье, где окна — источник для веры,
Я смешаю коктейль, чтоб смешались века.
Но от нашей любви даже простыни серы,
И осталось, без ясности бросив: "Пока",

Выйти вон в черной пидорке, словно в короне,
И в московских пивных пить опаловый цвет,
Чтобы после, в вечернем приливе неона,
Меж рядами машин видеть гребни карет.

Только холод в затылке и голод в коленях.
Только над головой — набалдашник луны.
В невесомой груди — и ни боль, и ни менее.
И оранжевый отсвет трамвайной струны.

* * *

Оставайтесь, друзья, у меня ночевать.
Вот мои сигареты, а вот вам кровать.
Вот моя вам жена, чтобы скрасить ночлег.
Заходите в мой малометражный ковчег.

Я улягусь в прихожей, на ветхий тюфяк,
Не мешать вам творить милый сердцу бардак.
А когда на рассвете подступит колбас,
Я, слетав в магазин, похмелять приду вас.

И взяв в банке кредит под квартирный посул,
Я любезно отправлюсь в бессрочный отгул.

Под такой оборот, дружно грянув "Ноогау!",
Вы достанете зелье с хохляндских полей.

И на пятые сутки, уставши гудеть,
Жестом истинно римским попросите спеть.
Чтоб, по праву друзей, чутко — но напрямик,
Потрепать по плечу: "Что-то вяло, старик".

Будут ночи сквозь дни, будут песни без слов.
Будут мятые мины неожиданных ментов.
Этикеток коньячных и лиц караван,
И над вздутым паркетом парящий кальян.

И когда пол проломит прожённный диван,
Вы уедете дальше по важным делам.
И сдирая с обоев прилипший бычок,
Я отвешу поклон: "Приезжайте ещё".

* * *

Ночь непроницаема, как глаза японки.
Мерный перестук ветвей приветлив, как кастет.
Стертой простынею путь мой прежний скомкан
Высушен и выметен сквозняками лет.

Так и лучше, нет причины продолжать, что
было.
Больше у чужих порогов не сбиваться с ног.
Нет дорог, которые бы стоило осилить.
Мир не то, чтоб тесен, просто как-то не широк.

Я сумел остановиться, обрести дыханье.
Я теперь в себе хозяин, а не редкий гость.
Ночь темна по-прежнему, ясно осознанье —
Я и есть та самая мировая ось.

Осень — горше и реже..

Осень — горше и реже
Облетевшие дни.
Ветер синюю свежесть
Раздувает внутри.

Жизнь легко с тем простится,
Кто был с нею на вы.
Осень. Желтый прах листьев
В черной урне Москвы.

То ли вдрызг разрыдаться,
От дождей просветлев?..
Стынут тонкие пальцы
Чистопрудных дерев.

Так светло будет плакать
По дороге домой!..
Невесомая слякоть.
Осень. Вещий покой.

Ночь, и рыжие лужи
Под поклон фонарей.
Будет голос простужен,
Но дыханье — верней.

Дарья Лебедева

Вторая сказка для К.

Осенью Пухлю увозили в город. В большой город на севере. Там он жил в теплой квартире – зимой он никогда не выходил на улицу. Зимой он обычно много спал, много ел и много думал.

Прежде Пухля спокойно расставался с летним домиком и переселялся в городскую многоэтажку. Но этой осенью всё было по-другому, ведь летом Пухля нашел настоящих друзей, а значит, наступление осени означало не только переезд в теплую квартиру к молодой хозяйке, но и неизбежное расставание с ними. Пухля гнал от себя эти мысли и как ни в чем не бывало отлёживал бока на любимом подоконнике, наблюдая издалека за приключениями Рыжего, который пуше прежнего стал драться с другими котами, и слушая песни Горлицы. Они по-прежнему собирались вечерами и болтали, а старая хозяйка выходила из дома, чтобы покормить Горлицу хлебными крошками, а Рыжего угостить свежей рыбкой или остатками ужина.

В один из последних августовских дней Пухля, увидев Горлицу, поздоровался с ней, как всегда:

– Привет! – дружелюбно мурлыкнул кот. Горлица искоса глянула на него и

отвернулась. Она была чем-то занята, понял Пухля, но ему всё равно стало грустно. На следующее утро он не услышал знакомых воркующих звуков – и ветка, на которой так любила сидеть Горлица, была пуста.

– Где же Горлица? – спросил кот у Рыжего.

– Ты что, не знаешь? – удивился тот. – Посмотри наверх! Где-то там она...

Пухля задрал вверх свою плоскую мордочку и увидел, что всё небо усыпано черными движущимися пятнами. Сверху раздавались нервные, призывные, ликующие, тоскующие звуки. Небо было заполнено движением, восторгом, руганью, криками...

– Что это? – спросил озадаченный Пухля. Рыжий присел под окном и тоже уставился вверх.

– Это птицы. Они улетаю́т на юг.

– На юг? – еще сильнее удивился Пухля. – Но ведь это и есть юг!

– Это для тебя это юг, – фыркнул Рыжий, – а для них это север. Придет зима, и они замерзнут, если не улетят туда, где тепло.

– Как странно, – пробормотал обескураженный Пухля, – птицы зимой улетаю́т на юг, а люди уезжаю́т на север. Как странно...

Скоро солнышко стало светить

нежнее, заливая округу золотистым осенним светом. Молодая хозяйка уехала, оставив Пухлю еще на пару месяцев со старой хозяйкой. В доме стало пусто и тихо. Ни голосов по утрам, ни торопливого стука каблучков, ни разговоров вечерами. Старая хозяйка в отсутствие дочери всё больше спала или читала книжку, покачиваясь в скрипучем кресле-качалке. Пухле очень нравился этот убаюкивающий звук – кви-кри, кри-кви... Иногда старая хозяйка сгоняла кота с подоконника, чтобы закрыть окно – когда ей становилось зябко или сквозило по ногам. Ветер становился всё холоднее, всё крепче. Теперь Пухле казалось удивительным бывшее неодолимое желание поговорить с Ветром – таким он стал хмурым и неприветливым.

Осень шла своим чередом, расставаясь с последним теплом, роняя последние листья. Бледнело небо. Каждый солнечный день был теперь словно маленький праздник. Старая хозяйка в такие дни нараспашку раскрывала окна, позволяя Ветерку, сыну Ветра, пройтись по всем комнатам, разнести соленый воздух, сдуть пылинки с книг, сорвать сухие лепестки с розы из давнишнего букета, оставленного дочкой... А Пухля в такие дни снова залезал на подоконник и спал, греясь в последних солнечных лучах, вздрагивая под прохладными пальцами Ветерка и поглядывая украдкой вниз – не появится ли Рыжий. Рыжий появлялся редко – теперь он часто был в плохом настроении и всегда очень голоден. Лоточница, у которой он всё лето исправно воровал рыбу, давно уехала, и бродячему коту приходилось несладко. Старая хозяйка по-прежнему подкармливала его, когда он приходил – но приходил он всё реже и реже. Какие мысли мучили его, какие заботы? Он почти не разговаривал с Пухлей, и тот ничего об этом не знал. Чем холоднее становилось на улице, чем реже выпадали солнечные деньки, тем

более грустно и одиноко становилось домашнему коту.

Пухлю мучила тоска. Ему не хотелось уезжать, не хотелось погружаться в зимнее одиночество, в однообразное течение неразличимых дней и ночей. Там, в большом холодном городе, у него совсем не было друзей. Конечно, в последнее время он совсем не видел Рыжего, но здесь так легко было вернуть ощущение легкости и неизменности тех летних дней и вечеров, которые были у них – двух котов и говорливой птицы. Казалось, что вот-вот вернется Горлица, Рыжий снова усядется под окном – и они будут без конца вести разговоры о пустяках, перемурлыкивая верещание звонких цикад.

И вот наступил день перед отъездом – последний день на юге. Сегодня Пухле очень хотелось с кем-нибудь поговорить – ведь завтра его посадят в специальную мягкую сумку и повезут на поезде в северный город... Ему очень хотелось попрощаться с друзьями. Ему очень хотелось, чтобы долгой зимой его грела надежда на новую встречу с ними. Он не успел попрощаться с Горлицей, когда она в спешке улетала в теплые края. Но он мог напоследок подраться в Рыжим или набраться смелости и сказать, как он будет скучать...

– Рыжий! – крикнул Пухля нетерпеливо. Он даже отказался от обеда, лишь бы не пропустить появление друга.

– Потом! – мяукнул на ходу Рыжий, исчезая в неизвестном направлении.

«Опять чем-то занят», – расстроился Пухля. И такая навалилась тоска. Завтра он уедет.

– Пухля, малыш... – ласково позвала старая хозяйка из комнаты. – Совсем сегодня не ел, разве так можно.

Кот обреченно и послушно спрыгнул с подоконника и направился к миске. Пушистый рыжий хвост тоскливо волочился за ним по полу. «И что это с

ним, – подумала старая хозяйка, – раньше хвост трубой и бегом на кухню, стоит только намекнуть на еду...». А Пухле кусок не лез в горло. Ему казалось, что его друзья вдруг разлюбили его. А вдруг он сделал что-то не так? А вдруг он чем-то обидел их? А вдруг они никогда и не любили его на самом деле? От всех этих грустных осенних мыслей не хотелось ни есть, ни играть. Пухля еще раз сделал попытку полежать на подоконнике. Небо затянули тучи, кажется, вот-вот должен был начаться дождь. Листья медленно слетали с ветвей и ложились на землю. Под деревом, на котором так любила сидеть Горлица, напал уже широкий желто-оранжевый ковер. Ветки лысели. Ветки были пусты – ни одной птицы. Горлица давным-давно беззаботно летает под обжигающими лучами солнца того неведомого южного юга... Пухля хотел сделать вид, что ему все равно, и уснуть, как прежде, на подоконнике, но в окно задувал холодный ветер, прогонял его внутрь. И Рыжего нигде не было видно.

Пухля сдался. Впервые он переживал это опустошающее чувство – когда отчаяние (отчаянно неуютно, отчаянно больно, отчаянно глупо, и отчаянно обидно до слез) вдруг отступает, и остается ничем не заполненная пустота. Пухля безнадежно махнул хвостом и ушел спать на диван. Во сне время бежит быстрее. Он проснется уже утром, когда старая хозяйка будет готовить завтрак и собирать оставшиеся вещи, а потом – машина, поезд, долгие сутки в поезде, снова машина... И его встретят ласковые руки молодой хозяйки, любимый диван с колючим шерстяным пледом (не пройдет и пары дней, как его обивка будет вся в длинной рыжей шерсти), и подоконник высокого многоэтажного дома с видом на дорогу, и такие же безликие городские дома напротив. Другая жизнь. А зима будет длиться долго и, возможно, Пухля

сможет забыть о Горлице и о драчливом рыжем уличном коте. «Как же он переживет зиму там, совсем один – без дома, без еды, без тепла?», – ужаснулся Пухля. Встрепенулся, бросился было на подоконник – снова высматривать Рыжего, найти его, спросить, как же, что же, почему... Но подавил в себе этот порыв – Рыжий такой самостоятельный, такой гордый. А сегодня еще и такой недружелюбный... Огорченно ворчнув, Пухля снова попытался заснуть. Ему снилось лето. Жаркое лето, наполненное голосами друзей...

...Зима, особенно в большом северном городе, кажется бесконечной, но все-таки однажды наступает день, когда она заканчивается. Не внезапно, не вдруг – и все-таки внезапно и вдруг.

Пухля проснулся раньше всех и отправился на кухню. И такой яркий свет ослепил его, что кот забыл о еде, о сне, обо всех своих простых домашне-кошачьих проблемах. Небо было голубым и высоким, как летом, в окнах домов плавало жидкое золото солнечных бликов, а далеко внизу под чернеющим снегом появились первые земляные прогалины. Пухля почувствовал необыкновенный прилив сил. Он не раздумывая вскочил на хозяйский стол – куда ему было строго-настрого запрещено даже тянуть нос с подвижными усами. Но тут что-то вселилось в него, влилось и наполнило, и такая сладкая дрожь пробежала по застывшему телу, привыкшему только спать и есть, есть и спать... Ему показалось, что он снова маленький рыжий котенок. Он вспомнил, как в детстве любил висеть на этих уютных крепких шторах, как легко запрыгивал на шкаф, как играл с куриной косточкой и прятал ее в хозяйкиных тапках – всё это вдруг вернулось, и Пухля пронзительно, от всего своего пробудившегося юного сердца, крикнул, что пришла – Весна!

Пока таяли снега, теплели улицы,

появлялись первые улыбки на лицах, Пухля жил в нетерпении, в ожидании, в тревожной зыбкости... Его усы подрагивали, отзываясь на каждый порыв ветерка из форточки, он не мог усидеть на хозяйкиных коленях, на диване, вообще на одном месте. Ему снились сны, от которых наутро оставались только смутные впечатления... Воркующее пение, кончик ободранного сломанного хвоста, жаркий асфальт, запах цветов и морской соли... И больше ничего. А Пухля всё ждал чего-то большего, чего-то еще. Он запретил себе думать о своих друзьях, но он так скучал по ним...

И вот однажды, теплым апрельским днем, его посадили в мягкую дорожную сумку и повезли на вокзал. Пыль, грязь, шум, неудобства, чужие руки, которым так хотелось погладить «пушистую кису» – сутки в поезде, и вот он снова оказался на юге.

Пухле было непривычно и даже немного страшно снова заходить в старый дом. Всё было знакомо и в то же время за зиму стало чужим, холодным, отстраненным... Надо было заново обживать этот диван, это кресло и... Пухля вздрогнул... и подоконник. Первые несколько дней кот даже не подходил к любимому месту, хотя солнце уже грело всю – здесь было гораздо теплее, чем в северном городе с большими домами. Потом он все же решился – подошел, прыгнул, внимательно посмотрел на небо – не вернулись ли птицы?

Раздался шум. Пухля невольно опустил глаза вниз – под окном сидел Рыжий и ел свежесворованную рыбу. – Приятного аппетита, – от неожиданности буркнул домашний кот – а у самого сердце застучало бешено, страшно, сладко. «Или мы снова друзья, или мы больше никогда не друзья», – отчаянно подумал Пухля. – Шпашыбо, – с набитым ртом отозвался

Рыжий. Дожевал и поднял на Пухлю отощавшую облезлую мордочку. – Вот, открыл сегодня сезон, – его ушки дружелюбно торчали треугольничками. – А ты еще больше растолстел, Пухля! – Э? – хотел было возмутиться Пухля, но Рыжий уже исчез, сытый и довольный, оставив после себя длинный рыбный скелет.

Почему-то на душе полегчало. Пухля прислушался к далекому голосу моря. Прилетел Ветерок и шепнул ему что-то на ухо – кот не разобрал, но, может быть, «привет»? «Мне здесь рады, – с надеждой подумал Пухля, – неужели, правда?».

Рядом раздалось такое знакомое, такое крепко забытое «курлы».

– Пухля вернулся! – крикнула Горлица и, не останавливаясь, полетела дальше. – Наш толстый рыжий кот, Пухля, он вернуууулся!!!

Пухля был счастлив. Он поудобнее устроился на подоконнике, подставив спинку ласковым пальцам Ветерка, и незаметно для себя уснул. Уснул без сновидений и без тревог. Начиналось лето, и снова всё было впереди.

Елена Муссалитина

Не стучись напрасно в двери рая...

Ад и Рай

Не стучись напрасно в двери рая –
Всё равно друзья твои в аду.
Мысли по утрам перебирая,
Думаешь: вот к ним и попаду.

Только в ад заказана дорога.
Сатана и сам давно не рад:
Набралось людей хороших много,
Ад теперь стал не похож на ад.

А Земля – совсем другое дело –
Вот где люди корчатся в аду:
То войну ведут осточертело,
То поют под яблоней в саду.

Жизни в гору тянется дорога –
Горький плач сменяет звонкий смех.
Люди все забыли мир и Бога...
Да и ты – один из этих «всех».

Ты идёшь над пропастью по краю
И руками ловишь солнца нить.
Рай закрыт, и в ад не принимают.
Остаётся только жить и жить.

Черника

Пара фотографий под стеклом
На сукне дубового стола:
Старый дом – давно пошёл на слом.
Бабка Акулина – умерла.

А ходила по чернику в лес,
Ведь леса-то наши – красота! –
И боялся как болотный бес
Бабки Акулинина креста!

А к полудню из леса придёт,
Посошок запрячет под скамью,
Пирогов с черникой напечёт,
Потчует соседей и родню.

Всех дороги жизни развели.
И кому – сума, кому – тюрьма.
Хороша деревня – да снесли,
А в лесу черники – просто тьма.

* * *

Уходят в город люди,
И меньше стало пашен.
Не тот Россию любит,
Кто кулаками машет.

Не тот, кто сочиняет
Концепции и речи,
Кто в залах заседает,
Расправив гордо плечи.

Уходят в Люди люди,
А Родина – босая.
И тот Россию любит,
Кто землю не бросает.

Земляника

Глядят кресты и камни разнолико.
Так тихо и светло в нездешнем крае.
На кладбище созрела земляника,
Но ягоды никто не собирает.

Пунцовые, упругие, тугие –
Из зелени травы глядят так ярко...
Не нужные умершим. А живые
Боятся трогать скорбные подарки.

И птицам земляника достаётся.
И начинается разнотравье лето.
А сторож дед Матвей, крестясь на солнце,
Мне говорил – вкуснее ягод нету.

Голуби

У могильной плиты
я кормлю голубей.
Самый смелый клюёт
из ладони моей.
Самый смелый –
растрёпанный самый и злой –
Он не хочет клевать,
что смешалось с землёй.
Он не сводит с меня
с поволокою глаз.
Говорят, птицы – души
ушедших от нас.
И моя душа голубем
станет таким –
Непокорным,
растрёпанным
и шепутным.

В поисках истины

*
Горел в ночи костёр большой,
И сотни искр взлетали.
Ты болен телом и душой –
Забрёл в такие дали.

Ты и себя, и всех прощал,
Вдыхая томно травы.
А седовласый жрец вещал,
Что только боги правы.

**
Когда задумчивый раввин
Тебя на Путь благословит,
Ты скажешь: «Рана, не крови!»
И сердце примет прежний вид.

Ненужный хлам отдав в музей,
Тебе останется одно:
Искать потерянных друзей
И пить кошерное вино.

***

У золотого Будды
В сияющих глазах
Искрятся изумруды
И отражают страх,

С которым молчаливо
Ты на него глядишь.
Качает ветви ива
И источает тишь.

****

Мулла взошёл на минарет.
Тебе пора в дорогу.
Наверно, знает он секрет,
Как достучаться к Богу.

Как сладко пахнет пахлавой!
В молитве успокойся.
А что шакалов слышен вой –
То – ничего, не бойся.

*****

Вот крест. Колени преклони.
В часовне пахнет мятой.
Как странно: вы сейчас одни:
Ты и Христос распятый.

С небес снисходит благодать –
Утешишься, рыдая.
Грессишь и каешься, опять
Грессишь, а Он страдает.

Линии

Две линии сходятся – Я и Ты.
Две линии странные:
Каждой – стремиться друг к другу,
Каждой – друг другом стать.
Вроде бы, слиться должны.
Впрочем – как посмотреть.
Кажется, наоборот...

Две линии расходятся – Я и Ты.
Две линии чёткие:
Каждой – своя судьба,
Каждой – так свой узор.
Вроде бы, и разошлись.
Впрочем – как посмотреть.
Кажется, наоборот...

Две линии сходятся – Я и Ты.
И так – бесконечно...

* * *

Ты видишь: неразумное дитя
На табуретку залезает, чтобы
Быть выше, старше и читать стихи,
Слова не выговаривая. Глупо.
Но только, время промотав вперёд,
Ты видишь: умудрённый человек
Всё так же ввысь стремится, и меняет
Он табуретку на большое кресло,
Чины, награды, множество того,
Что жить мешает, помогая только
Казаться выше, старше и умнее.
Так странно. Время промотав назад,
Ты видишь: неразумное дитя.

Химия

Я стираю тебя из жизни своей.
Я очень стараюсь, пытаюсь забыть –
Видит Бог!
Но ты упрям, ты настырен –
Стираться не хочешь,
Не хочешь уйти и исчезнуть.
И раствориться.
Я вспоминаю химию чувств, химию тел,
Химию из девятого класса школы.
Совести жгучей чувствую я уколы.
И опять ты в жизни моей появляешься.
Ты – как лакмусовая бумажка проявляешься.
Я тебя удаляю. И снова, и снова...
Но снова есть пятна.
Всё мне понятно.

Музыка

Маленький мальчик на маленькой скрипке
Грустно играет – пилит.
Дети шумят во дворе. Хочется тоже гулять.
Мама сказала – учись.
Это же – Музыка.

Взрослый мужчина на быстрой машине
Едет куда – не знает.
Люди повсюду вдвоём. Хочется тоже любви.
Радио – кнопку нажми.
Это же – Музыка.

Дедушка старый на старой скамейке
Булочку птицам крошит.
Слышно: машины гудят, дети играют, смеясь,
Птицы воркуют у ног.
Это же – Музыка

* * *

Увозит поезд скорый
Меня всё дальше, дальше –
От долгих разговоров,
От нежности и фальши.

И снова километры
Нас сделают дороже.
Блуждающие ветры
На нас с тобой похожи.

А рельсы – параллели,
Что без конца и края.
Друг друга мы жалели
И мучили, играя.

Тебе – журавлик в небе,
А мне – в руках синица.
Всё вышло так нелепо,
А поезд дальше мчится.

Параллельные прямые

Друг другу мы идём навстречу,
Но друг до друга не дойдём.
Я в памяти увековечу
Минуты редкие вдвоём.

Слиянье запада с востоком –
Незримое касанье рук.
От нас с тобой стреляет током,
Когда в толпе столкнёмся вдруг.

Границы дней часы размыли
И собираются в года...
Мы – параллельные прямые,
Что не сойдутся никогда.

Между ангелом и бесом

Разложила всё судьба по полкам:
Как нам надо жить, и как не надо.
Кто же я для вас – не знаю толком –
Ангел божий иль исчадь ада?

С вами нас на счастье иль на муки
Для чего-то свёл лукавый случай.
Вы твердите мне, целуя руки:
«Отпусти меня... Оставь... Не мучай...»
Где уж мне! Вы сами виноваты
В том, что есть. И в том, что быть не смеет.
И ночей проплаканных агаты
До сих пор в глазах моих темнеют.

Позабить давно пора бы сказки:
Вы же – не король, я – не принцесса...
Но по чьей-то бродим мы указке
Где-то между ангелом и бесом.

* * *

Когда запирается полночью дверь на засов,
Луна фокусирует память задумчивых сов,

На миг расширяя и снова сужая зрачки,
И в пламя забвенья послушно летят светлячки.

Тыходишь неслышно в судьбу, как цыган-конокрад,
Ты сеешь обман, да и сам обмануться бы рад.

Призывные взгляды и нежности пара минут –
Они до добра никого уже не доведут.

Родных и друзей ты во всех злоключеньях винишь.
И крыльями хлопнет в ответ желтоглазая тишь.

Всё так же один и по-прежнему гол как сокол,
Повсюду – от счастья осколки, осколки, оскол...

* * *

Любовь исчезнуть насовсем не может –
Калачиком свернётся, затаится.
Она часы разлуки молча множит,
Летит навстречу ветру, словно птица.

Ей не впервой идти босой снегами,
По битому стеклу, по бездорожью
И прорасти – то тёрном между нами,
То диким васильком, то спелой рожью.

И вяжет нитки – тоньше паутинки –
То от меня к тебе, а то обратно.
В пруду рисует яркие кувшинки,
Бросает в окна солнечные пятна.

То подойдёт, а в руки не даётся,
Разложит карты – прямо как гадалка.
В глаза заглянет, тихо улыбнётся:
«Ушла бы я, да вас оставить жалко...»
* * *

Москва-река ломает лёд
На радость птичьей стае.
Ещё немного дней пройдёт,
И льда совсем не станет.

Осколки матовые льдин
Скользят по водной глади.
Ты по мосту идёшь один,

Чего, скажите, ради?

Того, наверно, что она
От дней весенних тая,
Идёт по улице одна
И о тебе мечтает.

Сочинители

Позади – прощёные грехи.
Впереди – в конце тоннеля свет.
Он умеет сочинять стихи
И давно решил, что он – Поэт.

У него – успех у зрелых дам
И незрелых, ветреных голов.
Молод, а умён не по годам.
Он умеет сочинять любовь.

Он боится наступить на грязь,
Длинный шарф на шее теребя.
И зачем игрой я увлеклась,
Так бездумно сочинив тебя?

* * *

Нефритовый Будда в нирване лежит,
И светится тайной волшебный нефрит.

Ты выпьешь сто грамм, примешь с пеною ванну
И тоже как он погрузишься в нирвану.

Видения странные будут потом
Сквозь дым сигарет... Только разница в том,

Что Будда нефритовый видит рассвет
И чувствует счастье и мир, а ты – нет.

Жемчужены

А мы с тобой простужены,
Врачами позабыты.
Да мы с тобой – жемчужины,
Что в ракушках сокрыты.

Лежим в песках под кручею
И ждём своей минуты,
И щупальцами жгучими
Нас оплетают спруты.

Катятся волны пенные,
А море позабыло
Про жемчуга бесценные
Среди песка и ила.

Половинки

И ваших глаз, и ваших губ
Легко касался южный ветер.
Он понимал, что Однолюб
Свою Любовь ещё не встретил.

Вы так похожи на меня:
Смотрю на вас и вижу брата –
В глазах осталась тень огня,
Который в сердце жил когда-то.

«Мы», – вы твердите мне, Поэт –
«Одной любви две половинки.»
А в сердце вновь трепещет «нет» –
Как в поле на ветру травинки,

Как дрожь дождя в конце зимы,
По лужам растекаясь дрябло...
Ведь я-то знаю: с вами мы –
Две половинки разных яблок.

* * *

Мы с тобой по несчастью знакомы –
Раны сыпали жгучею солью.
Вместе мы выходили из комы,
Что поэты считают любовью.

Мы друг другу с тобой помогали –
Души мазали дружбою-клеем.
И не думали, и не гадали,
Что друг другом потом заболеем.

Мы увязли в рассказах, как в тесте.
Как же всё перепуталось сложно!
Невозможно остаться нам вместе
И расстаться никак невозможно.

* * *

Со мной ты объездил полмира.
«Куда мы поедем?» – ты шепчешь на ушко.
Давно утопает квартира
В смешных сувенирах, пустых безделушках.

Всё выбросить скопом не жалко,
И, верно, я сделаю так – что за норов!
Но только не трону подарка –
Два камушка серых – от невских просторов.

Там вечны мелодии мая,
И также разводят мосты, посмотрите.
И я говорю, засыпая:
«Пожалуйста, милый, возьми меня в Питер...»

* * *

Между мною и тобою –
Лунная дорожка,
А по ней идёт спокойно
Голубая кошка.

Ей спешить домой не надо,
Ей не надо в гости.
В глубине ночного сада
Есть ажурный мостик.

На него она залезет –
Быть к луне поближе.
Капли света на железе
Языком оближет.

И мурашки, в самом деле,
Пробегут по коже...
Для чего-то жизнь нас делит
На котов и кошек.

Лев Усачёв

На гребне волны

На гребне волны

У самого кончика рифмы,
На гребне внезапной волны
Рождались суровые рифы –
Барьерные рифы вины.
И слово парило несмело
Над бездною этой морской,
Где рушилось всё и кипело
И мучилось вечной виной.
И строки – волна за волною –
Последние силы собрав,
Сразиться с виной ледяною
На рифы летели стремглав.
И ритм живого сраженья
Будил, поднимал в глубине
Слепой ураган вдохновенья,
Где не было места вине!
И ветер чудовищным вепрем
Подхватывал слово, – и вал,
Разбуженный преданным ветром,
Из бездны со стоном вставал –
И рушил суровые рифы,
Барьеры вины и греха!
И снова дельфинами рифмы
Нырjali в просторы стиха.

* * *

Стихийные глубины языка
Напоминают небо в час заката,
Слова плывут ко мне издалека,
Как облака. Они зовут куда-то;

И сердце откликается на зов,
Оно за ними следовать готово,
Оно летит на поиски стихов

В лучах закатных солнца золотого,

Летит без приглашения, без виз,
Без багажа пустой житейской прозы,
Лишь изредка роняя с неба вниз,
На землю утешительные слёзы –

Молитвенные, тихие слова,
Похожие на дождевые строчки;
И на земле тогда растёт трава
И распускаются зелёные листочки.

Жаворонок

И снег идёт как будто тише,
Когда слагаются стихи,
Когда в поля четверостиший
Выходят рифмы-пастухи,

И на берег речистой речки
Бредут – во сне иль на яву –
Слова – послушные овечки,
Ритмично кушая траву;

А на траве блестят росинки,
Они, как буковки, мелки,
От них отряхивают спинки
Высоких мыслей мотыльки;

Но этих слов и мыслей выше
Взовьётся жаворонком стих! –
И снег пойдёт как будто тише
И, соскользнув по мокрой крыше,
Растает в лужах городских...

Разговор поэта со своей возлюбленной

– Любимая! Почему стихи мои оторваны от всего земного?
Почему не находят они нигде надёжного крова?
Ведь даже птицы небесные вьют на земле гнёзда...
Отчего же стихи мои так далеки от жизни, как звёзды?
И кто, любимая, согреется их тускло-мерцающим светом?
– Любимый, не думай об этом, не думай об этом.

– О чём же мне думать, любимая, как не о собственной роли
В сложившейся ситуации мировой и вселенской боли?
Стихийные бедствия, болезни, аварии, авиакатастрофы!..
Каким состраданием-плачем наполнить я должен строфы
Грядущих поэм? Любимая! Зачем я родился поэтом?
– Любимый! Не думай об этом, не думай об этом.

– О чём же я думать должен в мире жестоком и хрупком,
Где, наверное, слово моё никогда не станет поступком,
Никого не спасёт, не утешит, никому не облегчит участь?..
Ах, лучше бы мне умереть, смертью чужой не мучась!
И разве смерть не является священным нашим обетом?
– Любимый, не думай об этом! не думай об этом!

– О чём же и думать, любимая? Сердце моё в огне!
– О чем тебе думать, любимый? Думай обо мне.

Зимний дождь

Стеклянной палочкой по хрустало
М.А.Дудин («Соловьиный куст»)

1.

В серебряный мир тополей-статуэток,
Одетых морозом и льдом,
Стеклянные палочки тоненьких веток
Раздвинув руками, – войдём.

Ты в лёгком своём, дорогом полушубке
Похожа сейчас на птенца,
Хрустят под ногой снеговые скорлупки –
Ты вылупилась из яйца.

Мы счастливы, мы доверяем деревьям
В кругу городской красоты;
И нам невдомёк, что по сёлам-деревням
Зима воздвигает кресты;

Стоят вдоль дорог столбовые страдалцы:
В ладонях жестокого льда,
Как длинные, тонкие, хрупкие пальцы,
Ломаются их провода;

И стынет в слезах, предаётся смятенью
Вдова сухорукая – ель;
Ей вежливый дождик в обнимку с метелью

Хрустальную стелет постель.

2.

Снежной тучи тяжёлый булыжник
Положив на земную скрижаль,
Свежий ветер умчался, как лыжник,
По лыжне ускользящий вдаль, –
Улетел беззаботный художник.
И построил в отместку ему
На скрижали земной зимний дождик
Из булыжника тучи тюрьму.
Дождь похитил небесный бумажник,
И ударился в скорый побег,
И меж окнами многоэтажек
Начал падать серебряный снег...
И, ломая костлявый валежник,
Рухнул тополь, красив и могуч!..
Но не плачь! Поутру из-за туч
Осторожно, как белый подснежник,
Снова выглянет солнечный луч.

Утром во дворе

Взвизгнула бензопила,
Дрогнуло тополя тело –
Ветка, отпав от ствола,
Медленно вниз полетела
И, разогнавшись едва,
Сделав неполное сальто,
Кверху взметнув рукава –
Рухнула в бездну асфальта.
Слышали люди вокруг
Дрожь тротуарного наста
И укороченный звук,
Как при паденьи гимнаста.

Александра Пожарская

Положи её спать у ветрами простуженной Сены...

* * *

Положи её спать у ветрами простуженной Сены.
И костлявому берегу с хрустом вправляй позвонки,
уходя к кораблю. Но спокойные прежде сирены
не пускают, поют: - Забери, забери от реки,

положи её спать, там, на медленно вянущем сене,
в красоту, что истлеет, свою обнажив пустоту.
Незабудки-забудки, силки-васильки ей заменят,
забормочут тебя. Только вечером вдруг обрастут

серой шерстью кусты и по веткам как будто по венам
заструится густеющий мрак. Забери её в дом,
и вздыхая, мол, дважды не входят в господские сени,
положи её спать. Ночь распустит вязкозный подол,

спеленает её, та, ослепнув, в ответ улыбнётся.
Ты лежишь за стеной. На виске седина, а внутри
високосная мысль будто лишняя заповедь бьётся:
не клади её рядом с собой. Не клади. Не клади.

Память

Воркование слышу. И слышу щенка,
Потерявшего маму. И бабушкин манник,
Слышу, в печке сопит, распуская бока.
Слышу все голоса этой тмутаракани.

Вот он, дедушкин вальс, по-старинному прост,
На нестройной гитаре про спелые вишни.
Но гитара в чехле, тот повешен на гвоздь,
Деда умер давно. Кто играет, не вижу.

Я зайду в тёмный стиснутый улицей дом:
Здесь пустые диваны листают газеты,

Здесь графины обносят фужеры вином
И в бочонке скисает капуста от этой

Несвободы вещей, сиротливости слов.
«Разве ты нам хозяйка?» - доносятся фразы.
В этой пятой стихии родных голосов
Мы – заложники временных сдвигов по фазе.

Так и я на момент не с ума ли сошла,
Разевая все двери, даря им возможность
Долететь, и допеть, и догнать их тела,
Столь давно потерявшие собственный голос?

Ухожу без оглядки (пока по одной
Бестолковые звёзды наверх не сбегутся),
Чтоб не видеть, как дом, будто очередной
Сгнивший зуб выпадает во тьму из Иркутска.

* * *

Под деревом безлиственным лежать
отнюдь не означает видеть небо:
ветвями перечёркано нелепо,
как черновик. И облака дрожат,

Насажённые ветром на сучки,
уверенности добавляют в том, что
и небо – грех. И нам с тобою можно
под ними быть незримыми почти.

Нащупывая корни, мы вот-вот
припомним, что когда-то было Древо.
А был ли плод? Растрёпанная Ева
смущённо в землю семечки смахнёт.

И облака рассеявшись на миг,
откроют этот лист земной тетради,
где Ева множит точки не глядя
и смахивает всё на черновик.

Алисины диалоги

1

Слишком беззуба стала улыбка Марты.
Щерится поварёшка в её руке.
Суп не наварист. Брэт проигрался в карты.
И разговор от драки на волоске.

Не размыкает чёрные веки хижин
Мир, в полудрёме не узнающий нас.
Вот в Амазонке мутный зрачок Луиджи –
Двигается под водою народный глаз.

Мисс География, платье стяните туже.
Нынче не всякий школьник узнает Вас.
Амундсен, милый, ну не впадайте в ужас,
Не разобравшись в хитросплетениях рас.

Если в пустыне стужа, закройте полюс,
Чтоб избежать смещения температур.
Я в незнакомнате. Поздно. Обняв за пояс,
Кто-то целует нежно меж двух культур.

Век мой нелепый, кажется, двадцать нервный,
Любит на ощупь, путает имена.
Как настоящий мужчина (навряд ли верный),
Сеет повсюду новые семена.

В Англии, и в Бразилии, и на Крите...
Разве так важно, где мы отбросим тень
и, в завещании смысла уже не видя,
Будущее перепишем на всех детей?

2

Трубкам кальянным грозит сколиоз.
Дымно вокруг. Но отыщется место
И для тебя в этом воздухе тесном,
И для ответа на главный вопрос:

«Кто ты?» - и девушка в синем пальто
Тихо войдёт и потянется к длинной,
Длинной, предлинной, предлинной, предлинной
Трубке... и, может быть, вспомнит о той,

Прежней девчонке. И бросится в дрожь

Дым. И вдыхая оставшийся воздух,
Ты до байкальских излучин раскосых,
До азиатских кровей доплывёшь.

Там прорастает трава из квартир,
Молча, поскольку с рождения знает:
Каждому кролику будет нора и
Каждой Алисе – взрослеющий мир.
Так говори, чтобы он не отвык!
Пусть в этом дыме неясном, тревожном,
На голубиную песню похожий,
Вновь зазвучит древнедетский язык.

З
Сладковатым запахом грибниц
тянет из таёжной глухомани.
Мох по-детски всхлипнет и отпрянет,
кустики брусники лягут ниц.
И припомнишь:
девочки бегут,
юбки-колокольчики трезвонят,
Будто бы вот-вот тебя догонят
на родном вчерашнем берегу.
Почему-то веришь в этот звон
и в секрет под стёклышком зелёным,
в коробок с посланием влюблённым,
в то, что доплывёт...
и доплывём.
Этот берег крут, а тот покат.
Но бредёшь, прямым или окольным,
Как всегда, забывчиво искать
что-то в колокольчиковом поле.

* * *

Затвержены слова до твёрдых знаков,
Ход времени прицельно одинаков,
И правит путь, с рождения нас оплакав,
В изгиб коляски вросшая клюка.

А раньше наверху крепили зыбку,
И потолок качался от улыбки
И до улыбки матери, от гибкой
Её руки до хлипкого мирка.

Мы едем, друг мой, не остановиться.
 Судьба – в ногах проворной кобылицы.
 И – пасынки пресветлой ангелицы –
 Домишки вылупляются из тьмы.

Трудяга-дождь придаст им очертанья
 И смысл. А мне не надо ни черта: ни
 Предопределенности, ни граней –
 Но зыбкости, откуда вышли мы.

Да вот она, не каждому открыта,
 Хибарка друга, старого пиита –
 Он ловит крыс, поскольку не простит им,
 Что в городе на книжников запрет –

Хвосты цитат замочены в цикуте,
 И ты готов, затраченный на треть,
 Сыграть в гляделки с жизнью полминуты.
 Испить. Запомнить. И не умереть.

Юлия Линникова

Кусочки янтаря

* * *

Самоубийца – снег,
 Отчаянный, врасплох
 Застал всех.
 Нарушил правила игры,
 Летя, взгрустнул,
 Потом увидел теплый мир, и
 Разбился о Весну.
 Он не всерьез,
 Нечаянно,
 На спор
 Рванулся вдаль.
 Растаял.
 Сразу.
 Но зато...
 Как удивился май!

* * *

На пустоши дом,
 А в нём:
 Камин и картины в ряд,
 Не снявшийся странный сон
 И чемодан в дверях.
 И в кофте,
 Большой, как плед,
 Не снявшийся этот сон,
 Как кофе,
 Пьет сливки верб
 Под мерную дробь часов.
 На улице ветер вьет

Сотни корзинок-гнезд,
И холодно, но зато
Все видно до самых звезд.
Так чайки щемящи, что
Сну верить: море есть.
Он хочет найти пальто,
Вдруг стало так тесно здесь.
Здесь пыль, да по всем углам,
И он огражден стеной.
Он кинулся, чемодан
С собой прихватив цветной.
Он выбил засов и - в ночь,
Смешно спотыкаясь в ней.
Созвездие Гончих Псов
Впечаталось в вышине.
За чайкой, под вздохи сов,
Куда он спешил – не знал,
Бежал...
И приснился мне,
А ты мне потом сказал,
Что я говорю во сне...

* * *

Меня ничто не держит на плаву
По венам Тихий между ребер бьется
И застревает в солнечном узле.
Похожая на стрелку рыбка-лоцман
Указывает путь в куда-нибудь.
Просолена насквозь как ветер с юга,
Натянутая парусом душа.
Нет якорей.
Нет берегов.
Нет карт.
Нет шлюпок.
От шторма никуда не убежать.

Любовь как Колизей

Мы можем потерять все в одночасье
И так же быстро можем обрести.
Любовь, как Колизей: почти что насмерть,
Но и как Рим: к ней все ведут пути...

* * *

Воля случая. Руна Одина.
Одинокая Скандинавия,
Там, где солодно и смородинно,
Никогда еще не бывала я.

Но я знаю: там столько вереска.
Даже ветер его чурается.
Ветер этот бывает резким, но
По-другому не получается.

Ледники-великаны тянутся
К рассмеявшимся в небе Асам.
Ни приметам, ни лунным танцам
Я не верила, а напрасно.

Глубоко прорезают скалы
Эти фьорды, и может к лучшему,
Нам поручено очень мало.
Только следовать воле Случая.
Только следовать руне Одина...

* * *

Янтарный свет стекает с окон,
Как смола,
И я в ней безнадежно вязну, вязну...
И соткан тротуар из полотна
Дождей, теней и вязов,
И луж, блестящих, как слюда.
Мой путь домой узлом тугим завязан.
Вверху электроточат провода.
Как хрупки и бумажны города.
Они точь-в-точь фигурки оригами.
Огни в домах, в глазах и под ногами,
Как лампы для слепого мотылька.
Жизнь кажется беспечной и красивой,
Но ночь горька,
Как цедра апельсина,
Полынною настойкою разлита...
Ни слова – ничего не говоря,
Я снова
Спешу домой по тёмным лабиринтам
С корзиною чужого
Янтаря.

* * *

Жизнь комом,
Колтуном,
Морским узлом:
Не выпутать,
Не вычесать!..
Мой дом
Давно
Оставлен на потом.
Молюсь, не знаю, чьим богам.
Жизнь – шапито!
Жизнь – вечный балаган!
Под крышей шепоток
Не слышен,
И некому меня сдержать,
Ведь я ничья...
Я становлюсь все тише.
Сгоряча -
Больно.
Останови! Прижми меня к плечу!
Скажи: Довольно!
Останови! Шепни! Не важно, что!
Любую чужь!
Любую!..
Скажи: Не отпущу!
Скажи: Люблю! Люблю я!
Скажи, что я нужна,
Запри все двери!
Пусть это ложь,
Пусть даже я –
Нервы,
Пусть даже молча на Луну –
Зверем.
Скажи: Люблю... И я усну,
Поверив.

О Солнце

Оно тогда было еще горячее -
Нескладное юное солнце.
Светило себе и не подозревало,
Что где-то оно — Бог,
Что где-то оно — Ра,
Щит Дажьдбога,

Аматэрасу.

А люди смотрели на его румянец
И строили пирамиды,
И слагали сказки,
И встречали рассвет,
Как чудо...

* * *

Чашка чая одна заскучает.
Стул напротив ничейный, пустой.
Ничего уже не замечая,
Осень в стекла стучится листвою.

Тук-тук-тук... Замолчу, выжидая.
Чашка чая замрет на столе.
Запах мяты дымком улетает,
Будто вспугнутый пух тополей.

Очень тихо. Часы догоняют
Этот вечер,
Пришедший не в срок,
Как морок,
Распугавший беспечных
Голубей и ворчливых сорок.

Чай поставлен по новой. У окон
Холодит и морозит щеку.
Завернувшись в уют, словно в кокон,
Все равно остаюсь начеку.

Не напрасно предчувствие встречи.
Фонари в ожидании не спят.
Этот вечер так длинно прочерчен,
Но пружины лифта заскрипят,

И раздастся усталая поступь
От лифта до дверей не спеша.
Он неловко войдет, улыбнется,
Отряхнув дождь и осень с плаща.

* * *

Где-то между ребер,
По соседству с сердечной мышцей

Что-то зреет... Быть может, море?..
Луна словно сыр крошится.
Падает ночь на колени.
Слушаю ее стоны,
Но вряд ли меня согреет
Рассвет - ее агония.
Глотаю пилюлю кофе.
Давлюсь тишиною мрачной.
Равнодушие липкое - в кокон,
Но стану ли после... бабочкой?..

* * *

Я растворяюсь. Воздух и осока.
Играю с камышами, но ничья.
Еще немного и увижу Бога
В замочной скважине ручья...

* * *

Допустим, звезды – это цветы
На огромной поляне – россыпью,
И тогда звездная пыль
И не пыль получается вовсе.
Не пыль, а как будто пыльца
Ладонями вверх подброшена.
У крыльца
Перед домом Творца
Как положено,
Ждут очереди
Планеты, кометы
И прочие –
Всем хочется
Пыльцы из его Сада,
Хотя б по одной крупнице.
Надо ведь опылиться...
Вот так вот незаурядно
И нам удалось прижиться...

* * *

Луна выходила купаться. Всплеск:
Рыбой скользнула вглубь.
Я же решила поставить сеть,
В стих изловить Луну.
Луну не обманешь. Она – не сом.

Не сом, а скорее сон.
Ей подавай только все всерьез,
Память лесов
И гроз.
Нужное слово нейдет на ум,
Скрыто, как в сундуке.
Я – налегке,
На реке
И горсть
Галек речных в руке.
Луну изловить можно лишь на миг,
Пощупать в воде, но вскользь.
Отсвет ее так ко мне приник -
Слышно купанье звезд.
Вздых подавить. Потерять слова.
Оставить на берегу.
Пусть подберет их другой, а я
Звуков не сберегу.
Мир неспроста так сегодня тих.
В речке скользит Луна.
Так невесома, что даже стих
Будет ей, как тюрьма...

* * *

В маленькой избушке на опушке,
Среди прядей хмеля и плюща,
Живет сгорбленная старушка,
Незаметно и скромно, втихушку,
Ни на что никогда не ропща.

Предвещают холодную зиму
Улетевшие рано грачи,
Подмороженные рябины,
Но тревожиться нет причин:

Заготовлены банки с рассолом
И носки на вязальном крючке,
И осеннее солнце спросонок
Еще дремлет на чутком плече,

И, дрожа, поднимается тесто,
Чтобы к вечеру были ватрушки,
И не тесно, находится место
Даже ежику - побирушке.

И старушка качает котёнка,
Поливает герань и березы,
Делит жизнь на знакомые дольки:
“До” и “между” и, может быть, “после”.

Она топит в печушке надежду:
Дым взлетает белесый и горький.
Он все так же торопится к Богу.
Он теперь даже легче, чем прежде.

Она двери открытыми держит,
Хоть никто не спешит к ней придти...
Видно, тут старый Леший замешан:
Водит кругом, сбивает с пути.

Друг мой, знаешь, бывает такую:
Старой, вечной любовь, безо лжи.
Не к кому-то конкретно. Не болью.
А одним лишь из способов жить:

Когда смотришь в открытое небо,
Когда смерть не страшит, а смешит,
И легки облака, словно верба,
И олень не боится с руки
Брать кусочки горячего хлеба,
Как кусочки горячей души.

* * *

Когда ровно пять
Пропиликает мой время-счетчик,
Я буду пить чай,
В компании странной,
Из странных людей,
Мотало по странам,
Но там я
Таких не встречал.
Чай в пять часов есть начало начал!
Единственная величина,
Постоянная в этом мире,
Меняющем моду, погоду
И даже атлантов украдкой.
Все началось невзначай,
Когда птица в часах обсчиталась.
Так мы впервые и повстречались
И пригласили друг друга на чай:

Я и Сумасшедший Шляпник.

* * *

Как же так получилось?
Гулять по городу
Без особых целей. Без смысла.
Вслушиваться в погоду,
Переходить перекрестки, дороги,
Мосты и мысли.
Досадовать на светофоры,
Не сверяться с секундомером.
Думать о переменах,
Людах, заботах, ссорах,
Смотреть в асфальт темно-серый,
Считать колодцы и рытвины,
Не поднимать глаза
И в итоге незапланированно
Случайно придти на вокзал...

* * *

Почему я не сказочник?..
С красочным
Акварельным зонтиком в руке
И в колпаке,
И с соцветием карточных,
Пасьянсных идей в рюкзаке.
Совсем не умных и не ученых,
А очень даже отвлеченных,
О том. О сём. И ни о чем...
Хочу быть сказочником – скрипачом!
И в полнолуние бродить по крышам,
И за Луною красться еле слышно,
И сны, как светлячков, ловить сачком!
Чему-то улыбаться между строчек
И собирать таких же чудаков:
Снусмумриков, лунатиков и прочих...

Природа сна

Природа сна

Природа сна хрупка-
Такая странная материя.
И без сомнения,
Как облака,
Природа сна хрупка.

Такая странная материя.
Бросает серебро,
Поставлена ребром.
Смотрю в отверстие двери я-
Такая странная материя.

И без сомнения,
Как будто бы одно
Моё двойное дно,
Без запаха движения
И без сомнения.

Как облака,
Себя теряют деньги.
Не надевают серьги
Те, чья рука легка,
Как облака.

Природа сна хрупка.
И потеряв беспечность,
Не мысли, только вечность
В кармане дурака.
Порвется от звонка
Природа сна.
Хрупка...

Веки-решето

Изменяет лишь во снах
Мне мой «изм» с приставкой «эго»,
Даже небо на руках,
Даже небо.. Только небо.
Ну а больше ничего,
Я ошибочно богатый-
У меня в кармане год,
А потом уйду в солдаты.

От чего бы ни пойти?
Многие сегодня носят
Завтрак, сладости, цветы
Родине в постель с подносом.

А пока что дважды в день
Перед сном и сразу после,
Вызывай во мне мигрень,
Кофе-кофе-кофе-кофе.

От него ровней строка
Ляжет на бумажке ночью.
В общем, после сорока
О здоровье позабочусь.

Миг, и веки-решето
Закрываются нелепо.
Знает, что во мне не то
Только небо.

Практически рассказ. Про облака

Богу стало лень выдумывать облака.
Тогда он решил
Избавить себя от работы,

Придумал сначала одного дурака,
А потом и целую роту
Дураков.
Беспощадно поедающих все на своем
пути
Сказал: Поставьте частокол,
выкопайте ров,
Назвал их людьми.

После этого, на всякий случай,
Научил любить
Всех подряд,
Ревновать, не делиться деньгами
Дальше круче-
Воевать, рифмовать,
Называть свои рифмы стихами.

Только облаков от этого
Больше не стало.
Люди сетовали
На жизнь,
Стригли ногти, брили подмышки,
Любили кого попало.

Тогда Бог пошел ва-банк-
Создал церковь,
Шепнул о своем нежелании
выдумывать облака.
Священники посовещались,
Возвели себя в ранг,
Что б была причина
Держаться за бока,

Но придумали только
Собирать подать.
Создатель плюнул и смирился
Пустил все на самотек,
Ему надоело
А люди стали пить, курить и работать
Построили завод,
Как место где все это делать

В итоге, виновник жизни
Проклял все,
Благословил промышленность
Наверху стало нечем дышать
Свернули канцелярию
И прочую письменность
Все в дыму, вот такая напасть

И когда стало ясно, что
Внизу сами неплохо справляются-
Дело пущено на поток.
Громовержец поймал пару аистов,
Спустился.
А для антуража устроил
Небольшой потоп.

Подкопил денег,
Купил в городке, типа нашего,
квартирку.
Около дома течет река,
Летом, при желании, можно затевать
стирку,
А из окна
Вид на вполне рукотворные серые
облака.

Практически рассказ. Люди-реки

Реки когда-то были людьми,
Только растаяли
От жары и от скуки.
А таяли они долго, и местные СМИ
Постоянно ходили вокруг
И запускали в них свои руки.

СМИ говорили-
"Вы представьте себе,
Как ими можно разбавить
Семейные драмы в статьях!"
Кого-то зазывали в Тибет,
Некоторых показали в местных
новостях.

* * *

Близкие таявших людей
Перестали беспокоиться, когда
Не увидели в их глазах безумных идей
А только совсем еще свежих рыб.
Дома заполняла вода,
Из желудков раздавался каменный
рык.

Это говорили в них
тяжесть дна и страх
Перед приобщением к морям.
Летом люди закрывались одни,
Слушая звуки прибоя до утра,
Привыкали к брошенным якорям.

А зимой всегда молчали,
Прикладывали грелку к голове,
Заворачивались в бабушкины шали,
Те намокали,
А уж такого не мог стерпеть
Даже самый любящий человек.

Чтобы в семьях не возникали ссоры
(А так бывает, когда ты- практически
вода),
Люди-реки обращались в
компетентные органы,
И тогда,
Честных относили в горы,
Тех, кто всю жизнь врал- не трогали,
И они сами текли в города.

В конце концов, каждый обрел покой-
Кто засыпан снегом, кто пластмассой.
Если бы я стал рекой,
Меня бы назвали Миассом.

С оперенья души (или душного тела)
Собери все духи и дыши ими хитро.
Мир напротив раскрашен, конечно же,
мелом
(Не хватило сегодня пол-литра
палитры).
Обжигает ладони накапавший дождик,
И блондинкам назло станет все
пероксидным.
Это лето пройдет симптомом по
коже,
Дай нам Боже не стать всем за лето
фригидны-
ми Амор, затихай, здесь и так
слишком тонко,
Тонет архипелаг (в сокращении
хиппи),
Пес скулит, оснащенный хвостом и
картонкой.
Я люблю (алкоголь, опьянение и
выпить).

Отражаясь в окне инородного дома,
Время смотрит кино, мы плюем им из
комы.
Есть желанье прибавить тебя на
полтона,
Если наши следы будут кем-то
искомы.

Брахман

На прохожих надеты перчатки,
Это значит, что ветры вернулись.
С перевязанных ветками улиц
Стерли лед и ее отпечатки.

Той, которая сшита из маков,
Той, что вечером ходит босая,

Тени пальцы ее не кусают,
Различая в ней сеть тайных знаков

В той, что здесь никогда не случалась,
В той, что Брахман, уснувший, не
видит,
Разомлевший от частых распитий,
То ли виски со льдом, то ли чая.

И она ничего не узнает,
Ее Брахман в соседней вселенной,
Обхвативший руками колени,
Спит.
Меня в его снах не бывает.

Но дойдя до весеннего края,
Где прохожих нет- ровно в начале,
Я шепчу, и она отвечает.
В это время
Миры замирают.

Реинкарнация камней

Жалея о последнем дне
На дне,
Над ней
В оконце
Весь свет согнется,
И только солнце
Зимой не гнется.

Не выдумать и части, ха!
Стиха.
Стихай.
Так лучше,
Никто не учит,
На всякий случай,
Стихами мучить.

Земные танцы в иглу- шик.
В глуши

Глуши
Желанье.
Свои тела не
Изменим сами,
Живем камнями.

Я буду ждать годами, ну?
Минут?
Минут
На теле,
Весны в постели.
И в самом деле,
Тепло не с теми.

Облако с запахом виски

Облако с запахом виски
В небе растает, поверьте,
Высосут с легкостью черти.
Были когда-то же близки,
Время, банально, но вертит,
Как этот приторный виски.
Дом, отделившись от сердца,
Странствует где-то в зените.
Необъяснимо, но нити
Держат еще иноверца,
Спящего в западном Сити.
Все это происки сердца.

Жалость к бездомным дворнягам
Перерастает в похмелье
Вызвано вновь ощущение
Счастья текущего с ядом
Хоть уползи в подземелье
В общем, спасибо дворнягам

Брошены камни под утро
В наш огород на прощанье.
Нам не держать обещанье,
Все это глупо и мудро.

И не имеет названья
В это воскресное утро.

Ласково, даже игриво
Жизнь подмигнет одиночке.
Страшно? А впрочем- цветочки.
Берег и волны прилива
Станут поставленной точкой,
Определенной игриво.

Так непонятно и странно,
Вновь заливаются дети.
Смех, как легенды о Йети,
Слышится тут постоянно.
Знаешь, здесь все есть на свете,
Кроме тебя, как ни странно.

Последнее декабря

Безмятежная сухость волос
Намекнет о решающем дне,
Там раздетая ты на окне,
То что будет потом- не вопрос.

И улыбка расплавит виски,
Мы под панцирем бежевых лет
Проросли из бобин и кассет
Звуком времени, смехом тоски.

Выкипает в кастрюле луна,
Убежит от нас дней молоко.
Это самый печальный закон,
И придуман он кем-то из сна.
А твоя нагота все сильнее,
И кленовый листок отлетел.
К полюсам намагниченных тел
Пальцы тянутся, как карамель.

В этом не пожалеем себя,
И не станем добрей просто так.
Переваримся в олове дат,

Растворимся с концом декабря.
Темень

Повернули реки вспять
За земную рукоять.
Отшумевший, озверевший
Падал сучьями орешник.

Полночь лязгала ключом,
Дверь утюжила плечом.
Помнят собственные лица
Только старики и птицы.

Днище солнца на замке,
Темень вьется на руке.
Остывает, отрезает,
Облетает-тает-тает.

И неслась молва назад,
В непроглядные глаза.
Отпевали на рассвете
Сны искусственные дети.

Алексей Шмелёв

Интервью с Сергеем Делеверовичем Корычевым поэтом, музыкантом, сценаристом, летчиком

С.К.: Родился я в маленьком городке Измаил Одесской области, откуда родом были моя мама, бабушка. Но вырос фактически в Иркутске в Сибири. Больше из принципа матушка моя слетала туда меня родить и почти сразу вернулась обратно, правда, каждое лето я проводил в Одессе, в Измаиле, поэтому с детства жил на две культуры, скажем так. Измаил – это такая дикая смесь украинцев, болгар, румын, цыган, молдаван, русских со своим суржиком разговорным, со своими понятиями интересными, город вина домашнего. И Сибирь. Сибирь, с ее морозами, с ее суровыми людьми, характерами...

А.Ш.: Дети более впечатлительны, чем взрослые. Яркие детские впечатления мы проносим через всю жизнь. Что-то особенно врезалось в память из событий того времени?

Я рос в не самом благоприятном районе. Помню, когда я пошел в школу, – она была только выстроена – мы были первый набор этой школы, и в этот же год напротив школы стали ставить большую областную больницу – строили ее зеки. В общем, мое воспоминание из детства: ночное утро, зимний мороз, по дороге едут машины, а из них выглядывают зеки, которых везут на стройку. Эту больницу строили лет десять и достроили как раз, когда мы выпускались. Запомнились поездки в Одессу на каникулы – матушка моя очень любила свои родные места, она была педагог, отпуск у нее был длинный, и каждое лето она меня с двумя младшими братьями возила на паровозе через всю

страну.

Можно предположить, что все радости и горести старшего ребенка в семье не обошли тебя стороной?

Это точно! – с одной стороны: во всем виноват всегда... С другой, тебя накручивают: ты лучший, ты у нас надежда. Школу я окончил с золотой медалью, – до сих пор не понимаю, зачем... Мне учеба вообще легко давалась – я почти не учил уроков, на чем тут же погорел в летном училище – чуть не провалил первый семестр. Я пришел на первый экзамен, как сейчас помню – «начертательная геометрия», я настолько не привык получать четверок, что когда преподаватель стал рисовать мне четверку, я возмутился и попросил задать мне еще пару дополнительных вопросов и поставить пять. Преподаватель задал мне еще два вопроса и поставил три. Это был шок для меня – я просто не знал тогда, как дальше жить! (Смеется)

Летное училище? А когда началось творчество?

Песни я писал уже в школе и уже в то время серьезно подумывал связать свою жизнь с музыкой...

Но...

Мне очень повезло. Отец меня прочил в Москву на филфак или на факультет журналистики. В общем, что-то, связанное со словом. Матушка хотела, чтобы я учился в музыкальном училище в Иркутске, или, как вариант, «Высшая одесская мореходка» – у нее самой отец был шкипер. Сейчас мне страшно себе представить – в один из последних рейсов был на Сейшелах – это острова в

Индийском океане – и как раз забирали калининградских моряков. Был полный самолет пьяных моряков (мужики уходили на полгода в плавание), то есть у них на этом острове смена была, и обратно тоже полностью пьяный самолет одичавших людей. Я себе не могу представить, как бы я сейчас уходил в плавание на полгода без дома, семьи. Только синь и гладь вокруг... Ну, стихи, наверное, писать было бы хорошо... но как-то Бог отвел.

Так как же ты все-таки тогда в летном училище оказался?

Чтобы поступать в мореходку, нужно было пройти медосмотр, а поскольку я в школе несколько лет занимался боксом, у меня обнаружили проблемы с носовой перегородкой. И нужно было срочно делать нехитрую операцию по ее выпрямлению. Матушка в панике обежала весь Иркутск и выяснилось, что только в одной больнице ей удалось выбить место для меня. Располагалась она при аэропорте. Я пролежал в ней две недели и за эти две недели летчики, лежавшие со мной в палате, перековали меня. «Мол, нафиг тебе эта мореходка – поступай в летное». Я вышел из больницы и огорошил своим решением всех своих друзей. Я никогда не мечтал быть летчиком, никогда не собирался. Прошел дикий конкурс – два училища высших на весь Союз – одно в Кировограде, где я учился, а второе в Актюбинске. Потом уже через несколько лет после окончания я с содроганием думал, – а вдруг было бы не мое, и я таким вот безрассудным поступком перекалечил себе всю жизнь! Двадцать лет я отдал авиации и очень доволен этим, сейчас уже не летаю три года...

Самый расцвет твоей летной деятельности, я так понимаю, пришелся на 90-е. Перестройка. Насколько она внесла коррективы в твое отношение к выбору профессии?

Во-первых, 90-е очень сильно

ударил по моей мечте, – чего тут скрывать, одним из главных факторов было то, что летчики при Союзе очень круто зарабатывали, а я рос в небогатой семье: отец научный сотрудник, и мать педагог, и трое пацанов. Класса с четвертого мне приходилось ходить вместе в отцом, который устроился на подработку дворником, колоть этот лед. Я ненавидел этот снег, потому что все мальчишки, когда идет снег, побегут играть в хоккей, а меня отец потащит на этот участок. И вот стою я, мету этот снег, я тогда был классе в седьмом и уже учился на одни пятерки, мимо идет какая-то милая женщина с маленьким мальчиком, показывает на меня пальцем и говорит: «Вот, Петя, если ты будешь плохо учиться, то будешь как этот мальчик». Тогда и появилась мечта больше не жить в бедности, и не без этого я поступил в летчики. А в 90-х государство очень здорово ударило по этой мечте, – пошли задержки зарплат, и к середине 90-х авиация стала для меня своеобразным хобби – летали почти бесплатно, для души, что называется. Летая, зарабатывали кто чем. Я был заместителем директора радиостанции в Иркутске. К 2000-му ситуация выровнялась, и сейчас летчики неплохо зарабатывают. Несмотря на это, из авиации я ушел сам. Три года еще полетал в Москве, потом началась сценарная работа, концерты.

Кстати о концертах – все-таки известность к тебе пришла, как к музыканту, а не летчику. Как все начиналось?

Выступления начались с училища. Возник коллектив, состоящий из меня и двух моих друзей, – «Квартет минус один». Было две гитары, скрипка. Мы делали хорошие, как я сейчас понимаю, аранжировки, и нам повезло. Любая поездка на концерт – самовольная отлучка, за любую поездку могли выгнать

из училища. Объехали за пару лет все большие города Украины. Портить нас на тему трех аккордов было бесполезно. Комсомол оплачивал нам поездки. Хорошо выступили на фестивале в Харькове, и начались приглашения.

Какую музыку слушал в то время? Но кого-то хотелось быть похожим?

Я был меломан. У нас были катушечные магнитофоны, я приходил из школы и видел висящие на проводах пленки, когда матушка выбрасывала их в окно. Парочку навскидку назову: «Pink Floyd», «Bee Gees» – то, на чем я рос. Битлы чуть позже. Мы слушали эти звучки электронные, воспринимали их не иначе, как чудо! Раздобыл у своего приятеля винил, переписал у него пластинку, после чего у тебя переписывают все остальные.

Никогда не возникало желание забросить все и посвятить себя только творчеству?

Возникает на протяжении всех этих лет. Пока у меня была летная работа, я имел благословенную возможность обеспечивать себя и не участвовать во всех этих КСПшных и прочих интригах и приколах. Так или иначе – все идейные споры, которые простираются дальше кухни – затеваются из-за денег. Это касается всех жанров. Крыло самолета позволяло мне чувствовать себя мужчиной. Благодаря ему у меня не срывало башню на сцене, когда девочки смотрят на тебя влюбленными глазами, и каждый второй говорит тебе, что ты гений. Когда ты выходишь где-нибудь в Иране и у тебя, прошу прощения, жопа мокрая, и хочется пить – ты понимаешь цену этим словам и цену жизни. Слова относительны, а самолет абсолютен.

Для многих людей, родившихся и выросших в провинции, Москва – этакая красная тряпка. Равнодушных нет. Интересно было бы узнать твое

отношение к этому городу...

В общем и целом в нашей стране лучше города нет с такими возможностями для человека, в том числе делать большие дела и оставаться порядочным. Я скажу сейчас парадоксальную вещь – в Москве есть свое понимание порядочности, недоступное провинции! Если ты его не принимаешь, то Москва тебя выбрасывает за борт, и ничего не поделаешь, хотя в провинции с такими своими замашками ты мог бы жить годами и делать свои дела и все бы терпели.

Это город, о котором существует множество стереотипов. Например, о безумной скорости Москвы. А я знаю, что это очень трудно, но здесь любой человек может найти свою скорость, нащупать ее для себя и жить на этой скорости и вокруг есть абсолютно все, что позволит ему это делать. От скорости полупешком до скорости болида. Провинция не дает таких возможностей. Я очень люблю свой родной Иркутск, но я знаю, что я должен был уехать в более большой город. Уехал в Казань и все равно понял, что не то... Я на 5 лет застрял в Казани. Полюбил его задним числом. Осталось много друзей, снимали передачи, рекламу делали концерты. Казань позволила попробовать то, что в Москве было бы попробовать намного труднее. Другой уровень другие деньги, взаимоотношения. Сейчас, когда у меня спрашивают: «Как ты живешь в Москве?» я отвечаю: «Я не понимаю, почему я пятнадцать лет назад сюда не приехал. Я бы уже многое здесь успел.» Конечно, были большие дела и в Иркутске, и в Казани, и многим людям удалось помочь, но сейчас я понимаю, что и в Москве можно было делать эти дела и помочь гораздо большему числу людей, да еще и, что греха таить, хорошо заработать. Я спокойно отношусь к вопросу денег – у летчиков девиз «Что-почем».

А чего сейчас от жизни бы

хотелось?

Все чаще в последнее время хочется пожить в маленьком крымском поселке, чтобы спускаться к морю с утра, садиться за рукописи, отсылать это все по «электронке», получать какую-то денежку и не париться, но это не значит, что Москва плохая, это просто значит, что человеку от нее нужно иногда отдыхать...

Я так понял, что летная деятельность не сильно стимулировала твой интерес к участию в различных творческих союзах и объединениях?

Я тебе вот что скажу: есть хорошие поэты, есть хорошие стихи. Может быть, можно подвести хороших поэтов под какие-то течения и дать всему этому названия, но я не очень понимаю, зачем... На мой взгляд – это просто способ групп людей отмежеваться от других групп и пить водку с кем тебе нравится или же вместе дружить против кого-то. Зачем писателя, который пишет про деревню, называть почвенником? Он просто пишет про деревню. Поэт в принципе одинок! Могут дружить какие-то личности между собой. И чаще всего получается такая картина: множество союзов, направлений, объединений, состоящих из довольно средних, но активных авторов. А где-то рядом живут настоящие поэты, личности, которые сторонятся всех этих тусовок. У которых, прошу прощения за высокопарное высказывание, свой разговор с Богом. Я например не понимаю что такое актуальные поэты... Это как?

Может быть, имеется в виду социальная тематика?

Так ведь и социальная тематика имеет смысл, только когда это искусство! Ты пойми – для каждого поэта... Они все одиноки. Они вне времени. Они как раз его могут запечатлеть потому что они вне его. На мой взгляд, самые актуальные на сегодня поэты – это просто самые активные поэты. Для меня одинаково

актуальны и Бахыт Кенжеев, и Анатолий Кобенков, который был моим учителем, Леша Витаков и Пушкин – они все в равной мере актуальны сегодня. А те, кто мелькает везде и у всех на виду, просто наиболее активны, пытаюсь заработать тем самым блага, которые предоставляет их сфера деятельности, будь то аплодисменты публики, распределение грантов, ну и деньги, конечно.

Раз уж мы заговорили о социальной тематике, то невозможно пройти мимо сегодняшнего телевидения...

Я понял, к чему ты клонишь. Бытует мнение, что телевизор сознательно портит, развращает людей. Мне кажется, это не так. Ключевое слово «сознательно». Дело в том, что телевидение выросло за эти годы, и зрителю важен продукт. Качественно сделанный продукт. Беда многих людей, которые пытаются у нас двигать культуру, – в непонимании этого процесса. Мне повезло – я работал на радиостанции, крутил свой проект по той же авторской песне. Я видел и понимал все изнутри. Я понимал, что мою программу, какой бы она ни была неформатной, не закроют, если я буду делать классный продукт.

Но как быть с явной тенденцией к обескультуриванию эфирного времени? Ведь сегодня львиную долю эфира занимают развлекательные программы и сериалы...

Дело в том, что и на поэтический вечер человек приходит отдохнуть! Отдохнуть душой, отдохнуть от работы, улицы... Безусловно – получить какую-то полезную информацию, но и в развлекательных программах многие люди получаю для себя что-то полезное. До тех пор, пока люди, занимающиеся поэзией, будут так серьезно относиться к себе и к своему занятию, таланту, которым его наградила Бог ни за что, а человек так

серьезно относиться к себе после этого... Мы не понимаем, насколько снобистски мы относимся к тем, для кого это создано. Как только господа барды и поэты перестанут относиться к себе так серьезно и задумаются, а как лучше это дать людям, к ним лицом повернуться и телеканалы. Почему человек должен слушать мою ненастроенную гитару?! Вспомним 60-е годы – выступление Вознесенского, как бы к нему ни относились, – это было шоу. Даже маленькая хрупкая Ахмадулина выходила всегда в образе и было очень важно как ее снимут и мне покажут, и публика, приходившая в политехнический, была частью того шоу! На это и теперь смотреть приятно...

Я абсолютно убежден, что если сегодня даже с поэтической передачей люди придут к Эрнсту и принесут ему продукт, который не будет портить общей картинки – это будет снято классными операторами, так же классно смонтировано, я не вижу причин, почему бы Эрнсту отказать! Я не вижу причин, почему бы серьезным людям не дать под этот проект деньги! Когда мы слушаем Боба Дилана, мы понимаем, что это продукт. Он тот же бард, но он не играет на ненастроенной гитаре!

Я так понимаю, что ориентация нашего телевидения на западное тебя тоже не смущает? Кстати, интересно было бы узнать твое мнение о так называемом поколении «Пепси», выросшем на западной музыке, западных субкультурах...

То же самое я слышал и в своем детстве. Кстати, не вижу в западной культуре ничего дурного, я во многих моментах нахожу ее даже более человечной. Мы азиаты. Мусульманский вопрос я бы затрагивать не хотел, потому что мне бы пришлось говорить то, что я думаю. Не уверен, что это будет правильно понято. Становится проще жить, если почаще вспоминать историю Древнего

Рима, Византии, становится легче – все возвращается на круги своя – одна цивилизация сменяет другую, а жизнь идет дальше.

Сегодня в прессе появляется все больше высказываний, что в скором времени телевизору вообще не останется место в домах людей, что информацию человек будет получать исключительно из интернета...

Этот разговор вечен, как курица и яйцо. Когда появился кинематограф, все подумали, что труба пришла театру. Когда появилось телевидение – все подумали, что труба радио. Ты понимаешь, о чем я? Безусловно, телевидение будет видоизменяться, скорее всего – срастаться с интернетом. Многие каналы это уже поняли. Нужно не запрещать ретранслирование программ в интернете и обзывать их пиратами, а наоборот, всячески способствовать этому! Вести параллельные вещания, например. Поэтому, конечно, серьезные телеканалы выживут. У нас до сих пор очень невысок процент людей, полноценно пользующихся интернетом. И поверь, владельцы телеканалов не глупые люди – они тоже понимают, что прошла та эра – «что мы вам покажем, то вы и съедите». Идет серьезная работа на опережение.

Мы так увлеклись телевидением, интернетом, что совсем обошли вниманием книги! Мне кажется, это несправедливо. Думаю, читателям было бы интересно узнать твои литературные вкусы...

Когда был помоложе любил романтическую литературу – Хемингуэя, Ремарка. Зачитывался латиноамериканской поэзией. Романтика – это хорошо, но сейчас уже большинство этих книг не вызывают интереса. Сейчас в основном читаю книги по саморазвитию...

Образ поэта, музыканта вообще романтичен...

Ты знаешь, я однажды понял, что поэт не обязан быть безобразным бессмысленным пьяным существом, как Лимонов писал в своих книгах: «Поэт должен быть пьяным и обоссанным». Мне жутко по молодости нравилась эта фраза. Идешь по жизни весь такой расхристаный, девчонки тебя любят!

Я так понимаю, что вниманием поклонниц обделен ты не был?

Не был.

Это больше связано с концертной деятельностью или работой летчиком?

И с тем, и с другим. (Смеется)

Кстати о поклонницах: было ли что-то общее между женщинами, которые не оставляли тебя равнодушным к себе? Например, рыжие волосы, имя, знак зодиака?

Да нет. Я любил разных женщин. Но все они были красивые. Красивые и

верные.

Как часто сейчас проходят твои выступления?

Сейчас не настолько часто, насколько хотелось бы. Я вообще довольно домашний человек и постоянные поездки, гостиничная жизнь – это все не совсем мое. Вообще мой ритм это один серьезный концерт в несколько месяцев.

Во всем этом творческом круговороте к родным удается выбираться?

Очень редко. К сожалению, не чаще раза в год. Работа не располагает к тому, чтобы ездить куда-то просто так. Хотя очень хочется...

Спасибо, Сергей! Есть ли что-то, что бы ты хотел пожелать нашим читателям напоследок?

Адекватности. Адекватности во всем!

Нина Ягодинцева

Координаты смысла

Море информации вокруг нас впору назвать разлитым. И его всё больше штормит... Единственная возможная точка опоры – это ты сам. Единственная возможность сориентироваться в настежь открытом пространстве – это обращение взгляда к неизменному, незыблемому. Единственный верный компас – твой инстинкт истины. Будем последовательны: сначала попробуем сформулировать, что есть писательство, а затем – в каких условиях оно сегодня реализуется.

Кодекс профи

Вопрос о том, как состояться в литературе, – центральный практически для каждого молодого автора. И это вполне естественно: ведь в молодости многим даётся недюжинный потенциал, жизненный и творческий. Проблема только в том, как реализовать его, какую выбрать стратегию.

В выборе стратегии одних ведёт интуиция, другие следуют образцам, на их взгляд достойным подражания, третьи реализуют некие усреднённые обывательские стереотипы «писательского» поведения (вливаются в «богему», «контркультуру»), а есть и такие, кто вообще живёт «как сложится».

Но мало кто задумывается: а что

за занятие – писательство, в чём его суть, зачем оно вообще существует, почему его то возносят до небес, то смешивают с грязью, то объявляют бесполезным, то выставляют на «раскрутку» и распродажу? И уж вообще никогда не говорится о том, что особенность писательского труда есть результат особенного отношения к своему делу, особой оценки окружающей реальности, особой ответственности за слово – и, как следствие, особой жизненной стратегии. Всё происходит как бы само собой, стихийно, и воспринимается как данность. Но на деле, в реальной жизни, молодой человек, зачастую даже не успев понять, что произошло, попадает в тупик, ловушку, кризис – и, к сожалению, во многих случаях оплачивает своё неведение и невольные ошибки талантом, судьбой, самой жизнью.

Почему эта страшная плата за талант воспринимается как нечто неизбежное, подобные трагедии возводятся в ряд романтических мифов, и даже порой сам талант оценивается не по созидательной своей силе, а по разрушительным последствиям роковых ошибок? И почему весёлое мужество писательского труда представляется большинству либо мрачной трагедией, либо пошлым анекдотом?

Ответ на все эти вопросы довольно прост: оценки, трактовки, мнения о писательстве исходят преимущественно из обывательской среды, бравирующей своим неведением, падкой на мистику и ужасы – и обожающей комиков. Писательство – труд сугубо индивидуальный, закономерности этого вида деятельности выводить мало кто решается, ведь у каждого профессионала они свои (добавим в скобках: у тех, кто выжил, не попал в тупик или ловушку и всё-таки стал писателем). А обыватель – он ведь масса, он всё обобщает на уровне своего понимания и тиражирует пропорционально своему количеству. Вот и получается, что молодой человек, вступая в литературу, откровенно говоря, понятия не имеет, во

что он ввязывается.

Мы рискуем сформулировать главные, наиболее общие постулаты «кодекса профи», поскольку сегодня они жизненно необходимы тем, кто решил посвятить себя литературе. По ходу размышлений придётся коснуться и ряда опасных обывательских мифов об этой профессии. Начнём с главного.

1. Литература – самовыражение или модный бизнес? Из постановки вопроса уже понятно, что ни то, ни другое. Самовыражение в литературе бессмысленно, если оно не несёт в себе общественно значимого нового. Хороший бизнес на литературе можно построить, только если пичкать обывателя его любимыми бесконечно однообразными сказками о прекрасной и роковой любви, загадочных происшествиях и ужасах криминала, ведь конечная цель нормального бизнеса – прибыль.

Цель литературы – осмысление существующей реальности и смыслообразование, моделирующее реальность новую. Категория «обыватель» в этой деятельности стирается: осмысление обращено к каждому человеку, его личности, стремящейся к пониманию мира и себя в мире. Пробудить в человеке человеческое, направить его к добру и сотворчеству – сверхзадача этого вида духовной деятельности.

Глубоко индивидуальное видение писателя освежает эмоциональное восприятие, являет новый образ мира, его черты и краски, воссоздаёт событийные варианты.

А теперь представьте народ без литературы: это слепой народ, не способный понять, что происходит сегодня и чего ожидать завтра. И жить такой народ будет очень плохо, но недолго.

2. Писатель – профессия или хобби? Профессия обязывает зарабатывать

деньги путём создания литературных произведений. То есть соответствовать ожиданиям почтеннейшей публики (см. выше). Хобби – безобидное занятие, поглощающее энергию, остающуюся у обывателя от изнурительной ежедневной борьбы за спокойную жизнь. Образно – крохотная «форточка» в мир свободного творчества.

Литература забирает человека целиком, требует полной самоотдачи, полной реализации индивидуальности. Это служение. Оно отнимает человека у быта, не позволяет делить жизнь на «работу» и «дом». Есть целый ряд подобных общественно важных профессий: священники, военные, государственные деятели, врачи, учителя...

Ценность подобной деятельности измеряется не суммой гонорара: это спасённые, наставленные, воспитанные, просвещённые соотечественники, современники. Служение – работа, благодаря которой народ выживает, развивается, процветает. Вопросов только два: как относятся люди названных профессий к своему делу – и насколько общество ценит и уважает их деятельность?

3. Реальность – расцвет или катастрофа? Обе противоположные оценки современной нам действительности имеют под собой определённую почву. С одной стороны, широчайшие возможности тиражирования и распространения литературных произведений, безграничная свобода слова, доступность информационных ресурсов и пр.

Но с другой – катастрофическое смещение нравственных и эстетических норм. Любая норма уже рассматривается как ограничение. Культуру долой, потому что это система запретов! Нравственность долой, потому что она ограничивает наши желания! Красота на доела, она скучна: нужно что-то новенькое, пусть даже безобразное! Известный постулат «Делай что должно – и будь что будет» гуляет сегодня в новом

варианте: «Делай что хочешь – и будь что будет!». Чувствуете разницу? А если это говорит врач? Учитель? Государственный деятель? Защитник Отечества? Писатель... Реальность, в которой службы спасения, лечения, просвещения всё больше становятся бизнесом.

И почти никто не говорит сегодня о том, что эти нормы – не прихоть и не культурные реликты, а основа выживания, законы, которые человечество выработало на протяжении всей своей истории ценой многих жертв.

Не расцвет и не катастрофа – нам выпало время гуманитарного кризиса, время, когда колоссально возрастают риск и ответственность каждого за судьбу всех. Поэтому мы снова и снова повторяем, что такое литература, что такое писательство, ибо эти прописные истины либо утрачены, либо чудовищно искажены.

4. Свобода – для себя или для всех? И вот что интересно: любые попытки разговора о нравственном фундаменте литературного творчества расцениваются сегодня как прямое цензурное вмешательство, ограничение прав творческого человека. Всё больше свободы самовыражения, доходящей до вытряхивания из тёмных уголков души самых неприглядных, недостойных, самоубийственных мыслей и чувств.

Но когда общество не в состоянии организовать на основе культуры, жёсткая идеология и цензура становятся неизбежной необходимостью для выживания народа! Этот урок из истории XX века уж нам бы надо усвоить крепко – сколько за него заплачено жизнью! Именно отсутствие внутренней, личной ответственности формирует в обществе, желающем выжить, инструменты внешнего контроля – вплоть до диктатуры. Или народ уходит с исторической арены вместе с языком, культурой, памятью... Следовательно, свобода писателя – это чёткое ощущение внутренней ответственности за

свои слова, за создаваемые произведения – «смысловые маяки» жизни.

5. Стратегия – победить или хотя бы выжить? Есть два простых принципа безопасности: в благополучии не расслабляться, в кризисе не паниковать. Сегодня они актуальны оба одновременно: материальная сторона нашего бытия более-менее располагает к благодушию, создаёт иллюзию того, что нам ничто особо не угрожает, в то время как духовная сторона того же самого бытия разрушается с нарастающей скоростью.

Множество раз в истории повторялись ситуации, когда угроза материальному существованию вызывала мощный духовный подъём, и кризис преодолевался (вспомним хотя бы наши Отечественные войны минувших веков). Но множество раз повторялся и другой сюжет: духовный распад при относительном материальном благополучии. И всегда это заканчивалось крахом государства и гибелью народа.

Мы выживем, только если победим.

Очень важно, чтобы каждый идущий в литературу молодой человек понимал, что его личное творчество, тот дар, которым он обладает, – не столько дар, сколько поручение, и в какой мере удастся его выполнить, в той мере и состоится талант. Дар-поручение не бывает случайным, он безусловно необходим в сложно и тонко организованной системе бытия. Это как раз та ситуация, когда общественно значимое рождается как личное, индивидуальное – и потом должно вырасти до всеобщего. И если поручение останется не выполненным, вряд ли кто-то другой сможет полноценно восполнить эту утрату.

Предлагаемые обстоятельства

Проблемы современной литературы находятся в одном ряду с проблемами искусства, науки, образования. И для того, чтобы оценить их в полной мере, необходимо увидеть картину времени в целом.

Эпоха, в которую мы живём, повергает в изумление всякого мало-мальски думающего современника. Количество культурного опыта и технологические возможности его распространения обратно пропорциональны востребованности культуры. Подавляющее большинство средств массовой информации бесконечно тиражирует зрелища убийств и разврата. Управленческие решения в сфере социальной и культурной политики противоречат очевидным потребностям развития общества. Элементарный здравый смысл и житейская опытность уходят отовсюду. Наступает хаос.

А ведь нас предупреждали ещё на заре массового производства, в середине XIX века: недалеко время, когда ведущей и определяющей силой социума окажется «маленький человек», полномочный представитель массы, так называемого «Великого Среднего». Именно в таком мире мы сегодня и живём. С точки зрения «человека толпы» он вполне логичен и неплохо обустроен, и то, что мы воспринимаем как абсурд, для него просто удобный порядок вещей. Говоря о «человеке толпы», мы имеем в виду вполне конкретные психологические качества.

Что характерно для человека толпы, представителя массового сознания, на какой бы ступени социальной лестницы он ни находился? Самая главная его характеристика – противоречивость, обуеваемость совершенно противоположными страстями, которые буквально раздирают его на части, но, с другой стороны, хаотические усилия не дают сдвинуться с места и быстро вызывают усталость и апатию. Это первый бинер (неразрывная двойственность) массового сознания.

Бинер второй. «Маленький человек» вопиюще несамостоятелен и нуждается в неких «образцах», кумирах. Но наличие кумиров вносит в его внутренний мир существенный дискомфорт, занижает обывательскую самооценку. Поэтому кумиры нужны, но они подлежат разоблачению, ниспровержению и осмеянию.

Бинер третий. «Маленький человек» нуждается в комфорте, покое и стабильном благополучии. Но, получив всё это, он теряет ощущение полноты жизни. Пробудить хоть ненадолго этот «сон разума» способны только новости катастрофического характера. Поэтому человек толпы живёт под девизом «пусть весь мир летит к чертям, лишь бы у меня было всё хорошо!» и не понимает, что это невозможно в принципе.

Бинер четвёртый. «Маленький человек» требует доподлинной информации о происходящем вокруг, но поскольку не доверяет никому, охотнее всего пользуется слухами и сплетнями. Он отчаянно нуждается в обновлении впечатлений, но столь же отчаянно боится всего качественно нового, способного изменить его жизнь, – поэтому восхищается только формальными новшествами и особенно требует наличия их в искусстве. Основной эмоциональной пищей для человека толпы являются сенсации.

Бинер пятый. Человек толпы любит на досуге решать судьбы мира, но никогда и ни за что не принимает на себя ответственность. Его легко напугать птичьим гриппом, денежной реформой или прилётом инопланетян. Испуганная толпа – страшная сила, но опытные загонщики легко направляют её устремление в нужную сторону.

Бинер шестой. Будучи абсолютно не способным приспособиваться к стремительно меняющемуся миру, «маленький человек» подгоняет всё – политику, экономику, искусство – под свой

лилипутский «размер». Поэтому великое в его мире низменно, а возвышенное смешно.

И, наконец, бинер седьмой. Человек толпы считает себя венцом творения, но старательно лелеет свои тайные слабости: стяжательство, распущенность, душевную лень. В результате маленькие слабости становятся большими и норовят обрести культурный статус, стать субкультурой, нетрадиционной культурой, «авангардной» культурой, контркультурой и пр.

Перечисленных противоречий (хотя это далеко не всё) вполне достаточно, чтобы увидеть: да, постсоветский мир – это мир человека толпы, где литература с её нравственными поисками, анализом настоящего и проекцией будущего воспринимается не просто как бессмысленное занятие – от неё исходит очевидная угроза массовому сознанию: ведь литература заставляет сопереживать, думать, изменяться... Она показывает большие последствия маленьких слабостей, вызывает к совести, наконец...

Но перечисленных противоречий достаточно и для того, чтобы понять: социум, выстроенный «под маленького человека», абсолютно нежизнеспособен: он стремительно разьедаем пороками, он не может развиваться, он абсурден и катастрофичен. Это цивилизационный тупик, из которого не удалось выйти ещё ни одной культуре. Приглядитесь к истории: развивается цивилизация до минимального обеспечения потребностей толпы – и гибнет от appetитов и страстей раскормленной массы потребителей, воспроизводящих преимущественно свои потребности.

Таковы сегодня неумолимые обстоятельства, в которых протекает литературный процесс, процесс социально значимой рефлексии. Эти же противоречия наличествуют и внутри самой литературы, существенно осложняя и без того трагическую ситуацию. Все семь бинеров невооружённым глазом наблюдаются

в так называемой «актуальной» литературе, которая делает ставку на хаос, разрушение жизнеобразующих смыслов, ниспровержение классики, формальные изыски, скандальность, безответственность и распущенность. Получается, что сегодня одновременно существуют две литературы: традиционная, так или иначе нацеленная на решение нравственных задач, и «новая», обслуживающая потребности обывателей, ориентированная на «самовыражение» в самом печальном понимании этого слова. И оба взаимоисключающих занятия называются одинаково: литература.

Человеку толпы ближе и понятнее «самовыражение», он его и поддерживает, делает имена и тиражи тем, кто «самовыражается» на полную катушку, усугубляя хаос и абсурд происходящего. Представитель массы не понимает, куда, почему и зачем движется жизнь, но он ведь и не нуждается в этом понимании!

Было, было сказано в XIX веке: «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой», – однако это не про нас, сон обывателя душен, полон кошмаров, а ещё страшней, кажется, проснуться... Тем не менее, выход из тупика всё-таки есть. Помимо всех противоречий, Великое Среднее обладает глубоким инстинктом выживания, самосохранения, благодаря которому и терпит (правда, в весьма ограниченном количестве) духовные поиски тех, кто способен осмысливать происходящее. На этот инстинкт вся надежда. Во все времена у каждого народа есть пассионарии и обыватели, и количественным их соотношением определяется жизнеспособность данного народа.

Великое Среднее не есть зло, у него свои задачи: выживание и устойчивое воспроизведение человеческого рода, но если масса начинает диктовать свои вкусы, если культура начинает под эти вкусы подстраиваться – беды не миновать. И те, кто понимает трагедийный смысл

происходящего, не противопоставлены Великому Среднему, они – авангардная часть его, в силу сознательности принимающая на себя ответственность за происходящее.

Литература сегодня должна терпеливо, кропотливо, последовательно вести широкую исследовательскую, просветительскую, пропагандистскую работу. У нас не много союзников: искусство, наука, образование. Государство всегда так или иначе обслуживает интересы Великого Среднего, а теперь вполне закономерно и состоит большей частью из его представителей, едва ли понимающих, что духовная аналитика и осмысленная проективная деятельность (что, собственно, и есть литература) сегодня – вопрос буквально выживания всех. Литература становится делом государственной важности.

Именно литературе предстоит ни много, ни мало – постепенно растить «маленького человека», человека толпы, зачастую вопреки его собственному желанию – растить в нём индивидуальность, личность, состояние сознательное и ответственное. Задача, сопоставимая по масштабам с «формированием нового человека» в начале советского периода. Но если тогда самоидентичность поддерживалась мощной идеологией, на этот раз нам осталась просто насущная необходимость выжить как народ.

С одной стороны, эту необходимость сегодня понимают немногие, с другой – уже множество раз в истории культура не справлялась с подобной задачей, и цивилизация рушилась. У нас просто нет выбора.

Таковы координаты ситуации, в которую входят молодые литераторы. И личную ответственность за происходящее каждый принимает в меру своих духовных сил.

Мародеры

*«Горе миру от соблазнов,
ибо надобно придти соблазнам;
но горе тому человеку,
через которого соблазн приходит»
(Евангелие от Матфея, 18, 74).*

Кому война, а кому, говорят, и мать родна... Вы спросите, при чём здесь литература? Начнём издалика.

Записки натуралиста. Если пчёлы обнаруживают где-то бесхозный мёд, они перестают летать за взятком и сначала спешно переносят в свои ульи лёгкую добычу, а потом начинают воровать друг у друга – между ульями разворачиваются целые войны. Опытный пчеловод, чтобы прекратить грабежи, аккуратненько посыпает спинки воровок, выползающих из чужого улья, каким-нибудь безвредным белым порошком, и такую «меченую» пчелу стражи уже не пустят домой – она не может ни принести украденное, ни «рассказать», где его взяла. Эпидемия грабежей затухает.

Наблюдения обывателя. Рядом с нашим домом загорелся оптово-розничный магазин. Пожарная часть то жерядом с домом, только с другой стороны. Пока одни ехали, разворачивались, тушили, вытаскивали из складских помещений дымящиеся коробки с продуктами, другие (взрослые, подростки, дети) тащили, волокли, припрятавали. И магазин грошовый, и товар так себе – но хоть по мелочи, а «не пропадать же добру», да и магазин частный, практически «буржуев грабим»...

Заметки современника. Когда, вспоминая минувшее двадцатилетие, говорят: «рухнул коммунистический режим», я добавляю: «прямо на нас». Так вот, когда он рухнул, началось разграбление огромного завода, напротив проходной которого вопреки всем санитарным нормам стоит наш дом. Не буду рассказывать, как, месяцами не получая за работу денег на хлеб, а потом и вообще находясь в

бессрочных неоплачиваемых «отпусках», травились, вешались, шли в бандиты и в проститутки взрослые и дети из этого дома, – но спустя малое время опять же рядом с нами (ну что поделаешь, оказался дом в самом центре мира!) новый владелец завода (бывший работник вагона-ресторана) начал строить храм своему святому (имена принципиально опускаю). «На слезах» – до сих пор говорит об этом храме народ. Да у нас ведь если не на слезах – тогда на крови! Храм достроили без благодетеля (тот сначала пропал из города, а потом объявился олигархом в столице), разграбление оправдали, узаконили, возвысили, и теперь уже совсем ясно: хватать надо было, пока страна рушилась, впредь будь умнее, если, конечно, способен...

Размышления литератора. Когда на нас наступила «свобода слова», в литературной жизни стали разворачиваться процессы, удивительно напоминающие вышеизложенные сюжеты. В провинции, стремящейся сохранить свой естественный уклад жизни, они идут волна за волной с начала 90-х – вода, как известно, камень точит. И сегодня их уже можно обозначить как устойчивую тенденцию, не ссылаясь на единичные примеры, а имея в виду фундаментальные сдвиги.

Первое, чем поразила провинцию «свобода слова»: разве можно брать чужие строки и использовать в своих стихах, перевирать и высмеивать? – Конечно, можно: прикольно же! К тому же всегда существовал жанр пародий! – Но ведь это был именно жанр с определёнными правилами... – А у нас теперь свобода слова!

Затем вошли в права литературные римейки. Их точнее было бы назвать ремками (обносками). Однако сегодня они – литературное явление, оказавшееся чуть ли не впереди самой литературы, и с ними происходят всяческие незабавные недоразумения: например, литературоведы, анализируя римейки, используют те

же методы, которые применяются к «первоисточникам», и – надо же! – находят глубокие идеи, серьёзные конфликты, яркие характеры (так прилежный ботаник, описывая тропическую лиану, обнаруживает, что она, оказывается, может вырасти очень высокой, почти на высоту того дерева, на котором она паразитирует и чьими соками питается)...

Периодически, и весьма настойчиво, в провинциальной литературе появляются статьи, авторы которых нападают на великих предшественников, высмеивают и их произведения, и (словечко из подобной статьи позаимствую) «интеллиготину», которая этими произведениями восхищается. Оно, вроде, понятно: разворачивается глобальное противостояние Моськи и Слона (поклон батюшке Крылову), но с нами-то что происходит?

Видимо, всё-таки логика есть. Великолепная царственная свобода модерна, в начале прошлого века открывшего кладовые всех эпох и стилей, овладевшего высоким искусством цитирования, стала соблазном непреодолимым для печальной эпохи разрушения, которую в России чисто условно назвали «постмодерном», и обернулась бедствием глобального масштаба. В конечном итоге она приковала к цитатам, отучила от самостоятельности (само-стояния), породила иллюзию о том, что в искусстве уже всё создано, и осталось только комбинировать чужие смыслы. То, что происходит сейчас в поэзии, в пору называть старинным словом «светопреставление» (ситуация, когда свет и тьма меняются местами).

Первым звонком к началу светопреставления стало ироническое переосмысление цитат из классических произведений. Сначала было неожиданно: ах ты, и вот так можно, и вот эдак! Раньше-то нельзя было – а теперь вона што! Панибратство по отношению к классикам создавало иллюзию возвышения авторов-пересмешников и вызывало

шеничий восторг у «истосковавшихся по свободе». Художественную интуицию довольно быстро вытеснили на периферию эрудиция, начитанность и... как бы это назвать, чтобы не обидеть... Пофигизм? Или мания величия? Или нравственная лень – нежелание осознавать высоту и глубину культуры, осваивать иерархию её ценностей? Наверное, то, и другое, и третье, плюс гарантия быстрого успеха у читателей и слушателей. Но ведь уже сказано: «Нация, героями которой становятся шуты и пародисты, не имеет будущего»...

А может быть, разрушение началось раньше – когда нам объясняли на уроках литературы, что «Толстой недооценивал», «Достоевский не разглядел», «Гоголь недопонимал»?.. Так или иначе, теперь более чем очевидно: «демократия» для настоящей литературы смертельна, поскольку нравственная сфера изначально выстраивается по иерархическому принципу, и система ценностей в ней возвращается веками, оплачивается человеческими судьбами, судьбами поколений и целых народов. Наличие этой иерархии даёт неограниченную возможность развития внутреннего потенциала личности или нации, отсутствие её приводит к «расползанию» по плоскости быта, к территориальным конфликтам, к смертельным междоусобицам по поводу природных ресурсов и пр. бесперспективным вариантам существования (что мы сегодня и имеем практически в глобальном масштабе).

Теперь уже очевидно: модерн от так называемого «постмодерна» отделила не столько художественная логика развития, сколько нравственная пропасть. Если модернист осознаёт уровень, смысл и надлежащее место цитаты, которую он берёт для создания своего произведения, то «постмодернист» хватается за эту цитату только затем, чтобы приспособить в своей низенькой шаткой конструкции, а то и вообще обругать и выбросить – не годится

в хозяйстве, так твою разэдак! Отсутствие понятия «высота» в системе нравственных координат – вот что нужно, чтобы стать «постмодернистом».

Вторым звонком к светопреставлению стала нарастающая тенденция вышучивания и перевиранья биографий классиков: что это они, неприкасаемые, что ли? Но, между прочим, как страшно стёрлась грань между антонимами в родном языке: ведь «неприкасаемое» – то, прикоснувшись к чему, оскверняешь себя, и «неприкосновенное» – то, что оскверняешь своим прикосновением! У нас всё теперь – прикасаемое и косное.

Целый ряд биографических «трактовок» в литературе (и, кстати, в кинематографе), целью своей имевший «приблизить» литературных классиков к народу (а не наоборот, народ к классикам, как это происходит в здоровой культуре), породил образы пигмеев, монстров или ходульных персонажей, не имеющих почти ничего общего с «прототипами», но зато доступных «быдл-классу» (словечко подарила знакомая журналистка). Попробуйте приспособить гору, чтобы подняться на неё не составило труда – это будет болотная кочка. Золотой фонд русской литературы оказался рассыпан буквально под ноги – а наклоняться тоже лень...

Но вот, наконец, слышится и третий звонок, собирая задержавшихся к началу светопреставления – и он самый громкий, практически на весь мир. Одна за одной выходят статьи, книги, в которых подвергается беспощадному осмеянию сама ценность русской литературы. Так (маленькая иллюстрация уровня и стиля) в «толстом» региональном журнале читаем «комментарий» к стихотворению «Гул затих. Я вышел на подмостки...»: «Он весь такой принц, а она, интеллиготина, биноклей где-то каких-то взяла и тысячу их наприставляла – один театральные бинокль к жопке другого... Длина одного театрального бинокля 7 см. Умножаем

в уме на тысячу». (Имена классика и современника принципиально опускаю).

Перевернутый мир, в котором вершины – это провалы, тьма – это свет, а падение – взлёт. Ещё один эффект «перевертыша»: кажется, что трагедия происходит с литературой, с классиками – но это мы падаем! С исчезновением нравственной иерархии исчезает сама возможность духовного роста, внятная перспектива жизни, иссякают самые мощные энергии личности – идеальные. Бери народ тогда голыми руками, покупай за стеклянные бусы и кривые зеркала...

Сейчас говорить о высоком, мыслить о высоком, ориентироваться на высокое – моветон и в провинциальной поэзии: это «слишком скушно». Интересны приколы, разоблачения, сенсации, наскоро сооружённые из обломков классики, при этом явные признаки гепатита «новую литературу» не смущают. У неё впереди много работы: век золотой, серебряный, двадцатый – есть где разгуляться мародёрам, есть что растащить на цитаты, превратить в римейки и рассыпать в прах.

Ещё одна печальная провинциальная тенденция: там, где начинаются разговоры о поэзии, чаще всего самым актуальным оказывается вопрос – можно ли материться в стихах? И главным аргументом «за» оказывается «свобода слова»... Я не ханжа (двадцать лет живу в рабочем общежитии) – мне за поэзию обидно!

Происходящее сегодня в литературе с большим запозданием воспроизводит социальные процессы, свидетелями которых за два с минувших десятилетия нам пришлось стать. Как в рухнувшем в «демократию» обществе начинается борьба за выживание и побеждают сначала самые сильные, затем самые жестокие, а потом – самые жестокие, догадавшиеся объединиться, так при обрушении в «литературную демократию» побеждают на первых порах пародисты и сатирики, потом – пошляки и матерщинники, а

затем – объединившиеся в передовое литературное течение ниспровергатели всего, что хоть немного возвышается над страждущими хлеба, зрелищ и клубнички. При этом разрушительная направленность чётко манифестируется как общественно значимое новое. Однако «новая литература» не затрудняет себя поиском и созданием смыслов: она мародёрствует на уже наработанных, попутно унижая их создателей, размалывая в прах творения. (Срабатывает в том числе и инстинкт самосохранения: а если, неровен час, классика поднимется в полный рост?)

И самое обидное – из социального кризиса мы постепенно выбираемся, а литературный только назрел. На наших глазах он переходит в третий этап – объединение мародёров, ужесточение их внеэстетического и безнравственного диктата. Литература как квинтэссенция мироощущения, моделирование целостного художественного образа мира, жизненно необходимая проективная деятельность, отстаёт от реальной жизни на целую фазу. А должна – на фазу – опережать. Оцепление, что ли, ставить по периметру классики?

От образа к без-образию

Заметки на полях Всероссийских совещаний молодых писателей

Жанр заметок на полях события позволяет нам свободно выходить за границы «основного текста», поэтому речь в статье пойдёт в первую очередь о тех тенденциях, которые наблюдаются в молодой литературе уже достаточно длительный период. Оценивать их с точки зрения «хорошо-плохо» не получится: они реализуются в творчестве очень сложно и глубоко индивидуально. Принимать безоговорочно утверждения типа «такова современная поэзия (проза), настоящими классиками являются

именно те, кому сейчас 20-30 лет» (кстати вспоминаются 37-летний камер-юнкер и 27-летний поручик) – по меньшей мере наивно, если не безответственно. Оставлять без внимания происходящее в молодой литературе – не получается, тем более, если ты педагог. Да и писатель всё чаще в последнее время вздрагивает и оглядывается, как в старом анекдоте: «Где я? Кто здесь?». Я предлагаю посмотреть на ситуацию в молодой литературе с системной точки зрения, объединяющей в целое внутренний и внешний мир человека. Такой несколько отстранённый взгляд позволит избежать однозначной оценочности в суждениях и в то же время увидеть происходящее как некую закономерность, требующую выработки чёткой индивидуальной позиции – художественной и (в качестве её неизменной составляющей) нравственной.

Литературное дело – ремесло максимально высокой степени сложности. Это не самовыражение, как нарочито наивно утверждают некоторые. Самовыражение в литературе – не более чем подростковый комплекс. Он катастрофически снижает степень ответственности за слова и поступки: материшься? похабничаешь? уродуешь произведения искусства? – нет, самовыражаешься! Выражаешь свой внутренний мир. То, что в обыденной жизни по-прежнему расценивается как недостойное поведение и неуважение к окружающим, в современной литературе объявляется новым направлением, актуальной поэзией, а иногда и «единственной внятной поэтической школой». Поэзия ниже быта – ничего себе, «мёртвая петля»!

Во избежание разрушения и упадка литературное дело требует сохранения традиции – не формальной, а духовной. Она состоит не в использовании конкретных приёмов и не в общепринятых речевых формулах. Истинно, глубоко понимаемая традиция в литературе – по преимуществу нравственный вектор. Да, он ограничивает выбор средств и форм выражения, и

воплощается в конечном счёте узнаваемо – но вместе с тем и оставляет максимально возможную степень творческой свободы каждому новому поколению литераторов, развиваясь в глубину смысла гораздо более, чем по горизонтали тем и средств.

В чём же заключается эта духовная традиция? Истинных художников (я употребляю это слово в широком смысле) всегда и во всём привлекают два глобальных явления, лежащих в основе бытия: возникновение некой упорядоченности (формы, свойства, качества, характера, типа, идеи) из хаоса – и возвращение её обратно в хаос, разрушение, уничтожение. Каждый художник понимает или хотя бы чувствует интуитивно, что, выбирая предмет исследования, он одновременно и влияет на него: усиливает или ослабляет. Поэтому начально интуитивный выбор вектора разрушения или вектора созидания в конечном итоге всегда является нравственным и реализуется всеми доступными художественными средствами. Этот выбор воздействует на состояние и мироощущение самого художника буквально, напрямую. (Если художник разрушает сознательно, он более-менее удачно паразитирует на разрушении, если неосознанно – погибает в созданном им хаосе. Созидание гораздо более вариативно. Оно зачастую тоже оплачивается жизнью, но оставляет в культуре народа драгоценные крупички жизнеспособного смысла.)

В свою очередь и мы, сопереживая или противопоставляя себя художнику, также совершаем нравственный выбор, изменяемся сами и реально влияем на происходящее вокруг. При современных возможностях тиражирования индивидуальное переживание легко вливается в коллективное и в результате представляет собой мощное психическое явление, изменяющее нашу жизнь в ту или иную сторону.

В качестве иллюстрации тезиса приведём достаточно красноречивую

ситуацию выбора, в которой оказался Достоевский (она описана в «Дневнике»). Писатель приводит два случая суицида. В первом молодая девушка написала перед смертью письмо – манерное, надуманное, выдающее абсолютную пустоту её души и всего существования. В случае неудачи она предлагала отпраздновать её «воскресение» шампанским – уход из жизни воспринимался как некое движение в пустоте, яркое пятно среди серых буден. Во втором молодая женщина выбросилась из окна, прижав к груди икону. Первая история – атеизм, доходящий до самоуничтожения, вторая – тоже гибель, но – с Богом в душе. Достоевский выбирает второй сюжет и пишет «Кроткую», ибо здесь трагедия намного глубже, а художественное разрешение её поистине целительно. Первый случай – исследование заведомой пустоты и распада – писатель счёл не просто менее важным, но – я думаю – более опасным духовно, в том числе и для самого себя. Высокая целесообразность данного выбора сегодня неочевидна: для нас это всего лишь два случая суицида, и большее внимание привлёк бы первый. Достоевский традиционен в своём выборе, и это традиция сохранения жизни – даже через смерть: тем более, через смерть.

Сегодня в молодой литературе (особенно в поэзии, наиболее чуткой, тонкой и хрупкой форме речи) назрел целый ряд проблем, в которых можно проследить общую тенденцию: происходит разрушение образа и разрастание того, что в русском языке очень точно называется «безобразие» – отсутствие образа (как метаформы), неподобие некоему идеальному образцу, находящемуся в максимальной глубине нашего сознания, распад внутренней структуры. Образ – основа изначальной цельности бытия и мировосприятия человека, устойчивая психическая матрица, на основе которой возможно наиболее глубокое взаимопонимание, затрагивающее и ощущения, и эмоции, и

мысли, и нравственные ориентиры автора и читателя. В чёткой внутренней структуре образа зафиксированы как высокие, так и низкие смыслы. Только полный распад этой структуры позволяет втапывать высокое в грязь и возносить низкое, или свободно выдавать одно за другое. Образная речь требует наиболее полного переживания и четкого построения, и поэтическая интуиция в ней неотделима от знания законов речи.

Единая система архетипических образов уже ушла, как Атлантида, в глубину нашего сознания, стала плотью и кровью, и сейчас происходит развитие индивидуальных образных систем, но принципы организации и структура этой конструкции остаются неизменными. Образ реально воздействует на психику человека, и это его свойство сегодня широчайше используется в спекулятивных целях: коммерческая реклама, политические манипуляции и пр. Художники слова, похоже, и не заметили, что их главный инструмент, оружие в борьбе за выживание человека как индивидуальности, личности, уже давно используется против них. А в их руках остаются обломки, обрывки – цитаты (прости, Господи...).

Конечно, само развитие образа мира, образа человека в глобальных циклах всегда связано с частичным его разрушением и восстановлением в новом качестве. Но разрушение высвобождает большое количество связанной прежде энергии, и потому имеет опасную силу инерции. Мы говорим об инерции только при движении под гору, в гору же каждый последующий шаг связан с большей концентрацией сил, большей точностью движений, преодолением большего сопротивления среды. По каким критериям можно определить степень разрушения образа в поэзии? Попробую выстроить приблизительную иерархию проблематики.

Первое: создание нового текста путём иронического переосмысления классических цитат. Результат нечасто

получается весёлым – гораздо чаще он бывает просто прикольным (это когда не смешно, а так, забавненько). В чём же проблема? При прочтении таких стихотворений возникает не сопереживание, а гораздо более слабый и поверхностный эффект – узнавание в необычном ракурсе знакомого объекта или даже просто слова. И всё. Зато ирония буквально «разъедает» жизнь, соблазняя обманчиво быстрым успехом. Самодовлеющая ирония – инструмент слабых и завистливых, от хорошей шутки её всегда отличает солидная доля яда.

Второе: идея стихотворения «сползает» в беспросветную «бытовуху»: кто сколько чего и на чьи деньги пьёт, кто с кем как и за какую сумму спит. «А мне это интересно!» – говорит молодая поэтесса в ответ на искреннее недоумение мастера. Конечно, и «Анну Каренину» можно прочитать с точки зрения «кто с кем спит», вот только на этом уровне произведение на редкость скучно и неинформативно. В «бытовухе» полностью исчезает высокий смысл. Сама возможность его ставится под сомнение, тогда как поэзия по сути есть один из немногих способов запечатления и переживания именно высокого смысла человеческого существования. А высокий смысл является долгосрочной, наиболее энергоёмкой программой жизни. Как преодолеваются предельные ситуации, тяжёлые испытания? При непосредственной романтизации, поэтизации происходящего: когда я иду в горы, я не вспоминаю про тяжеленный рюкзак, вечно сырые носки и пр. – всё, что в обыденной ситуации чревато простудами, травмами и т.п. Как изображаются в кино (настоящем, а не видеосводках с рабочего стола судмедэксперта) тяжелейшие трагедии? Пронзительный свет, делающий реальное почти призрачным, музыка, замедление движения, косвенные реалии и щадящие детали... Это – образ трагедии, воздействующий гораздо сильнее, чем сама трагедия, способная разрушить психику

человека или просто уничтожить его физически.

Те молодые поэты, которые ощущают высокий статус своего занятия, довольно долго барахтаются в штампах. На учёбу высокой степени сложности нужно время, и немалое. Если же (что бывает довольно редко) поэт практически от рождения обладает чётким ощущением высокого смысла, он подвергается колоссальным нагрузкам со стороны материальной реальности (катастрофически не совпадают внутренние установки и внешние впечатления) и огромному риску самоуничтожения. Примеры, к несчастью, у всех на виду. Но от этих судеб всегда остаётся свет.

Другие, кому высокий смысл не нужен (фатально недоступен?), смотрят на «романтиков» снисходительно и с презрением: у них своя, умудрённая грязным бытовым опытом тусовка. О грязи говорят и бессмысленное обилие грубых физиологизмов (почему-то с непременным пристрастием к фекалиям и сперме), и ненормативная лексика – зачастую в тех точках текста, где просто не нашлось подходящего слова. Один из таких молодых авторов заявлял, что для понимания его текстов необходимо знание всей мировой культуры. Думаю, даже после беглого, поверхностного изучения малой части мировой культуры желание читать его творения просто не возникнет. Ибо низкое знание и знание спекулятивное, «понаслышке», для жизни непригодно.

Спекулятивное знание можно выделить в подпроблему, это, как и сугубое самовыражение, подростковый комплекс в литературе, который, к сожалению, может остаться и на всю жизнь.

Третье: необратимо разрушается музыкальная основа стиха. Разговорный стиль требует соблюдения преимущественно обыденной логики, обилие грубых слов и мат разрушают цельность текста, делают его перегруженным деталями,

рванным, клиповым. Уходит воздух, исчезает последний достоверный признак возможности высоты. Остаются формальные признаки версификации: неровно синкопированная речь, кое-где рифма, написание текста столбиком – хотя почему не приколоться и в строчку? Хоть какое-то разнообразие...

Четвёртое: становится угрожающе популярным открытое использование в молодой поэзии технологий нейролингвистического программирования. Оно неизбежно проступает там, где исчезает высота смысла. В плоскости обыденного весь тонкий инструментарий поэзии превращается в рабочий инструмент агрессивной спекуляции – так же, как чистая мудрость предвиденья на бытовом уровне становится мутной ворожкой. В качестве приёма НЛП работают и синкопирование «бытовухи», и клиповый стиль, и разрушение не просто образа, но и самого синтаксиса. Но не будем отвлекаться: спекулятивные технологии в поэзии – тема отдельного разговора. Такие тексты с виду перегружены смыслом – но подобное завораживающее впечатление производят развалины, где всего много – и ничто ни с чем не связано, всё разорвано и скомкано. Искусство сопереживания превращается в инструмент управления. Но ведь это уже совершенно другое занятие! И, между прочим, очень агрессивное – в противовес поэтическому бережению.

Вот такая апокалиптическая картинка. Принципиально – ни одного имени, поскольку статья задумана не как критическая: и без меня есть кому «тащить и не пущать», литература, несмотря ни на что, остаётся зоной свободного осознанного выбора. Я проанализировала и свела воедино силовые линии событий глобального масштаба. Да, развалины. Да, хаос. Да, это поколение наших детей. Следовательно, истоки проблемы – в нас... Руководя Литературной мастерской в Челябинске уже 9-й год, я не однажды лоб в лоб сталкивалась

с подобными проблемами, наблюдала их и во многих других литературных средах, и потому попробую предположить причины. Видимо, ослабление позиций традиционной поэтической школы объективно и связано в первую очередь с нарастающей раздробленностью сознания. Отсутствие цельности – проблема не только информационная, она одновременно и энергетическая: и хотел бы несомненно способный молодой поэт добраться до высокого смысла, да не хватает силы. Куда лучше воровать у подножия: основная нагрузка в таких стихах ложится на ритмическую основу, всё остальное подбирается по мере эрудиции и(или) по степени эпатажа.

Традиция строга, это не форма, а внутренняя основа, стержень: реальное, физическое ощущение высоты и низости. Строгость постепенно утрачивается ещё и потому, что легковверных подстерегают безграничные возможности Интернета: вчера написал, сегодня (или прямо вчера) «выставил» на сайт, обсудили и номинировали в электронной тусовке... Мерилом становится оценка тусовки. И пусть нас не завораживает её географический размах: то же растекание лужицей по плоскости.

Сгустила ли я краски? Честно старалась этого не делать. Хотя каждую подобную ситуацию в своей мастерской глубоко переживаю как поражение. И дело не во «вращивании поэтов», а в доминирующем мироощущении молодых, в масштабах подмены: перечисленные тенденции выдаются за позитивные и современные... В сознании разрушается модель преодоления предельных нагрузок, а именно – умение выходить на высокие смыслы и по-иному осознать реальность. Тусовщикам стоило бы призадуматься над этим всерьёз. Или сменить название своему занятию.

Разрушающие тенденции поддерживаются популярностью ещё менее

жизнеспособных моделей, подтачивающих устойчивую биполярность мира: я имею в виду слишком пристальное внимание к сексуальным меньшинствам. Да, это часть объективной реальности, и к ней нужно относиться с пониманием, но именно та часть, которая по логике Природы не имеет никаких шансов на продолжение, – разве что в виде разрастания в пространстве, подобно опухоли, захватывающей всё новые здоровые клетки. И в подобных моделях тоже проявляется мертвящий атеизм, замыкающий человека в его физических границах, отсекающий и прошлое, и будущее, выбрасывающий это звено из Природы в пустоту.

Раньше у человека была одна модель бытия, единый образ мира, заложенный в нас Природой. Теперь в поле нашего зрения их множество, дело за малым – выбрать жизнеспособные. То есть (возвращаемся к началу) художник несёт прямую ответственность за свой художественный выбор, ибо этот выбор, безусловно, является нравственным (пригодным для жизни или губительным для неё). Будет ли следовать молодая литература традиции в её нравственном выборе, преодолевать инерцию хаоса сознания и подниматься к высоким смыслам – то есть иметь в виду реальное будущее? Или предпочтёт строить нечто пониже, чтобы даже на цыпочки не вставать?

Есть два способа поддержания качественной литературной среды: внутренний (воспитание, дающее возможность делать свободный осознанный выбор) и внешний (цензура, жёсткий идеологический диктат). Если не срабатывает внутренний – включается внешний, если и он отсутствует – литература вырождается.

